

Социологический институт
Федерального научно-исследовательского социологического
центра Российской академии наук

Власть и элиты

Power and elites

Том 10
Выпуск 2

Санкт-Петербург
2023

УДК 32
ББК 66.0
В 58

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.В. Дука, к.пол.н., главный редактор
А.В. Быстрова, к.э.н.
В.В. Козловский, д.филос.н.
Д.Б. Тев, к.с.н.
А.Ю. Швая, ответственный секретарь

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.А. Ачкасов (С.-Петербург, Россия)
О.В. Гаман-Голутвина (Москва, Россия)
В.А. Гуторов (С.-Петербург, Россия)
А.А. Зоткин (Симферополь, Россия)
Н.Ю. Лапина (Москва, Россия)
В.Г. Ледяев (Москва, Россия)
О.Ю. Малинова (Москва, Россия)
В.П. Мохов (Пермь, Россия)
П.В. Панов (Пермь, Россия)
И. Панькув (Краков, Польша)
У. Хоффманн-Ланге (Бамберг, Германия)
А.Е. Чирикова (Москва, Россия)

EDITOR

A. Duka, Dr., St. Petersburg

ASSISTANT EDITOR

A. Shvaya, St. Petersburg

EXECUTIVE BOARD

A. Bystrova, Dr., St. Petersburg
V. Kozlovskiy, Dr., Prof, St. Petersburg
D. Tev, Dr., St. Petersburg

EDITORIAL BOARD

V. Achkasov (St. Petersburg, Russia)
A. Chirikova (Moscow, Russia)
O. Gaman-Golutvina (Moscow, Russia)
V. Gutorov (St. Petersburg, Russia)
U. Hoffmann-Lange (Bamberg, Germany)
N. Lapina (Moscow, Russia)
V. Ledyayev (Moscow, Russia)
O. Malinova (Moscow, Russia)
V. Mohov (Perm, Russia)
I. Pańków (Warszawa, Poland)
P. Panov (Perm, Russia)
A. Zotkin (Simferopol, Russia)

Научное периодическое издание «Власть и элиты» выходит с 2014 года.
Включено в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

СОДЕРЖАНИЕ

Субъекты власти: теория и практика

<i>Ачкасов В.А.</i> Реализация права на национальное самоопределение: кто решает?	5
<i>Дука А.В.</i> Элиты в структуре политических возможностей.	24
<i>Гуторов В.А.</i> Концепция политической элиты Роберта Даля: актуальные аспекты анализа	44

Субнациональные legislatures

<i>Соловьев Д.А.</i> Модели совокупностей должностей вице-спикеров российских региональных парламентов: нужна ли унификация форм руководства legislatures?	65
<i>Витковская Т.Б.</i> Депутаты представительных органов местного самоуправления в пространстве неформальных практик	102

Партии и избирательный процесс

<i>Сафронов В.В.</i> Участие в выборах государственной думы: социальные неравенства, мотивации и мобилизация.	121
<i>Фадеева Л.А., Думлер Д.А.</i> Фактор Зюганова в партийной трансформации КПРФ	170

Общественные движения и протесты

<i>Лапина Н.Ю.</i> Люди не прекращают бунтовать: акторы, стратегии, политические уроки социальных протестов в современной Франции.	183
<i>Цепилова О.Д.</i> Этапы институционализации экологического протестного движения в постперестроечной России	211

Сведения об авторах	234
----------------------------------	-----

CONTENTS

Power elites: theory and practice

- V. Achkasov.* Realization of the right to national self-determination:
who decides? 5
- A. Duka.* Elites in the political opportunity structure 24
- V. Gutorov.* The conception of political elite by Robert Dahl: current aspects of
analysis. 44

Subnational legislatures

- D. Solovyev.* Introducing models of sets of deputy speaker positions
in Russian regional parliaments: is it necessary to unify the forms
of leading positions in legislative bodies? 65
- T. Vitkovskaya.* Deputies of representative bodies of local government
in the field of informal practices 102

Parties and the electoral process

- V. Safronov.* Participation in the State Duma Elections: Social Inequalities,
Motivations and Mobilization 121
- L. Fadeeva, D. Dumler.* The Zyuganov factor in the party transformation
of the Communist Party of the Russian Federation 170

Social movements and protests

- N. Lapina.* People do not stop rebelling: actors, strategies, political lessons
from social protests in modern France 183
- O. Tsepilova.* Stages of institutionalization of the environmental protest
movement in post-perestroika Russia 211

- Contributors** 235

СУБЪЕКТЫ ВЛАСТИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА НАЦИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ: КТО РЕШАЕТ?

В.А. Ачкасов

(val-achkasov@yandex.ru)

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Ачкасов В.А. Реализация права на национальное самоопределение: кто решает? // Власть и элиты. 2023. Т. 10, № 2. С. 5–23.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.1>
EDN AAZYSM

Аннотация. *Анализируются проблемы, связанные с практической реализацией права национальных меньшинств на политическое самоопределение: кто определяет, какие общности имеют право на самоопределение; каков механизм принятия решения о политическом самоопределении; какую роль в процессах самоопределения играют этнические элиты — «этнические антрепренеры»; каковы способы разрешения противоречия между правом народов на самоопределение и принципом территориальной целостности государств; какую роль играют внешние политические акторы в признании/непризнании результатов национального самоопределения и др. Автор приходит к выводу, что конфликты на почве политического самоопределения, как правило, приводят к дестабилизации обстановки во многих регионах мира, подрывают стремление к демократии, а политические институты самоопределения и даже автономии могут препятствовать движению к ней. Поэтому речь должна идти прежде всего о выборе форм и пределов реализации права на самоопределение. Однако в любом случае национальные меньшинства должны получить гарантии того, что закон будет к ним беспристрастен, а их интересы в таких сферах, как сохранение языка, определение содержания школьных*

программ, распределение ресурсов, возможность получения работы и т.д., будут реализованы.

Ключевые слова: право на национальное самоопределение, референдум, этнические элиты, территориальная целостность государства, «правозащитная сецессия».

Казалось бы, если исходить из «великой фикции суверенитета народа», на которой строится все грандиозное здание конституционализма, то ответ на вопрос «Кто решает?» очевиден — это народ-суверен. В свою очередь, оптимальный способ выявления «воли народа-суверена» — это общенародный референдум. Именно такую форму решения вопроса национального самоопределения умозрительно считал наилучшей даже вождь мирового пролетариата, указывая как на образец для подражания на референдум в Норвегии 1905 г., в результате которого Норвегия отделилась от Шведского королевства и образовала суверенное государство. Правда, все территориальные «национальные» автономии (республики, области, и округа) в Советской России создавались сверху, директивным путем, но не в результате актов самоопределения, т.е. референдумов (исключение из правила — референдумы в Карельской трудовой коммуне — в 1920 г. и в Нагорном Карабахе — в 1923 г.).

Однако следует отметить двоякую политическую природу референдумов. С одной стороны, референдум призван наиболее полно выявить «волю народа», референдум — это форма «прямой демократии», когда значимое политическое решение принимает народ непосредственно, предполагается, что основным мотивом голосующего на референдуме оказывается озабоченность насущными общественными проблемами, и по этой причине референдумы дают относительно «чистый» показатель гражданской вовлеченности. С другой стороны, по словам Э. Кедури, «ничего непонятно о плебисците (как средстве выявления «воли народа». — В.А.), кроме того, что в один прекрасный день определенная группа населения, поддавшись противоречивой пропаганде, давлению, побуждению, голосует так, а не иначе. Если результат раз и навсегда принимается, то он столь же произволен, как и любой другой, достигнутый с помощью силы или сделки. Плебисцит не надежнее, не справедливее и еще более уязвим, чем прежние методы определения границ, основанные на соотношении сил и компромиссе взаимных интересов» [Кедури 2010: 115].

Еще 70 лет назад Айвор Дженнингс писал, критикуя доктрину самоопределения: «На первый взгляд она кажется разумной: пусть народ

решает. На самом деле она смешна, потому что народ не может решать, пока кто-то не решит, кто является народом» [Jennings 1956: 56]. В связи с этим следует подчеркнуть, что право на самоопределение, включая право на сецессию, на практике отдается нациям в культурно-этническом понимании и отождествляется с правом на отдельную государственность и национальную территорию. Именно так толкуется этот вопрос российскими правоведами. Неслучайно В.А. Тишков как-то заметил, что российские юристы даже принципы международного права интерпретируют с позиций этнического национализма. «Однако право на самоопределение относится лишь к группе людей, а не к территории. Сецессия, напротив, относится именно к территории... Приведение же государственных границ в соответствие с этническими заведомо неосуществимо. К тому же сами границы между этнокультурными и тем более этнонациональными группами являются предметом неразрешимых разногласий, к которым добавляются столь же неразрешимые споры об исторических правах на территорию» [Нарочницкая 2015: 48–49]. Суть проблемы достижения соглашения между противоборствующими силами по вопросу реализации права на самоопределение, по мнению К. Оффе, можно представить в виде следующего парадокса: «Для того чтобы сгладить и в конечном итоге преодолеть разобщенность... в обществе, требуется определенная доля единства по вопросам норм, правил и средств. Но учитывая степень разобщенности, подобное единство относительно средств и процедур вряд ли может появиться. Особенно трудноразрешимой проблема становится тогда, когда речь идет о политических правах этнических групп. В этом случае вопрос формулируется следующим образом: “Кто вправе определять состав тех, кто имеет право участвовать в принятии коллективных решений?” Если “единство” народа, в т.ч. права меньшинств, — конституционное сооружение, кто тогда его архитектор?» [Оффе 1996]. Кроме того, в подавляющем большинстве случаев этнические группы, занимают одну и ту же территорию. При этом каждая из них рассматривает эту территорию как «свою отчизну», конструирует полярные нарративы относительно своей «исконности», что провоцирует еще более острые конфликты. И хотя выбор стратегии идентификации теоретически является индивидуальным, в условиях острого конфликта этот выбор, как правило, навязывается индивидам представителями элит — этническими предпринимателями поскольку этничность обеспечивает тот набор символов и ценностей, опираясь на которые мож-

но эффективно осуществлять мобилизацию сторонников. Всегда следует помнить, «что всякое “Я” связано с “Мы”, дающим основы для индивидуальной идентичности» [Ассман 2014: 17], а идентичности зачастую создаются путем внешней категоризации, аскрипции и дискриминации, которые выходят за рамки индивидуального выбора.

Поэтому исследователи, опирающиеся на анализ новейшего опыта самоопределения национальных меньшинств, констатируют: «Территориальные решения могут не работать в условиях сложной этнической неоднородности, особенно когда этнические группы, стремящиеся к территориальному самоуправлению, составляют на своей территории меньшинство» [Bhattacharyya, Mukherjee 2018: 471]. Однако и в тех случаях, когда в новом государстве есть явно доминирующая этническая группа, возникает другая проблема — как защитить от нее меньшинства, которые могут подвергаться дискриминации. Возникает вопрос «Могут ли они политически самоопределяться?» Кроме того, дискриминация представителей этих новых меньшинств может спровоцировать политические или экономические ответные действия их соплеменников, живущих за пределами самоопределившегося региона. Неслучайно Д. Горовиц пришел к заключению о том, что «национальное самоопределение — это проблема, а не ее решение... Есть много доводов против упора на национальное самоопределение и за принятие концепции взаимного компромисса» [Horowitz 1985].

Действительно, хотя право народов на самоопределение является принципом международного права и закреплено документами ООН, однако кто способен решать: что есть народ? (см.: [Ачкасов 2020: 64–76]). И какие народы имеют право быть субъектами самоопределения? Международные правовые акты не дают ответа на эти вопросы, а принципы международного права зачастую противоречат друг другу (самоопределение vs территориальная целостность, невмешательство во внутренние дела vs ненасилие и соблюдение международных соглашений и др.).

Как пишет академик Т.Я. Хабриева, «на данный момент не существует конкретных, до конца оформленных международном правом четких критериев, на основании которых новое государство может быть признано или не признано мировым сообществом, а имеющаяся система де-факто не может гарантировать ни национальной целостности государств, ни права наций на самоопределение» [Хабриева 2010: 137]¹.

¹ Политические деятели и эксперты неоднократно предлагали установить, в каких случаях создание новых государств может быть одобрено международным сообществом.

В результате защита прав национальных меньшинств на самоопределение стала не только важной отраслью международного права, но и весьма опасным инструментом, применяющимся одной или группой ведущих стран мира для вмешательства в дела других; она зачастую служит основанием для права на гуманитарную интервенцию, которое развилось в последние полвека. В свою очередь, предвкусение вмешательства наднациональных организаций может скорее стимулировать этнический сепаратизм, нежели преодолеть его последствия (Босния и Герцеговина (БиГ), Косово). Более того, боснийский опыт показывает, что для интернационализации конфликта этнические предприниматели могут организовывать провокации. Так, во время осады сербскими войсками города Сараево в 1992 г. была расстреляна очередь за хлебом. Президент мусульманского анклава Боснии Алия Изетбегович обвинил в расстреле мирной очереди сербскую армию. Позже комиссия ООН выяснила, что расстрел очереди был организован самими мусульманами, для того чтобы спровоцировать вмешательство западных государств в сербо-мусульманский конфликт. Но уже ничто не могло остановить военное вмешательство Запада, было уже поздно [Лимонов 2014: 9].

«Право на национальное самоопределение преподносится как право первого порядка, принцип, на который мы можем положиться, чтобы установить минимально приемлемые критерии для легитимного деления мира на разные политические сообщества, — пишет Б. Як. — В действительности оно всего лишь дает благословение множеству конкурирующих аргументов о правах второго порядка, правах, происходящих из притязаний, касающихся родных земель, давнего проживания, несправедливой оккупации, нечестного обращения и так далее» [Як 2017: 398].

Поэтому, как считают некоторые исследователи, конфликты на почве политического самоопределения приводят к дестабилизации обстановки во многих регионах мира, подрывают демократию, а политические институты самоопределения и даже автономия могут затруднять движение к ней.

Так, Р. Хаас предлагал рассматривать требования о создании и признании новых государств в случае, когда выполняются следующие обязательные условия: данное требование поддерживается населением, существуют исторические обоснования и неоспоримые аргументы в пользу появления нового государства, и новое государственное образование жизнеспособно [Haas 2011]. Однако прийти к общему согласию по этой проблеме пока так и не удалось.

Нередко сохранение территориальной целостности и право национальных меньшинств на самоопределение представляют, как взаимосоключающие принципы. На самом деле они становятся таковыми в случае их абсолютизации. «Право на самоопределение представляет собой право народа определять свой статус в государстве и соответственно в мире, включая вариант сохранения статус-кво, — отмечает Й. Галтунг. — Но независимо от решения, право на автономию на низком или высоком уровне не предусматривает права на аутизм, на то, чтобы полностью игнорировать других, также как право на свободу слова не предусматривает права игнорировать последствия применения этого права. В этом состоит важнейший принцип ответственности» [Galtung 2002: 131].

Более того, в реализации этих прав могут возникать трудноразрешимые противоречия. Так, с одной стороны, Китай имеет право, исходя из принципа территориальной целостности государства, принимать меры для возвращения утраченной части своей территории, которая по факту является непризнанным государством. С другой стороны, Тайвань, исходя из принципа права на самоопределение народов, зафиксированного в Уставе ООН и в других международных правовых актах, может сохранять свою самостоятельность и независимость. Причем в зависимости от международной ситуации чаша весов может перевесить в любую сторону.

Поэтому следует учитывать, что сегодня «проведение этнической политики интернационализировалось. Оно более не является исключительно внутренней заботой государств. Теперь это и управление границами, и определение гражданства, и регулирование миграционных потоков, а также соблюдение международных норм по защите этнических меньшинств» [Ратленд 2011: 186].

В условиях «нового мирового беспорядка» (Р. Брубейкер) противоречия между правом народов на самоопределение и принципом территориальной целостности государств в международном праве создают для крупных геополитических игроков возможность свободного выбора между двумя моделями поведения — либо «легитимные действия», либо «реализация национальных интересов». Возможность свободного выбора формируется силовым потенциалом геополитического игрока и базируется на «праве сильного». Так, известный исследователь конфликтов Р.Дж. Фишер в результате изучения мотивов посредничества

в процессе урегулирования этнополитических конфликтов пришел к выводу, что зачастую посредники участвуют в процессе, чтобы «протолкнуть свои односторонние интересы, не намереваясь идти на компромисс или искать совместное решение, а порой и для того, чтобы оттянуть время для консолидации сил во имя осуществления альтернативных стратегий» [Этнополитический конфликт... 2007: 232]. Таким образом, содержащееся в базовых международных документах противоречие между правом народов на самоопределение и принципом территориальной целостности государств создает возможность и условия для проведения политики «двойных стандартов» ключевыми игроками современных международных отношений. Такого подхода придерживаются США и их союзники по блоку НАТО в оценке различных ситуаций с «де-факто» государствами и территориями со спорным статусом в различных регионах мира. Более того, «даже в тех случаях, когда непосредственная заинтересованность великих держав в разрешении того или иного конфликта крайне мала, для того чтобы вступить в действие, им требуется «изобрести» собственные национальные интересы в зоне конфликта и убедить общественность в важности их вмешательства» [Косово... 1999: 292].

Уже хрестоматийным стал пример признания независимости Косова, получивший в научной литературе название «косовский прецедент», но который, по замыслу США и их европейских союзников, не подлежит «копированию» при разрешении схожих этнополитических конфликтов (т.е. абхазской и южноосетинской проблем, приднестровского конфликта, «крымского вопроса» и пр.).

Тем не менее применимость к непризнанным государствам «косовского сценария» в России начали обсуждать еще до начала «горячей» фазы грузино-югоосетинского конфликта. По мнению российских экспертов, Международный суд ООН, признав 2 июля 2008 г. законным провозглашение независимости Косово от Сербии, создал соответствующий правовой прецедент. Поэтому в различных интервью Президент России Д.А. Медведев легитимировал свое решение об одностороннем признании Абхазии и Южной Осетии аналогией с Косово. При этом аргументу, касающемуся геноцида албанцев-косоваров, он противопоставлял трагические события грузино-югоосетинского конфликта 1991–1992 гг.: «В 1991 году президент Грузии З. Гамсахурдия с призывом “Грузия — для грузин” — только вдумайтесь в эти слова — приказал

штурмовать Сухум и Цхинвал. Тысячи погибших, десятки тысяч беженцев, разоренные села — вот к чему тогда это привело»¹.

В связи с этим следует также отметить, что политическая элита Крыма также ссылалась именно на прецедент признания независимости Косово решением Международного суда ООН и на то, что крайне важный для судьбы Крыма референдум марта 2014 г.² прошел после принятия Декларации о независимости Республики Крым. Следует напомнить и то, что референдум в Косово вообще не проводился, и, как отмечают эксперты, в целом процедура признания была менее демократична, чем крымская.

Как резонно полагают российские правоведы, есть все основания считать решение, принятое Международным судом ООН о том, что «декларация независимости Косово, принятая 17 февраля 2008 г., не нарушает международного права», решением, легитимизирующим и другие правовые документы, относящиеся к схожим случаям (см., например: [Томсинов 2014: 15; Кошкин, Черданцев 2016]). Однако пресловутая политика «двойных стандартов» позволила странам Запада провести в марте 2014 г. через Генеральную ассамблею ООН резолюцию № 68/262 «О территориальной целостности Украины» и обосновать с ее помощью политику санкций, направленную против Республики Крым и Российской Федерации.

Необходимо также отметить, что рассмотрением этой проблемы в связи с присоединением Крыма к России занимались и международные институты, в частности **Европейская комиссия за демократию через право** (Венецианская комиссия) — консультативный орган по конституционному праву, созданный при Совете Европы в 1990 г. В докладе 1999 г. по результатам рассмотрения конституций европейских государств Венецианская комиссия признала необходимым подчинить право наций на самоопределение принципу территориальной целостности государства. Свое решение она подтвердила и при рас-

¹ Дмитрий Медведев выступил с заявлением в связи с признанием независимости Южной Осетии и Абхазии. 26 августа 2008 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/1223> (дата обращения: 23.09.2023).

² За воссоединение Крыма с Россией проголосовали 96,77 % населения Крыма (участвовало 83,01 % населения Крыма, имеющего право голосовать) и 95,6 % — Севастополя (участвовало 89,5 % населения Севастополя, имеющего право голосовать). Результаты референдума были утверждены Комиссией по проведению референдума 17 марта 2014 г.

смотрении вопроса о конституционности проведения крымского референдума 2014 г. Венецианская комиссия признала данный референдум неконституционным, так как он противоречил конституции материнского государства — Украины. Представитель России, в свою очередь, попытался опровергнуть обоснованность данного решения, ссылаясь на особый исторический и правовой контекст данных событий, а также отмечая «конституционно-правовую неопределенность» в Украине того периода, вызванную политическим кризисом 2013–2014 гг. По мнению российских представителей, в условиях такой неопределенности законодательство Республики Крым оказывалось первостепенным [Гошуляк 2019].

Подводя некоторый итог, Д. Горовиц утверждает: «Право сецессии <...> приписывается этническим группам и выводится из реинтерпретации принципа самоопределения. Хотя теоретики дискутируют о возможных вариантах права на самоопределение (допуская как сецессию в принципе, так и ее возможность лишь в случае выполнения конкретных условий), все они рассматривают самоопределение в качестве реакции на проблему этнического конфликта и насилия. <...> Сторонники сецессии аргументируют свою позицию необходимостью создать успешные гомогенные государства, но сецессия не создает таких государств. Сецессия не уменьшает степени конфликта, насилия или угнетения меньшинств, несмотря на создание новых государств. Гарантии защиты меньшинства в отделяющихся регионах, как правило, иллюзорны; многие сецессионистские движения действительно имеют в качестве одной из своих целей вытеснение или подчинение меньшинств в отделившихся регионах. Кроме того, право на сецессию как таковое часто ослабляет попытки сосуществования в едином государстве, в т. ч. реализуемые через модели федерализма или региональной автономии, что могло бы снизить неудовлетворенность и недовольство меньшинств, стремящихся к сецессии... <...> Выбор между сецессией или разделением, с одной стороны, и кровопролитным конфликтом — с другой, — миф» [Горовиц 2013: 189, 190].

Именно право на политическое самоопределение осуществили титульные народы/республики бывшей Югославии в процессе ее распада по административным границам, но на территории новых самоопределившихся государств проживало этнически смешанное население. Причем степень этой гетерогенности во многом определила остроту

последовавших межэтнических столкновений¹. Таким образом, новые государства столкнулись с теми же «национальными» проблемами в своих границах, которые еще недавно заставляли их самих искать свободы от федерации. Кроме того, возрождение идеи о жизни всех сербов в одном государстве стало естественным ответом на возобновление трагических событий, которые уже довелось пережить сербам в XX в. Американский исследователь сербского происхождения В. Вуячич замечает: «...хотя Милошевич, безусловно, первым стал призывать их (сербов. — В.А.) к защите национальных интересов, но триумф Хорватского демократического содружества (ХДЗ) Франьо Туджмана на выборах в апреле 1990 г. следует рассматривать как поворотный момент, поскольку он способствовал возрождению травматических эпизодов исторической памяти и придал подлинный резонанс этнической угрозе» [Вуячич 2019: 395]. Конечно, в эскалации этнополитических конфликтов в СФРЮ очень большую роль сыграли этнические антрепренеры: «Туджман, Милошевич, другие ключевые акторы югославской драмы использовали символические процессы в коммуникации с широкими слоями населения для установления устойчивой эмоциональной связи, делая упор на травматическом опыте своей этнической группы, манипулируя историческими, культурными и религиозными символами таким образом, чтобы заставить массы мыслить и действовать в соответствии с их задачами. И на агентивном уровне (Милошевич vs Туджман), и на уровне политической пропаганды ее восприятия и усвоения в массовом сознании, в конце концов, на уровне идентичности начинала работать положительная обратная связь. “Образ другого” стремительно трансформировался в “образ врага”, от которого необходимо защитить свой домашний очаг» [Ефременко 2021: 87].

Сепаратное, без предварительных консультаций даже со своими европейскими союзниками признание 23 декабря 1991 г правительством Г. Коля — Д. Геншера независимости Словении и Хорватии также стало мощнейшим катализатором конфликта, подстегнувшим его вооруженную развязку. Именно это обстоятельство во многом предопреде-

¹ Так, в 88 (не включая Сараево) из приблизительно 100 общин Социалистической Республики Боснии и Герцеговины проживали этнические/национальные меньшинства, составлявшие около 10 и более процентов от общей численности населения, и лишь 11 общин не характеризовались подобным образом (из них только семь отличались однородным или близким к однородному этническому/национальным составом населения) [Русских 2023].

лило ориентацию хорватских лидеров не на диалог и поиск компромисса с Белградом по вопросу самоопределения сербского меньшинства в Хорватии (создания сербской автономии), а на политическую и военно-техническую поддержку Запада. Ответом послужило взятие Югославской народной армией под контроль земель, на которых сербы жили веками, что привело к дальнейшей эскалации межэтнических конфликтов [Куликова, Милованов 1996:102; Гуськова 2016: 78–94].

В конце 1990-х годов как ответ на сформировавшийся политический запрос получили развитие теории избирательного (ограниченного) права на отделение, постулирующие легитимность даже вооруженной сецессии при наличии особых обстоятельств по аналогии с внеконституционным правом на революцию. Среди таких условий разные авторы называют историческую несправедливость, дискриминацию и массовые нарушения базовых прав человека, гражданскую войну или неспособность государства обеспечить элементарный правопорядок, стремление к демократии в условиях недемократического режима, непреодолимое взаимное ожесточение групп («аргумент Чейма Кауфмана») и их «фундаментальную несовместимость» [Нарочницкая 2015: 50]. В частности, обоснование условий реализации принципа политического самоопределения было предложено еще в рамках концепта так называемых правозащитных сецессий (*remedial secession*). Предложивший этот термин юрист-международник Л. Бакхайт рассматривает правозащитную сецессию как последнюю из возможных форм защиты прав группы от угнетения государством [Buchheit 1978: 222]. Его концепция находит свое подкрепление в инверсном толковании¹ «защитительной оговорки» (*the safeguard clause*) в отношении принципа территориальной целостности в Декларации о принципах международного права ООН 1970 г., которая запрещает «санкционирование или поощрение любых действий, ведущих к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов и имеющих правительства, представляющие без различия расы, вероисповедания или цвета кожи весь народ, проживающий на данной территории» [Декларация о принципах международного права... 1970]. Инверсное толкование этого

¹ Инверсия (в логике) — отрицание, переворачивание смысла, замена «белого» «черным».

положения позволяет сделать вывод, что государство, не имеющее правительства, равно представляющего весь народ, не обладает и правом ссылаться на принцип территориальной целостности, чтобы ограничить применение права народов на самоопределение. Однако, как уже отмечено, ни один международный правовой институт до настоящего времени не принял документа, предоставляющего в каком-либо случае право на сепессию.

Концепт «правозащитной сепессии» получила признание и развитие также в западном политологическом сообществе. Так, А. Бьюкенен (см.: [Buchanan 1991; Бьюкенен 2001]) следующим образом сформулировал основной аргумент своей концепции «исправляющего права»: «Если государство настойчиво продолжает совершать серьезную несправедливость по отношению к отдельной группе и формирование группой собственной независимой политической единицы выступает последним возможным средством защиты, то международное сообщество должно признать ее право отказаться быть под властью государства и попытаться создать свою собственную независимую политическую единицу... “Принцип защиты от смертельной угрозы” со стороны самого государства является наиболее весомым фактором в защиту права наций на одностороннюю сепессию [Buchanan 2004: 335].

Западные и российские приверженцы концепции «правозащитной сепессии» считают, что причиной югославского кризиса стал великодержавный экспансионизм сербской политической элиты, которая хотела силой отделить территории Хорватии и Боснии с сербским населением и присоединить их к Сербии (а позже изгнать албанцев из Косова) [Романенко 2000: 139 и др.]. Однако на деле у сербов изначально отсутствовали мотивы для проведения такой политики. Именно сербское и черногорское руководство однозначно выступало за сохранение единой Югославии, в этой ситуации проведение великосербской политики выглядело совершенно нелогичным. Если бы целью Белграда было образование сербского национального государства, то Сербия должна была первой потребовать роспуска федерации и первой же выйти из ее состава. Кроме того, исходя из распространенного мнения, что к 1991 г. Югославская Народная Армия стала фактически сербской армией, при наличии политической воли лидеров Сербии (если бы она действительно имела место) им было бы легко добиться изменения административных границ в СФРЮ в свою пользу с помощью военной силы, а остальным республикам оставалось бы только принять эту

новую реальность. Однако события развивались по иному руслу и в иной последовательности.

Любопытно, что теперь многие аргументы, предложенные авторами концепции «правозащитной сецессии», используются российской стороной для доказательства законности референдумов о присоединении к РФ ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей, но без ссылки на первоисточник. И напротив, об этой системе доказательств права на сецессию «забыли» в странах «коллективного Запада».

В то же время, поскольку тренды развития современной международной системы не исключают возникновения новых государств, вопрос о сецессии и праве на нее остается в центре внимания научного сообщества. Как уже отмечено, оппонентом Бьюкенена выступает Д. Горовиц, который убежден, что сецессия не только не решает проблему конфликта, насилия или угнетения меньшинств, но и может усугубить ее [Горовиц 2013: 189].

Во многом именно поэтому международными документами признано, что право на самоопределения отнюдь не обязательно предполагает доведение его до политического самоопределения, т.е. сецессии и создания нового суверенного государства. Та же Декларация о принципах международного права ООН 1970 г. подчеркивает, что право народов на самоопределение не должно толковаться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению, к частичному или полному нарушению территориальной целостности либо к потере политической независимости суверенных государств, имеющих правительства, представляющие весь народ, принадлежащий данной территории, без различия расы, вероисповедания и т.д. [Действующее международное право... 2007: 71].

Таким образом, принцип самоопределения вслед за А.Я. Йонгманом и А.П. Шмидом можно рассматривать «как право народа выбирать политическую лояльность, чтобы влиять на политическую систему, в рамках которой он живет, и сохранять свою культурную, этническую, историческую или территориальную идентичность» [Йонгман, Шмид 2000: 179], и речь должна идти о разных формах и пределах реализации данного права. Однако в любом случае национальные меньшинства должны иметь гарантии того, что закон будет к ним беспристрастен, а их интересы в таких сферах, как сохранение языка, определение содержания школьных программ, распределение ресурсов, возможность получения работы и т.д., будут реализованы.

Литература

Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 323 с.

Ачкасов В.А. Понятие «народ» в политическом дискурсе элит // Власть и элиты. Т. 7, вып. 2 / под ред. А. В. Дуки. СПб.: Интерсоция, 2020. С. 64–76.

Бьюкенен А. Сецессия: право на отделение, права человека и территориальная целостность государства. М.: Рудомино, 2001. 239 с.

Вуячич В. Национализм, миф и государство в России и Сербии: предпосылки распада СССР и Югославии. СПб.: Изд. Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 430 с.

Горовиц Д.Л. Разрушенные основания права сецессии // Власть. 2013. № 11. С. 189–191.

Гошуляк В.В. Право народов на самоопределение и территориальная целостность государств в интерпретации Венецианской Комиссии // Наука. Общество. Государство. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-narodov-na-samoopredelenie-i-territorialnaya-tselostnost-gosudarstv-v-interpretatsii-venetsianskoj-komissii> (дата обращения: 15.09.2023).

Гуськова Е.Ю. Вооруженный конфликт и политическое урегулирование: кризис диалоговой модели на Балканах в 90-е годы XX века // Новая и новейшая история. 2016. № 6. С. 78–94.

Действующее международное право: сб. документов: в 2 т. / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД РФ; сост. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. М.: Международные отношения, 2007. Т. 1. 766 с.

Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, принятая 24 октября 1970 года Резолюцией 2625 (XXV) на 25-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 10.09.2023).

Ефременко Д.В. Идентичность и сецессия: казус отделения Словении и Хорватии от Югославии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. № 1/ URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-i-setsessiya-kazus-otdeleniya-slovenii-i-horvatii-ot-yugoslavii> (дата обращения: 15.09.2023).

Кедури Э. Национализм. СПб.: Алетейя, 2010. 136 с.

Косово: еждународные аспекты кризиса: сборник / Московский Центр Карнеги; ред. Д. Тренин; Е. Степанова. М.: Гендальф, 1999. 236 с.

Кошкин А.П., Черданцев В.В. Право на самоопределение в политических коллизиях современности: Крым и Косово // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 2. С. 273–280.

Куликова Н.В., Милованов В.С. Балканский кризис и Дейтонские соглашения // Правила игры. 1996. № 1. С. 97–106.

Нарочницкая Е.А. Многообразный сепаратизм: Проблема типологии и европейские реальности // Актуальные проблемы Европы. 2015. № 1. С. 32–56.

Оффе К. Этнополитика в восточноевропейском переходном процессе // ПОЛИС. 1996. № 3. С. 86–93.

Ратленд П. Присутствие отсутствия: об этнической политике в России // ПОЛИС. 2011. № 1. С. 172–189.

Романенко С.А. Югославия: кризис, распад, война. Образование независимых государств. М.: МОНФ, 2000. 495 с.

Русских М.С. Территориально-демографический аспект национального строительства и этнополитического конфликта в Боснии и Герцеговине: ретроспективное моделирование и возникновение (1990–1992 гг.). 2023 (рукопись статьи).

Томсинов В.А. «Крымское право», или юридические основания для воссоединения Крыма с Россией // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2014. № 5. С. 3–32.

Хабриева Т.Я. Современные проблемы самоопределения этносов. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2010. 288 с.

Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Бергховского центра: пер. с англ. / ред. В. Тишков, М. Устинова. М.: Наука, 2007. 583 с.

Этнос и политика: хрестоматия / авт.-сост. А.А. Прусаускас. М.: УРАО, 2000. 400 с.

Як Б. Национализм и моральная философия сообщества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 520 с.

Bhattacharyya H., Mukherjee J. Bodo ethnic self-rule and persistent violence in Assam: A failed case of multinational federalism in India // Regional & Federal Studies. 2018. Vol. 28, no. 4. P. 465–474.

Buchanan A. Secession: The morality of political divorce from Fort Sumter to Lithuania and Quebec. Boulder, CO: Westview Press, 1991. 174 p.

Buchanan A. Justice, legitimacy and self-determination: Moral foundations for international law. New York: Oxford Univ. Press, 2004. 520 p.

Buchheit L.C. Secession: The legitimacy of self-determination. New Haven: Yale Univ. Press, 1978. 260 p.

Galtung J. The State/Nation Dialectic: Some Tentative Conclusions // Galtung J., Jacobsen C.G., Brand-Jacobsen K.F. Searching for Peace. The Road to Transcend. London; Sterling, Virginia, 2002. P. 124–136.

Haas R.N. World order 2.0. The case for sovereign obligation // Foreign Affairs 2011. URL: [https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/\[russian_documents\]/\[2011\]/\[Oct2011\]/Res1832_rus.asp](https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/[russian_documents]/[2011]/[Oct2011]/Res1832_rus.asp) (дата обращения: 10.09.2023).

Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. Berkley: University of California Press, 1985. 697 p.

Jennings I.W. The Approach to Self-Government. New York: Cambridge University Press, 1956. viii+204 p.

Источники

Дмитрий Медведев выступил с заявлением в связи с признанием независимости Южной Осетии и Абхазии. 26 августа 2008 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/1223> (дата обращения: 23.09.2023).

Лимонов Э. Гангстеры // Известия. 2014. 27 января.

REALIZATION OF THE RIGHT TO NATIONAL SELF-DETERMINATION: WHO DECIDES?

V. Achkasov

(val-achkasov@yandex.ru)

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia.

Citation: Achkasov V. Realizatsiya prava na natsional'noye samoopredeleniye: kto reshayet? [Realization of the right to national self-determination: who decides?]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2023, 10 (2): 5–23. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.1>.

EDN AAZYSM

Abstract. *The article is devoted to the analysis of some problems associated with the practical implementation of the right of national minorities to political self-determination, namely: who determines which communities have the right to self-determination; what is the mechanism for making a decision on political self-determination; what role do ethnic elites — “ethnic entrepreneurs” — play in the processes of self-determination; what are the ways to resolve the contradiction between the right of peoples to self-determination and the principle of territorial integrity of states; what role do external political actors play in the recognition/non-recognition of the results of national self-determination, etc. As a result, the author comes to the conclusion that conflicts based on political self-determination, as a rule, lead to destabilization of the situation in many regions of the world, undermine the desire for democracy, and political institutions of self-determination, and even autonomy, can hinder the movement towards it. Therefore, we should talk, first of all, about the choice of forms and limits for the implementation of the*

right to self-determination. However, in any case, national minorities must receive guarantees that the law will be impartial to them, and that their interests in such areas as preserving the language, determining the content of school curricula, distributing resources, getting a job, etc. will be realized.

Keywords: *the right to national self-determination, referendum, ethnic elites, territorial integrity of the state, “remedial secession”.*

References

Achkasov V.A. *Ponyatiye «narod» v politicheskom diskurse elit* [The concept of “people” in the political discourse of elites. Power and elites]. Vol. 7, iss. 2. Ed. by A.V. Duki. St. Petersburg: Interasocio, 2020, pp. 64–76. (In Russian)

Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Moscow: New Literary Review, 2014. 323 p. (In Russian)

Bhattacharyya H., Mukherjee J. [Bodo ethnic self-rule and persistent violence in Assam: A failed case of multinational federalism in India. *Regional & Federal Studies*, 2018, 28(4), pp. 465–474. (In Russian)]

Buchanan A. *Justice, legitimacy and self-determination: Moral foundations for international law*. New York: Oxford Univ. Press, 2004. 520 p.

Buchanan A. *Secession: The morality of political divorce from Fort Sumter to Lithuania and Quebec*. Boulder, CO: Westview Press, 1991. 174 p.

Buchanan A. *Setsessiya: Pravo na otdeleniye, prava cheloveka i territorial'naya tselostnost' gosudarstva* [Secession: The right to secession, human rights and the territorial integrity of the state]. Moscow: Rudomino, 2001. 239 p. (In Russian)

Buchheit L.C. *Secession: The legitimacy of self-determination*. New Haven: Yale Univ. Press, 1978. 260 p.

Deystvuyushcheye mezhdunarodnoye pravo: sb. dokumentov [Current international law: Sat. documents]: in 2 vols. Moscow: State int. int. relations (university) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; comp. Yu.M. Kolosov, E.S. Krivchikova. Moscow: International relations, 2007. Vol. 1. 766 p. (In Russian)

Deklaratsiya o printsipakh mezhdunarodnykh prav, druzhestvennykh otnosheniy i sotrudnichestva mezhdunarodnykh gosudarstvami v sootvetstvii s Ustavom OON, prinyataya 24 oktyabrya 1970 goda Rezolyutsii 2625 (XXV) na 25-y sessii Generalnoi Assamblei OON [Declaration of Principles of International Law concerning Friendly Relations and Cooperation among States in accordance with the Charter of the United Nations, adopted on October 24, 1970 by Resolution 2625 (XXV) at the 25th session of the UN General Assembly]. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (accessed: 10.09.2023). (In Russian)

Efremenko D.V. *Identichnost' i setsessiya: kazus otdeleniya Slovenii i Khorvatii ot Yugoslavii* [Identity and Secession: the Case of Separation of Slovenia and Croatia from Yugoslavia]. *Contours of global transformations: politics, economics, law*, 2021, 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-i-setsessiya-kazus-otdeleniya-slovenii-i-horvatii-ot-yugoslavii> (accessed: 15.09.2023). (In Russian)

Etnos i politika: Khrestomatiya khrestomatiya [Ethnicity and politics. Reader]. Compiled by A.A. Prazauskas. Moscow: Publishing house URAO, 2000 400 p. (In Russian)

Etnopoliticheskiy konflikt: puti transformatsii: nastol'naya kniga Bergkhovskogo tsentra [Ethnopolitical conflict: paths of transformation: handbook of the Berghov Center]. Transl. from English; ed. V. Tishkov, M. Ustinova. Moscow: Nauka, 2007. 583 p. (In Russian)

Galtung J. The State/Nation Dialectic: Some Tentative Conclusions. In: Galtung J., Jacobsen C.G., Brand-Jacobsen K.F. *Searching for Peace. The Road to Transcend.* London: Sterling, Virginia, 2002, pp. 124–136.

Goshulyak V.V. *Pravo narodov na samoopredeleniye i territorial'nuyu tselostnost' gosudarstv v standarte Venetsianskoy komissii* [The right of peoples to self-determination and the territorial integrity of states in the interpretation of the Venice Commission]. [Science. Society. State], 2019, 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-narodov-na-samoopredelenie-i-territorialnaya-tselostnost-gosudarstv-v-interpretatsii-venetsianskoy-komissii> (accessed: 15.09.2023). (In Russian)

Guskova E.Yu. Vooruzhennyi konflikt i politicheskoye uregulirovaniye: krizis vokrug modeley na Balkanakh v 90-ye gody XX veka [Armed conflict and political settlement: the crisis of the dialogue model in the Balkans in the 90s of the 20th century]. *New and recent history*, 2016, 6, pp. 78–94. (In Russian)

Haas R.N. World order 2.0. The case for sovereign obligation. *Foreign Affairs*. 2011. Available at: [https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/\[russian_documents\]/\[2011\]/\[Oct2011\]/Res1832_rus.asp](https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/[russian_documents]/[2011]/[Oct2011]/Res1832_rus.asp) (accessed: 15.09.2023).

Horowitz D. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkley: University of California Press, 1985. 697 p.

Horowitz D.L. Razrushennyye osnovaniya prava setsessii. [The destroyed foundations of the right of secession]. *Power*, 2013, 11, pp. 189–191. (In Russian)

Jennings I.W. *The Approach to Self-Government*. New York: Cambridge University Press, 1956. viii+204 p.

Kedourie E. *Natsionalizm* [Nationalism]. St. Petersburg: Aletheya, 2010. 136 p. (In Russian)

Khabrieva T.Ya. *Sovremennyye problemy samoopredeleniya etnosov* [Modern problems of self-determination of ethnic groups]. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2010. 288 p. (In Russian)

Koshkin A.P., Cherdantsev V.V. Pravo na samoopredeleniye v finansovykh kolliziyakh sovremennosti: Krym i Kosovo [The right to self-determination in the political conflicts of our time: Crimea and Kosovo]. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*, 2016, 2, pp. 273–280. (In Russian)

Kosovo: Mezhdunarodnyye vozhdunarodnyye aspekty krizisa: sbornik [Kosovo: International aspects of the crisis: collection]. Carnegie Moscow Center; ed. D. Trenin, E. Stepanova. Moscow: Gandalf, 1999. 236 p. (In Russian)

Kulikova N.V., Milovanov V.S. Balkanskiy krizis i Deytonskiyе soglasheniya. [Balkan crisis and Dayton agreements]. *Rules of the game*, 1996, 1, pp. 97–106. (In Russian)

Narochnitskaya E.A. Mnogoobraznyy separatizm: problemy tipologii i yevropeyskoy real'nosti. [Diverse separatism: The problem of typology and European realities]. *Current problems of Europe*, 2015, 1, pp. 32–56. (In Russian)

Offe K. Etnopolitika v vostochnoyevropeyskom perekhodnom protsesse. [Ethnopolitics in the eastern European transition process]. *POLIS*, 1996, 3, pp. 86–93. (In Russian)

Romanenko S.A. *Yugoslaviya: krizis, raspad, vojna. Obrazovaniye gosudarstvennoye* [Yugoslavia: crisis, collapse, war. Formation of independent states]. Moscow: MONE, 2000. 495 p. (In Russian)

Russian M.S. *Territorial'no-demograficheskiy aspekt gosudarstvennogo stroitel'stva i etnopoliticheskiy konflikt v Bosnii i Gertsegovine: retrospektivnoye modelirovaniye i svyaz' (1990–1992 gg.)* [Territorial-demographic aspect of nation-building and ethno-political conflict in Bosnia and Herzegovina: retrospective modeling and emergence (1990–1992)]. 2023 (article manuscript). (In Russian)

Rutland P. Prisutstviye posledstviy: ob etnicheskoy politike v Rossii. [The presence of absence: about ethnic politics in Russia]. *POLIS*, 2011, 1, pp. 172–189. (In Russian)

Tomsinov V.A. «Krymskoye pravo», ili yuridicheskiye uchrezhdeniya dlya vossoyedineniya Kryma so stranoy. [“Crimean law”, or legal grounds for the reunification of Crimea with Russia]. *Bulletin of Moscow University. Ser. 11. Law*, 2014, 5, pp. 3–32. (In Russian)

Vuyachic V. *Natsionalizm, mif i gosudarstvo v Rossii i Serbii: Predposylki predposylki podderzhivayut SSSR i Yugoslaviyu* [Nationalism, myth and state in Russia and Serbia: Prerequisites for the collapse of the USSR and Yugoslavia]. St. Petersburg: Publishing house. European University in St. Petersburg, 2019. 430 p. (In Russian)

Yak B. *Natsionalizm i moral'naya filosofiya soobshchestva* [Nationalism and moral philosophy of community]. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2017. 520 p. (In Russian)

ЭЛИТЫ В СТРУКТУРЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

А.В. Дука

(alexander-duka@yandex.ru)

Социологический институт ФНИСЦ РАН
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Дука А.В. Элиты в структуре политических возможностей // Власть и элиты. 2023. Т. 10, №. 2. С. 24–43.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.2>
EDN AIVBFP

Аннотация. Рассматривается активность политико-административных элит и других акторов в условиях кризисной ситуации в открытых и закрытых политических системах. Для первых существенное значение имеет структура политических возможностей, представляющая собой систему взаимодействующих организаций, институтов и акторов, создающих условия для появления, организации и реализации требований социальных групп к изменению условий их существования. Для вторых стабилизирующую роль в поддержании системы и сохранении властных групп имеет авторитарная консолидация. Исследователи указывают на фундаментальное значение политического контекста, ключевую роль структурных характеристик политической системы и степень контроля с ее стороны над активностью населения. Существенно, насколько открыто публичное и политическое пространство для реализации индивидуальных и групповых интересов и требований. Другими словами, насколько возможно что-то сделать и чего-то достичь. Возможность что-то сделать, осуществить — важная характеристика политического пространства. Здесь существуют два аспекта проблемы. Во-первых, возможности для реализации индивидуальных амбиций. Во-вторых, возможности для социальных групп влиять на принимаемые решения, корректировать курс властных инстанций, изменить политику. Роль элит в обоих случаях кардинальна. Направленность активности элит, их предрасположенность к определенному структурированию социально-политического порядка задает структуру политических возможностей. Вместе с тем структура политических возможностей определяет бассейн рекрутирования и задает карьерные пути властных персон.

Ключевые слова: элиты, властные группы, структура политических возможностей, кризис, институты, консолидация, авторитаризм.

СТРУКТУРА ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Деятельность властных групп (элит), как и прочих политических акторов, происходит в сложной системе взаимодействий, структур, институтов. Отличие состоит в месте таких групп в этом взаимодействии. Положение зависит от имеющихся ресурсов, которые позволяют этим группам возглавить основные иерархические институты, а также от ресурсов, которые у этих групп возникают в связи с занятием главенствующих позиций. Борьба за контроль над ресурсами становится существенной в отношениях в рамках социальных порядков. Многие ученые, изучающие элиты, включают этот аспект их функционирования в определение (см., например: [Janowitz 1956: 82; Presthus 1974: 332; Дай, Зиглер 1984: 33; Гаман-Голутвина 2006: 10; Daloz, Hoffmann-Lange 2018: 461]), в условия успешного попадания в элиту [Seligman 1971: 4]. А Ева Этциони-Халеви делает его центральным [Etzioni-Halevy 1993: 94] и выстраивает свою концепцию элит в значительной степени в связи с контролируемыми ими ресурсами. Пространство взаимодействий исследователями определяется по-разному в зависимости от теоретических оснований исследования и его целей. Институционалистская традиция связывает его с социальными или институциональными порядками (см., например: [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011: 40]). Существенно, что в стратегически релятивной концепции государства Б. Джессопа звучат схожие мотивы: «Государство — это сложный ансамбль (или, как это называют некоторые исследователи “сборка”) институтов, организаций и взаимодействий, участвующих в осуществлении политического лидерства и реализации решений, которые в принципе являются коллективно обязывающими для его политических субъектов. Эти институты, организации и взаимодействия обладают различными пространственно-временными характеристиками и горизонтами действия и мобилизуют ряд возможностей и ресурсов для достижения государственных целей» [Джессоп 2019: 53]. И здесь возникает парадокс «часть — целое» в рамках взаимоотношения государства и социального порядка, в другом ракурсе рассмотрения — отношение между государством и обществом [Джессоп 2019: 181–182, 185–189]. Мы видим, что социальный порядок и государство фактически являются социальной средой, пространством, где потенциальные и актуальные политические акторы стремятся реализовать свои потребности и достичь определенные цели. Его разнообразные элементы становятся факторами, влияющими на дей-

ствия политических акторов. В данном случае существенно, что действия акторов в политическом пространстве в основном связаны с реализацией определенных интересов и требований, продвижением тех или иных программ, проектов. В связи с этим важным видится концептуализация П. Эйзингера: «[П]еременные среды связаны друг с другом в том смысле, что они устанавливают *контекст*, в котором происходит политика. Связь этого контекста с моделями политического поведения становится очевидной, если элементы контекста воспринимаются как компоненты особой структуры политических возможностей сообщества» [Eisinger 1973: 11].

В исследовательской литературе концепт «структура политических возможностей» используется в нескольких смыслах. Наиболее часто исследователи прибегают к нему при описании условий и факторов карьерного продвижения (родоначальниками в этом направлении были Лестер Селигман и Джозеф Шлезингер), а также при анализе экзогенных факторов, способствующих успешности общественных движений (пионерами здесь являются Питер Эйзенгер и Сидней Тэрроу). Существуют и другие исследовательские направления, где данный концепт используется. Здесь же я буду исходить из теоретических построений вокруг первых двух.

Лестер Селигман, исследуя рекрутирование в элиту, обратил внимание на структурные факторы и персональные особенности претендентов на властные позиции [Seligman 1961; Seligman 1971]. Лица, стремящиеся к власти, должны обладать определенными свойствами: «Те, кто обладает ресурсами, способностями и мотивацией к политической активности, и кому не запрещено законом участие в политике, у того есть реальные возможности» [Seligman 1971: 4]. Однако условия «политического рынка» подчиняются закону спроса и предложений. Привлекательность позиции влияет на характеристики соискателя. Л. Селигман соединяет личные психологические устремления и политический контекст.

Дальнейшая концептуализация в наиболее развитом виде встречается у Джозефа Шлезингера [Schlesinger, 1966; Schlesinger 1991]. Он также отталкивается от индивидуальных мотивов. Индивид определяет цель, но она корректируется внешними факторами: «[Т]ип лидерства, который человек собирается с вероятностью реализовать, определен его амбициями. Внутри нации политические амбиции направляются структурой политических возможностей» [Schlesinger 1966: 208].

И именно поэтому «структура политических возможностей» принципиальным образом характеризует политическую и социальную систему.

Важным представляется вклад Йенса Борхерта в развитие концепции [Borchert 2003; Borchert 2009; Borchert 2011]. Он конкретизировал мотивы политиков, строящих свою карьеру: «Однако, что бы ни мотивировало профессиональных политиков, всех их объединяют три общих интереса, которые являются прямым следствием их профессиональной политической карьеры: доход, сохранение или преемственность карьеры и продвижение по службе» [Borchert 2011: 119; Borchert 2003: 7–8]. Такая редукция во многом упрощает ситуацию, но дает более четкую схему. Существенным является его основная программа: «Я бы предположил, что наиболее фундаментальными перспективами, которые следует интегрировать, являются взгляды отдельного политика и институциональный контекст» [Borchert 2003: 10]. Последний он приравнивает со структурой политических возможностей, которая состоит из шести компонентов в ранней версии [Borchert 2003: 12–14] и четырех в последней [Borchert 2011: 123] — устройство государства, структура политических институтов, структура представительства и структура политических организаций. Этот подход дает возможность рассмотреть многофакторность и многоуровневость процесса продвижения во власть.

В рамках социологии общественных движений концепт «структура политических возможностей» входит в исследовательский инструментарий с 1971 г. Было установлено, что внешний контекст, задающий возможности политической активности, названный «структурами политических возможностей», кардинально влияет на модели поведения в политическом пространстве. Данное «открытие» позволило связать эмпирически наблюдаемые действия и взаимодействия акторов в определенном территориальном сообществе в рамках единого теоретического объяснения [Eisinger 1973]. В дальнейшем Д. Макадам развил теорию в рамках модели политического процесса [McAdam 1982]. Но основная заслуга в концептуализации принадлежит Сиднею Тэрроу [Tarrow 1988]. Как отмечал М. Диани и Р. Айерман: «Концепт “структура политических возможностей”... соотносится с кластером переменных макроуровня, таких как степень открытости или закрытости политики; наличие или отсутствие союзников и групп поддержки; внутриэлитные разногласия или терпимость элиты к протесту; способность правительства к осуществлению политики, что способствует или нет развитию общественных движений» [Diani, Eyerman 1992: 6].

Как можно видеть, оба направления исследований имеют два очень важных общих элемента — активность и стремление достичь, что связано с групповыми и личными амбициями, а также властные элиты.

Активность в зависимости от уровня проявления имеет разную направленность. Однако, надо иметь в виду, что целеполагание при этом не столь однозначно: каждый актор может иметь несколько пересекающихся целей.

Таблица 1

Социально-политическая активность

Уровень активности	Направленность активности
Социетальный уровень	Институционализация требований
Групповой уровень	Доступ к принятию решений для группы / вхождение группы в бассейн рекрутирования властных элит
Индивидуальный уровень	Возможность попадания в руководство

В первом направлении рассматриваемых исследований элиты — цель претендентов, и они же создатели системы доступа и ограничений в продвижении наверх.

Во втором случае они опять же выполняют своеобразную роль призрачников. Их внутреннее качественное состояние (разобщенность, сплоченность, аморфность, структурированность) создают условия влияния на принятие решений внешними по отношению к этой группе акторами. (Здесь есть очень важная переключка с типологией элит Р. Дарендорфа, Э. Гидденса, Дж. Хигли — абстрактные элиты.) Они допускают новые идеи, организации, новых людей к процессу принятия решений (в различных формах) или преграждают им путь, сводя их возможности к нулю. И здесь, конечно, различие политические возможности «для кого» и «для чего» [Meyer, Minkoff, 2004] имеет большой смысл. В значительной степени два варианта исследований связаны с характером политического режима и политической системы. И в этом случае структура политических возможностей и как определенное явление, и как исследовательский инструментариум позволяет дать важные характеристики политической системе. В наибольшей степени различия проявляются в период кризисов.

Интегрируя обозначенные подходы в исследовании структуры политических возможностей, можно предложить, что в общем плане

структура политических возможностей представляет собой систему взаимодействующих организаций, институтов и акторов, создающих условия для появления, организации и реализации требований социальных групп к изменению условий их существования. И в этом смысле она возникает и носит динамический характер, что предполагает ее постоянное изменение во времени. Как отмечал Дж. Шлезингер: «Структура возможностей определенно не зафиксирована. Войны и изменяющиеся экономические основания имеют свои заметные воздействия на политические шансы» [Schlesinger 1966: 19]. Условия существования здесь рассматриваются как статусные, так и жизнедеятельные. Ведущую роль в этой системе играют властные элиты, стоящие на страже своего сообщества и социального порядка. Необходимо при этом сказать, что подчас у них не получается все контролировать. Их действия приобретают вынужденный, зависящий от обстоятельств характер. Именно это дает шанс другим игрокам. С социетальной точки зрения структура политических возможностей является механизмом обновления властных групп, политики и социальных порядков.

КРИЗИС И СТРУКТУРА ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Политико-институциональные сдвиги начала XXI в. создают неопределенность в функционировании и эволюции политических режимов, политических систем и возможных действиях политических акторов. Данную ситуацию можно определить как кризисную, проблематизирующую социетальные порядки, их элементы, включая политико-административную элиту. Причем растянутость во времени и пространстве событий, которые можно отнести к указанным сдвигам, делают кризис системным и всеобщим. Под кризисом здесь понимается «максимальная неопределенность существования социетальной (под)системы вследствие неадекватности прежних механизмов ее регулирования» [Дука 2022: 7]. Для населения, как правило, он оборачивается относительной или абсолютной депривацией. Пространственно-временная «размазанность» кризиса свидетельствует о возможных существенных трансформациях в политической, социальной и прочих сферах.

За политическими трансформациями часто стоят властные группы. Во всяком случае в нормативном аспекте. Влияние гражданских инициатив, «объективных» социальных и экономических процессов, случайностей и стихийных природных процессов в современном обществе

довольно большое. В этом отношении политические трансформации — результат множества факторов. Однако элиты в любом случае стремятся контролировать трансформации.

Существенно, что реакция различных акторов на кризис в разных политических системах, при разных политических режимах существенно различается.

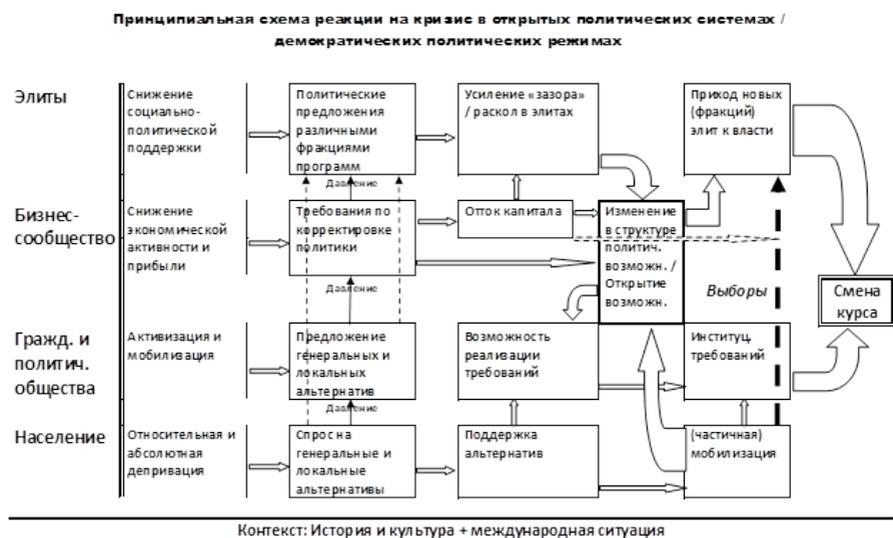

Рис. 1. Реакция политических акторов на кризис и структура политических возможностей в открытых политических системах (по: [Дука 2023: 44])

Кризис представляет собой вызов для всей системы. На рисунке 1 рассмотрены четыре уровня актуальных и потенциальных акторов или пространств реакции на кризис. Население, конечно, внутренне дифференцировано. Каждая группа, или страта, обладает собственным набором ресурсов, обеспечивающих демпфирование кризисных явлений. В низших стратах эти ресурсы минимальны. Соответственно и реакция на неблагоприятную ситуацию будет различной. И, конечно, возникающие возможности неодинаковы для разных групп.

Пространство гражданского и политического обществ включает как общественные инициативы, так и политические партии, общественные движения и лоббистские структуры. Именно они на низовом и национальном уровне предлагают как поддержку властным группам, так и альтернативу их курсу и персональному наполнению элитных позиций.

Выделение бизнес-сообщества, или, в более общем виде, собственников и менеджеров экономических структур, продиктовано значимостью их деятельности в поддержании стабильности современных обществ и потенциальной силе их коллективных действий, включая инвестиции и вывод капитала. Социальная и политическая значимость экономической сферы очевидна. Зависимость ее от кризисных явлений и порождение ею кризисов является политическим фактором. Связь бизнес-сообщества с политико-административной элитой показана многими отечественными и зарубежными исследованиями. В этом отношении финансово-экономические круги могут требовать изменения или корректировки политики, и они имеют возможность оказывать существенное давление на властные группы.

Элиты — основные игроки в системе отношений. Они принимают кардинальные решения и обладают ресурсами, позволяющими эти решения реализовать. Среди этих ресурсов есть монопольные, не разделяемые (по закону) ни с кем — административные и силовые. Они же испытывают комплексное давление со стороны других акторов и со стороны «объективных обстоятельств». Именно поэтому внутри элит возникает разномыслие и раскол по поводу выстраивания политики и входа из кризиса.

Заявление спроса на альтернативы существующему политическому курсу внутри населения носит в основном пассивный характер — готовность откликнуться, поддержать сформулированные и выдвигаемые партиями и организациями требования и предлагаемые ими персоны на выборах. Если, конечно, падение уровня жизни не носит катастрофического характера, что может привести к спонтанным акциям протеста. Но и здесь, как было показано Оскаром Льюисом, в группах с хронической бедностью вырабатывается особая «культура бедности», существенно препятствующая социальной и политической активности [Lewis 1966] (критика этой концепции см., например: [Gajdosikienė 2004]). Экспликация потребностей и интересов сводится к обеспечению жизнедеятельности на уровне не меньшем, чем до кризиса. В нормальных условиях — к улучшению условий жизни во всех аспектах.

Организации гражданского общества и политические партии выработывают предложения по выходу из кризиса и улучшению положения населения. Посредством различного рода акций они оказывают давление на бизнес-сообщество и на властные структуры. Они могут

проводить или провоцировать протестную мобилизацию. Также из их среды могут рекрутироваться активисты в контрэлиту.

Экономическое сообщество действует двояким образом: вывод активов в другие юрисдикции и выдвижение требований (большей частью непублично) к политико-административной элите и проводимой ею политике. В зависимости от степени автономности бизнес-сообщества от властных структур последние могут ресурсно обеспечивать протестные организации и партии для осуществления ими своей деятельности и выдвижения альтернативных существующей элите индивидов. Собственно, это действует в направлении усиления возможности смены курса и властных персон.

Внутри элитного сообщества разные фракции, опираясь на экспертное сообщество, вырабатывают программы по выходу из кризиса, подкрепляя (легитимируя) свои проекты требованиями народа, гражданского общества, партий, бизнеса. Но это может привести к усилению внутриэлитного раскола, что снижает совокупные политико-административные ресурсы элит и возможность использовать силу для стабилизации ситуации. Это также создает «бреши» в системе доступа во властные структуры и открывает возможности для соискателей элитных позиций.

Кризис усиливает электоральную волатильность. Это влияет на структуру политических возможностей. В отношении переизбираемых властных персон и претендентов из контрэлиты бассейн рекрутирования расширяется, но его периферия носит во многом случайный и неустойчивый характер. В условиях тотального кризиса (крушения системы) весь бассейн рекрутирования приобретает аморфный характер. Во власть стремятся и попадают «случайные» лица (как, например, в период перестройки и после). Это со стороны неэлитных акторов.

Со стороны властных групп ситуация несколько иная. Под влиянием протестной мобилизации и экономического давления элитные группы способствуют возможности реализовать требования неэлитных акторов и допускают в свою среду новых людей. Это «попустительство» посредством выборов или кооптации вхождению новичков может быть следствием как слабости и недосмотра, так и продуманной тактики. Новые члены властных групп (или новые группы) могут рассматриваться как возможные союзники тех элит, которые во внутриэлитной борьбе не имеют достаточных ресурсов для победы. Возможен также вариант необходимости обновления политики и состава элит ввиду неадекватности старой политики новым условиям.

АВТОРИТАРНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ

В современных условиях, характеризующихся перманентным кризисом (политическим, экономическим, международным) и актуализацией шмиттовского политического разделения «друг — враг», просматриваются усилия части господствующих групп по консолидации элитных слоев. Данная тенденция в различных формах и с различной интенсивностью наблюдается во многих странах. Подчас она проявляется в острых конфликтах (например, в США). Зачастую это происходит в силу множественности агентов консолидации и их стремления реализовать именно свои интересы и на своих условиях.

Можно предположить, что в современных обществах после волн демократизации происходит если не волна, то сдвиг в сторону закрытия политических систем и расширение авторитарных тенденций. (Можно вспомнить политические циклы Артура Шлезингера.)

Наблюдается тенденция сужения структуры политических возможностей как в отношении процессов рекрутирования, так и в отношении доступа внешних групп к процессу принятия решений.

Проблема консолидации власти и властных элит в России актуализировалась в связи с неустойчивостью существующих властных групп, их внутренней конфликтности и ползучей конфедерализации («регионализации», как тогда обозначали этот тренд) Российской Федерации. В послании В.В. Путина Федеральному собранию 2003 г. эта проблема впервые была обозначена как насущная для общества, государства и элит [Путин 2003]. Во второй половине следующего года начались реформы властных институтов. В последующие несколько лет появился ряд работ, анализирующих инициированные центральной властью процессы (см., например: [Российские элиты... 2006; Условия и возможности... 2010]).

Существуют экзогенные и эндогенные факторы консолидации властных групп. К первым можно отнести международные отношения и глобализационные эффекты. Есть общие процессы — борьба за доминирование и за легитимацию институциональных порядков. Существенно, что внутри каждой политики есть сторонники разных вариантов развития и различные ориентации на центры власти. Стремление однозначно обозначить тренды развития и закрепить единственную определенность в принятии решений приводит к базовому моноцентризму властных инстанций. Другими словами, речь идет о суверенитете и суверенности, а также о ценностях, предлагаемых обществу и миру как фундаментальные.

И, безусловно, это движение несет имплементацию определенных правил, которые подчас подменяют существующие нормы — законы, соглашения, договоры, уставы. Более конкретно, эмпирически наблюдаемые конфликты и противостояния связаны с глобализацией, мировой полярностью, региональной гегемонией. Важно, что противостояния носят как международный, так и внутривосточный характер.

Существенным является влияние мировой социально-экономической эволюции. Для аналитиков и действующих политических акторов данный процесс часто рассматривается как «объективный», хотя очевидны негосударственные агенты (транснациональные корпорации, международные финансовые институты и т.п.), стремящиеся воздействовать на политический процесс, направленность развития конкретных стран. Тем не менее для политико-административных элит возникает дилемма поддержки определенных социально-экономических процессов и программ, принимающих вид эффективных — неэффективных институтов, способов организации экономики и финансов.

Пандемия COVID-19 создала особый контекст функционирования политических институтов и властных групп: требование сплочения перед общей опасностью; опасность как легитимирующее основание; угроза, создающая актуальность дихотомии «друг — враг». По характеру влияния на политический процесс пандемия стала скорее внутренним фактором. Появились авторитарные практики (чрезвычайное положение), изменяющие принципы функционирования политических систем (Дж. Агамбен).

Эндогенные факторы являются производными от складывающихся социальных, экономических и политических отношений внутри каждой страны. Безусловно, они связаны с международным, геополитическим и глобальным контекстами. Внутренние конфликты и кризисы подталкивают группы доминирования к актуализации «трех С», описанных Дж. Мейселем, — *three C's — group consciousness, coherence, and conspiracy (in the sense of common intentions)*: групповое сознание, согласованность, сговорность (в смысле общей устремленности) [Meisel 1962]. Согласованность действий возможна как в рамках авторитарного, так и демократического политического процесса.

Происходит усиление центробежных тенденций внутри властных групп. Неопределенность порождает множество сценариев выхода из этого состояния, что создает возможность для новых групп/лиц войти в пул акторов принятия (или по крайней мере влияния на принятие)

решений. Для находящихся у власти групп возникает задача сокращения предложений, носящих критический характер, и отсечь конкурентов, стремящихся во власть. Усиливается контроль над информацией (СМИ, аналитика, экспертизы). В крайнем случае вводится цензура.

Консолидация элит означает фиксирование политико-идеологических рамок и способов действия властных акторов, ведет к сужению структуры политических возможностей и выстраиванию контроля над ней. Максимизация достигается в рамках авторитарной консолидации. При этом различного рода оппозиция (могущая быть контрэлитой) и инакомыслие изгоняются из политического процесса. Консолидация элит принципиально снижает возможности контрэлит и всяких общественных инициатив. Здесь уместно сослаться на исторические примеры. Так, по свидетельству специалистов, устойчивость монархий по сравнению с республиками оказалась большей в условиях кризисных событий на Ближнем Востоке [Кича 2021: 388, 392].

Консолидация элит институционально связана со снижением дистанции между ветвями власти. Принцип взаимного контроля и ограничения заменяется на принцип государственного/национального единства. (Сущностно они не противоречат друг другу, но в логике конфликтного противостояния становятся альтернативами.) Возможности институционального игнорирования оппонентов (примером здесь может быть поведение президента Грузии Саломе Зурабишвили) значительно снижаются.

Консолидация элит ведет к сужению структуры политических возможностей и выстраиванию контроля над ней. Максимизация достигается в рамках авторитарной консолидации. При этом различного рода оппозиция (могущая быть контрэлитой) и инакомыслие изгоняются из политического процесса.

В отличие от открытых политических систем, в условиях авторитарной консолидации давление и требования к властным инстанциям весьма ограничено. Население, минуя слабое гражданское общество, может прямо обращаться с просьбами, прошениями (в монархиях — с челобитными) в органы власти или к главе государства (правительства). Могут существовать специальные институционализированные формы обращения «наверх» — непосредственное обращение на встречах представителей власти с разными категориями населения, обращение через СМИ, прямые линии с высшим должностным лицом, письма и т.п. Политические предложения различных политических фракций

Абсорбция требований – вариант институционализации требований, но здесь ведущий субъект деятельности – властные элиты. Они не соглашаются и не уступают, а представляют требования как свои решения.

Рис. 2. Реакция политических акторов на кризис и авторитарная консолидация в закрытых политических системах (по: [Дука 2023: 46])

минимизируются. Усиливается роль непубличных экспертов и аналитиков, связанных с доминирующими элитными группами. Бюрократически-технократические механизмы выработки программ и принятия решений становятся основными. Усиливается цензура. Латентность политики и государственного управления расширяется за счет публичной сферы и приобретает откровенный характер. При этом могут сохраняться демократические институты. Надо заметить, что обращение исследователей к концепции «глубинного государства» [Джессоп 2019: 414–415] свидетельствует о распространенности этой тенденции и в демократиях, причем безотносительно наличия кризиса.

На бизнес-сообщество возможно давление со стороны гражданского общества (прежде всего профсоюзов), но используются и различного рода консультативные инструменты. Также капитаны бизнеса во взаимодействии с властными структурами в первую очередь проводят консультации, что является мягкой формой переговоров с разъяснением взаимных позиций. Конечно, отток капитала возможен, но в условиях авторитарной системы он чреват серьезными негативными санкциями со стороны консолидированной власти.

В политической системе авторитарная консолидация, как видно, на рисунке 2, минимизирует политические возможности невластных акторов и начинает структурно и функционально играть роль интегратора и стабилизатора системы. Политико-административные элиты получают возможность контролировать публичную политическую активность значимых игроков и мобилизовывать население в свою поддержку. Консолидация элит принципиально снижает возможности контрэлит и всяких общественных инициатив. Способствующим фактором выступает обладание элитами административного и силового ресурсов. Можно утверждать, что бассейн рекрутирования элит в этих условиях сужается, карьерные возможности уменьшаются.

Вместе с тем проблемы, возникающие в кризисе, и потребности индивидов и общественных групп требуют определенной позитивной реакции. Властные группы, во-первых, стремятся перехватить инициативу, продемонстрировать свое первенство в постановке вопросов и ответов, способов решения проблем. Это происходит часто и в обычной ситуации при контроле доминирующими группами представительных и исполнительных органов, когда предложения оппозиции не принимаются, а затем такая же инициатива, но уже от имени правящего большинства предлагается на рассмотрение. В приводимой схеме это названо «абсорбцией требований». Разновидностью данной тактики является создание параллельных общественных организаций и партий, контролируемых государством (в отношении экологической проблематики в России см., например: [Цепилова 2022: 113]). Такая легитимирующая уловка обеспечивает позитивное восприятие у части публики намечаемых изменений курса. Во-вторых, властные элиты для самосохранения и выхода из кризиса идут на кооптирование во властные структуры новых персон, в том числе из рядов оппозиции. При этом авторитарное рекрутирование необязательно расширяет социальную базу власти, но создает иллюзию возможности достижения элитных позиций выходцам из неэлитных кругов. Таким образом, авторитарная консолидация выступает механизмом сохранения системы и ее частичного обновления. Более того, политические возможности для оппонентов могут быть дисфункциональными для авторитарного режима.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье намеренно описывается случай кризисного общества. Именно в этом состоянии социум демонстрирует внутренние возможности мобилизации и политико-культурные способы решения проблем. Последнее связано с историко-культурной предрасположенностью общества и элит к определенному выбору типа консолидации и соответствующего политического режима. Конечно, существуют обстоятельства, диктующие выбор осуществления политики. В этом отношении властные группы не всегда могут действовать своевольно.

Кризис порождает консолидацию. Но она может быть временной. Она создает невостребованность иных предложений, не связанных с кризисом и конфликтом. В этом отношении консолидация чрезвычайна и функционально ограничена. И соответственно имеет временные границы. Но даже при сравнительно краткосрочном кризисе его последствия для социально-политической сферы могут оказаться существенными и долговременными.

Приведенный анализ может породить представление об исчерпанности вариантов действия элит только двумя рассмотренными случаями. Предложенная полярность (демократическая политика с широкой структурой политических возможностей и авторитарная консолидация, элиминирующая возможности неэлитных акторов) схематична и абстрактна. Однако она описывает возможные рамки действий властных групп и остальных сегментов социума. Кроме этого, рассмотренные варианты оказываются устойчивыми к кризисным явлениям. Разные режимы используют релевантные им механизмы стабилизации. Для открытых систем — это структура политических возможностей, для (полу)закрытых — авторитарная консолидация.

Следует отметить, что описываемый авторитарный режим все же предполагает социальную плюральность — сохранение элементов гражданского общества и партий, относительно автономное бизнес-сообщество. Это связано с характеристиками современного общества с его диверсифицированностью экономической и социальной сферами. Вместе с тем в условиях кардинального сужения структуры политических возможностей и уменьшения публичной сферы усиливается латентность власти и ее закрытие для вхождения «чужаков». Также резко сокращаются ресурсы всех акторов. Но у элит остается два исключительных монопольных ресурса — административный и силовой, которые они активно используют.

В значительно меньшей степени схожие процессы можно наблюдать и в открытых политических системах. Войны и кризисы усиливают этот тренд.

Литература

Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.

Дай Т.Р., Зиглер Л.Х. Демократия для элиты: Введение в американскую политику. М.: Юрид. лит., 1984. 320 с.

Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее и будущее / пер. с англ. С. Моисеева; под науч. ред. Д. Карасева. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 504 с.

Дука А.В. Политический режим и возможности протестной активности // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 3. С. 32–54. <https://doi.org/10.31249/ape/2023.03.02>. EDN: NAOJQW.

Дука А.В. Элиты в кризисном обществе // Власть и элиты. 2022. Т. 9, № 1. С. 5–36. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.1.1>. EDN: NHCUYD.

Кича М.В. Династии: как устроена власть в современных арабских монархиях. М.: Бомбора, 2021. 404 с.

Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки: концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. 480 с.

Российские элиты в условиях консолидации власти: Матер. Интернет-конференции «Российские политические и экономические элиты в условиях консолидации власти», апрель-июль 2005 г. / под общ. ред. В.П. Мохова. Пермь: ПГТУ, 2006. 192 с.

Условия и возможности консолидации российского общества: сб. науч. трудов СИ РАН / отв. ред.: А.В. Дука, И.И. Елисеева. СПб.: Нестор-История, 2010. 280 с.

Цепилова О.Д. От институционализации к политизации: сравнительный анализ возникновения и развития зеленых партий Западной Европы и политического крыла зеленого движения России // Власть и элиты. 2022. Т. 9, № 2. С. 96–121. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.4>. EDN: CGCMVH.

Borchert J. Ambition and Opportunity in Federal Systems: The Political Sociology of Political Career Patterns in Brazil, Germany, and the United States (2009). APSA 2009 Toronto Meeting Paper. URL: <https://ssrn.com/abstract=1450640> (дата обращения: 19.08.2023).

Borchert J. Individual Ambition and Institutional Opportunity: A Conceptual Approach to Political Careers in Multi-level Systems // Regional & Federal Studies. 2011. Vol. 21, no. 2. P. 117–140. <https://doi.org/10.1080/13597566.2011.529757>.

Borchert J. Professional Politicians: Towards a Comparative Perspective // The Political Class in Advanced Democracies / ed. by Jens Borchert and Jürgen Zeiss. Oxford: Oxford University Press, 2003. P.1–25.

Daloz J.-P., Hoffmann-Lange U. Elite Attributes and Resources // The Palgrave Handbook of Political Elites / Ed. by H. Best, J. Higley. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 461–465. https://doi.org/10.1057/978-1-137-51904-7_29.

Diani M., Eyerman R. The Study of Collective Action: Introductory remarks // Studying Collective Action /Ed. by Mario Diani and Ron Eyerman. London; Newbury Park; New Delhi: Sage Publications, 1992. P.1–21.

Eisinger P.K. The Conditions of Protest Behavior in American Cities // American Political Science Review. 1973. Vol. 67, no. 1. P.11–28.

Etzioni-Halevy E. The Elite Connection: Problems and Potential of Western Democracy. Cambridge: Polity Press, 1993. vii+239 p.

Gajdosikienė I. Oscar Lewis' Culture of Poverty: Critique and Further Development // Sociologija. Mintis ir veiksmas. 2004. No. 1. P. 88–96.

Janowitz M. Social Stratification and the Comparative Analysis of Elites // Social Forces. 1956. Vol. 35, no. 1. P.81–85.

Lewis O. The Culture of Poverty // Scientific American. 1966. Vol. 215, no. 4. P. 19–25.

Meisel J.H. The Myth of the Ruling Class: Gaetano Mosca and the “Elite”. With the first English translation of the final version of “The Ruling Class”. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1962. xi+432 pp.

Meyer D.S., Minkoff D.C. Conceptualizing Political Opportunity // Social Forces. 2004. Vol. 82, no. 4. P. 1457–1492.

Presthus R. Elites in the Policy Process. London; New York: Cambridge University Press, 1974. xiii+525 p.

Schlesinger J.A. Ambition and Politics: Political careers in the United States. Chicago: Rand McNally and Co., 1966. xv+226 p.

Schlesinger J.A. Political parties and the winning of office. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1991. viii+232 p.

Seligman L.G. Political Recruitment and Party Structure: A case study // American Political Science Review. 1961. Vol. 55, no. 1. P. 77–86.

Seligman L.G. Recruiting Political Elites. New York: General Learning Press, 1971. 22 p.

Tarrow S. National Politics and Collective Action. Recent Theory and Research in Western Europe and the USA // Annual Review of Sociology. 1988. Vol. 14. P. 421–440.

Источники

Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 16 мая 2003 года // Сайт Президента РФ. URL: <http://president.kremlin.ru/text/appears/2003/05/44623.shtml> (дата обращения: 18.05.2003).

ELITES IN THE POLITICAL OPPORTUNITY STRUCTURE

A. Duka

(alexander-duka@yandex.ru)

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch of the
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg, Russia

Citation: Duka A. Elity v strukture politicheskikh vozmozhnostey [Elites in the political opportunity structure], *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2023, 10 (2): 24–43. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.2>.

EDN AIVBFP

Abstract. *The activity of political-administrative elites and other actors in a crisis situation in open and closed political systems is considered. For the former, the structure of political opportunities is essential, which is a system of interacting organizations, institutions and actors that create conditions for the emergence, organization and implementation of the demands of social groups to change the conditions of their existence. For the latter, authoritarian consolidation plays a stabilizing role in maintaining the system and preserving power groups. Researchers point to the fundamental importance of the political context and the key role of the structural characteristics of the political system, and the degree of control on its part over the activity of the population. It is important how open the public and political space is for the realization of individual and group interests and demands. In other words, how possible it is to do something and achieve something. The ability to do something, to implement it, is an important characteristic of the political space. There are two aspects to the problem here. Firstly, opportunities to realize individual ambitions. Secondly, opportunities for social groups to influence decisions made, correct the course of government authorities, and change policies. The role of elites in both cases is cardinal. The direction of the activity of the elites, their predisposition to a certain structuring of the socio-political order, determines the structure of political opportunities. On the other hand, the structure of political opportunities determines the pool of recruitment and sets the career paths for people in power.*

Keywords: *elites, power groups, political opportunity structure, crisis, institutions, consolidation, authoritarianism.*

References

- Borchert J. Ambition and Opportunity in Federal Systems: The Political Sociology of Political Career Patterns in Brazil, Germany, and the United States (2009). *APSA 2009 Toronto Meeting Paper*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=1450640> (accessed: 19.08.2023).
- Borchert J. Individual Ambition and Institutional Opportunity: A Conceptual Approach to Political Careers in Multi-level Systems. *Regional & Federal Studies*, 2011, 21(2), pp. 117–140. <https://doi.org/10.1080/13597566.2011.529757>.
- Borchert J. Professional Politicians: Towards a Comparative Perspective. In: *The Political Class in Advanced Democracies*. Ed. by Jens Borchert and Jürgen Zeiss. Oxford: Oxford University Press, 2003. P.1–25.
- Daloz J.-P., Hoffmann-Lange U. Elite Attributes and Resources. In: *The Palgrave Handbook of Political Elites*. Ed. by H. Best, J. Higley. London: Palgrave Macmillan, 2018, pp. 461–465. https://doi.org/10.1057/978-1-137-51904-7_29.
- Diani M., Eyerman R. The Study of Collective Action: Introductory remarks. In: *Studying Collective Action*. Ed. by Mario Diani and Ron Eyerman. London; Newbury Park; New Delhi: Sage Publications, 1992, pp. 1–21.
- Duka A. Elity v krizisnom obshchestve [Elites in a crisis society]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2022, 1, pp. 5–36. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.1.1>. EDN NHCUYD. (In Russian).
- Duka A. Politicheskii rezhim i protestnyye vozmozhnosti [Political regime and opportunities for protest activity], *Aktual'nyye problemy Yevropy* [Current problems of Europe]. 2023, 3, pp. 32–54. <https://doi.org/10.31249/ape/2023.03.02>. EDN NAOJQW. (In Russian).
- Dye T.R., Zeigler L.H. *Demokratiya dlya elity: Vvedeniye v amerikanskuyu politiku* [The Irony of Democracy: An Uncommon Introduction to American Politics]. Moscow: Yurid. lit., 1984. 320 p. (In Russian)
- Eisinger P.K. The Conditions of Protest Behavior in American Cities. *American Political Science Review*, 1973, 67, pp. 11–28.
- Etzioni-Halevy E. *The Elite Connection: Problems and Potential of Western Democracy*. Cambridge: Polity Press, 1993. vii+239 p.
- Gajdosikienė I. Oscar Lewis' Culture of Poverty: Critique and Further Development. *Sociologija. Mintis ir veiksmas*, 2004, 1, pp. 88–96.
- Gaman-Golutvina O. 2006. *Politicheskkiye elity Rossii: Vekhi istoricheskoy evolyutsii*. [Political Elites of Russia: Milestones of Historical Evolution.] Moscow: ROSSPEN. 448 p. (In Russian)
- Janowitz M. Social Stratification and the Comparative Analysis of Elites. *Social Forces*, 1956, 35(1), pp. 81–85.
- Jessop B. *Gosudarstvo: proshloye, nastoyashcheye i budushcheye* [The State: Past, Present, Future]. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity, 2016. 248 p. (In Russian)
- Kicha M.V. *Dinastii: kak ustroyena vlast' v sovremennykh arabskikh monarkhiyakh* [Dynasties: how power is structured in modern Arab monarchies]. Moscow: Bombora, 2021. 404 p. (In Russian)

Lewis O. The Culture of Poverty, *Scientific American*, 1966, 215 (4), pp. 19–25.

Meisel J.H. *The Myth of the Ruling Class: Gaetano Mosca and the “Elite”*. With the first English translation of the final version of “The Ruling Class”. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1962. xi+432 pp.

Meyer D.S., Minkoff D.C. Conceptualizing Political Opportunity. *Social Forces*, 2004, 82(4), pp. 1457–1492.

North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. *Nasiliye i sotsial’nyye poryadki: Kontseptual’nyye ramki traditsionnoy pis’mennoy istorii chelovechestva* [Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2011. 480 p. (In Russian)

Presthus R. *Elites in the Policy Process*. London; New York: Cambridge University Press, 1974. xiii+525 p.

Rossiyskiye elity v usloviyakh konsolidatsii vlasti [Russian elites in conditions of consolidation of power]. Ed. by V.P. Mokhov. Perm: PGU, 2006. 192 p. (In Russian)

Schlesinger J.A. *Ambition and Politics: Political careers in the United States*. Chicago: Rand McNally and Co., 1966. xv+226 p.

Schlesinger J.A. *Political parties and the winning of office*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1991. viii+232 p.

Seligman L.G. Political Recruitment and Party Structure: A case study, *American Political Science Review*, 1961, 55(1), pp. 77–86.

Seligman L.G. *Recruiting Political Elites*. New York: General Learning Press, 1971. 22 p.

Tarrow S. National Politics and Collective Action. Recent Theory and Research in Western Europe and the USA. *Annual Review of Sociology*, 1988, 14, pp. 421–440.

Tsepilova O. Ot institucionalizatsii k politizatsii: sravnitel’nyy analiz vozniknoveniya i razvitiya zelyonykh partiy Zapadnoj Evropy i politicheskogo kryla zelenogo dvizheniya Rossii [From institutionalization to politicization: a comparative analysis of the emergence and development of Green parties in Western Europe and the political wing of the Green Movement in Russia]. *Vlast’ i elity* [Power and Elites], 2022, 2, pp. 96–121. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.4>. EDN CGCMVH. (In Russian).

Usloviya i vozmozhnosti konsolidatsii rossiyskogo obshchestva. Sbornik nauchnykh trudov SI RAN [Conditions and possibilities for the consolidation of Russian society. Collection of scientific works of SI RAS]. Ed. by A.V. Duka, I.I. Eliseeva. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2010. 280 p. (In Russian)

КОНЦЕПЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ РОБЕРТА ДАЛЯ: АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА¹

В.А. Гуторов

(gut-50@mail.ru)

Санкт-Петербургский государственный университет,

Санкт-Петербург, Россия.

Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН,

Москва, Россия

Цитирование: Гуторов В.А. Концепция политической элиты Роберта Даля: актуальные аспекты анализа // Власть и элиты. 2023. Т. 10, №. 2. С. 44–64.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.3>.

EDN AMHBCW

Аннотация. *Анализ проблемы элит в «политологии» Роберта Даля представляет значительные трудности. Помимо различных подходов и трактовок политических элит, представленных в его книгах и статьях, приходится учитывать и множество их интерпретаций, которые в настоящий момент практически невозможно свести к единому знаменателю. Исследование элит в работах Р. Даля охватывает более чем полувековой период. Если представить его в виде некоего теоретического континуума, то на одной крайней точке будут расположены образцы аналитики элит с позиций «чистой науки», на другой — идеи и трактовки с оттенком нормативности и даже вполне ясно выраженных ценностных ориентаций. В своих ранних работах 1950–1960-х годов, учитывая проблематичность определения понятия «правлящая элита», американский*

¹ Исследование выполнено в рамках госзадания ФНИСЦ РАН за 2023 г. по теме «Справедливость и социальное государство как категории политики: историческая традиция и современные интерпретации» (Рег. номер ЕГИСУ НИОКР 123091800035-0) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

The research was carried out within the framework of the State Assignment of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences for 2023 on the topic “Justice and the social state as categories of policy: historical tradition and modern interpretations” (Registration number EGISU NIOKTR 123091800035-0) with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research.

ученый предпочитал формулировать его в чисто гипотетическом плане. Но к началу XXI в. в книге «О политическом равенстве» (2006) анализ Далем проблемы политической элиты как привилегированной страты в демократическом обществе приобретает явно выраженную ценностную окраску. В работе «Дилеммы плюралистической демократии: автономия против контроля» (1982) Р. Даль специально акцентирует внимание на сложном в теоретическом плане решении вопросе о взаимодействии между принципами иерархии и организационной независимости. Главная линия аргументации Даля состояла в следующем: в больших политических системах независимые организации помогают предотвратить доминирование и создать взаимный контроль. Основной альтернативой взаимному контролю в управлении государством является иерархия. Управление такой большой системой, как целая страна, исключительно посредством иерархии усиливает доминирующие позиции политических групп, контролирующих процесс государственного управления. Независимые организации помогают обуздать иерархию и доминирование. В эмпирическом плане теоретическая позиция Р. Даля во многом опиралась на экспериментальные данные, собранные им в ранней работе «Кто правит? Демократия и власть в американском городе» (1961). Интерпретация Р. Далем роли элит и перспектив эволюции политической системы долгое время считалась классической и фактически занимала доминирующие позиции не только в американской, но и в западноевропейской университетской политологии. Проведенные Р. Далем теоретические и эмпирические исследования внесли существенный вклад в дискуссии между «плюралистами» и так называемыми элитистами, которые продолжались вплоть до 1980-х годов и во многом определяли специфический «практицизм» североамериканской политической науки. Результаты этих исследований первоначально принимались даже такими выдающимися политическими теоретиками, как У.Ю. Коннолли и Д. Сартори. Однако в дальнейшем оба теоретика стали занимать более сдержанную позицию. Одной из главных причин подобной сдержанности является повсеместный рост научного и философского скептицизма в отношении плюралистической концепции Р. Даля. Об этом свидетельствует и множество новейших работ, посвященных проблеме деградации политических элит в странах Запада. Однако в последние годы намечился довольно резкий теоретический поворот, представленный в серии попыток использовать разработанную Р. Далем методологию в направлении синтеза теории политических элит с различными версиями теории гражданского общества.

Ключевые слова: Роберт Даль, политические элиты, иерархия, политическое господство, демократия, плюрализм, элитизм, политическая теория, государство, гражданское общество.

Анализ проблемы элит в «политологии» Роберта Даля представляет значительные трудности. Помимо различных подходов и трактовок политических элит, представленных в его книгах и статьях, приходится учитывать и множество их интерпретаций, которые в настоящий момент практически невозможно свести к единому знаменателю. Оценить последние в одной небольшой работе, разумеется, не представляется возможным. Поэтому в данной статье акцентировки будут сделаны преимущественно на тех идеях и трактовках, которые более или менее соответствуют пониманию автором обозначенной в названии проблемы. Альтернативные точки зрения будут затрагиваться спорадически в той мере, в которой они могут способствовать решению обсуждаемых вопросов.

Исследование элит в работах Р. Даля охватывает более чем полувековой период. Если представить его в виде некоего теоретического континуума, то на одной его крайней точке окажутся расположены образцы аналитики элит с позиций «чистой науки», на другой — идеи и трактовки с оттенком нормативности и даже вполне ясно выраженных ценностных ориентаций. Например, в программной статье «Критика модели правящей элиты», опубликованной 1958 г. в журнале *American Political Science Review*, Даль, учитывая проблематичность определения понятия «правящая элита», **предпочел формулировать его в чисто гипотетическом плане**: «Гипотеза о существовании правящей элиты может быть строго проверена только в том случае, если: 1) гипотетическая правящая элита — это четко определенная группа; 2) существует достаточное количество случаев, связанных с ключевыми политическими решениями, в которых предпочтения гипотетической правящей элиты противоречат предпочтениям любой другой вероятной группы, которую можно было бы предположить; 3) в таких случаях обычно преобладают предпочтения элиты» [Dahl 1958: 466; см. также: Lukes 2021: 5 sq.].

Напротив, почти полвека спустя в книге «О политическом равенстве» (2006) анализ Далем проблемы политической элиты как привилегированной страды в демократическом обществе осуществляется во второй главе, имеющей название «Является ли политическое равенство разумной целью?» (*Is Political Equality a Reasonable Goal?*), по принципу «от обратного». Более того, в четвертой главе с еще более многозначительным названием — «Респектабельная роль эмоций» (*A Respectable Role of Emotions*) анализ имеет явно выраженную ценностную окраску: «Чтобы

мы могли понять, как может произойти переход к политическому равенству, несмотря на превосходящие ресурсы привилегированных слоев, я хотел бы представить схематическое изображение этого процесса. Наиболее привилегированные члены общества — политическая, социальная и экономическая элита — обычно поддерживают, если они того желают, а если могут, то даже насаждают доктрины, оправдывающие их превосходство. Часто эти доктрины распространялись и, возможно, были созданы религиозными авторитетами, которые сами являются членами высших слоев, как в случае с “божественным правом королей”, которое на протяжении многих веков служило в Европе для оправдания правления монархов. Философы также вносят свою лепту в защиту правления элиты, например, известный и устойчивый вклад в случае Платона. Но даже более умеренный Аристотель не особенно симпатизировал идее политического равенства. В некоторых случаях иерархия и привилегии могут быть узаконены официальной философией, как в случае с конфуцианством, которое преобладало в течение нескольких тысяч лет в имперском Китае. В последних тоталитарных режимах догматическая и неоспоримая идеология служила опорой легитимности власти и привилегий: марксизм-ленинизм в Советском Союзе, фашистская доктрина в Италии, догмы нацизма в гитлеровской Германии... Привилегированные элиты часто полагают, что их легитимизирующие доктрины общеприняты среди низших слоев: сам термин “наверху” предполагает, что привилегии первых принимаются как совершенно легитимные низшими слоями “внизу”. Тем не менее, несмотря на пылкие усилия элит по продвижению взглядов, направленных на придание легитимности их превосходящей власти и статусу, помноженные на их собственную бесспорную веру в правомерность своих прав, среди многих членов подчиненных групп возникают сомнения в том, что низшие позиции, присвоенные им самопровозглашенными господами, действительно оправданы. Джеймс Скотт довольно убедительно показал, что люди, чья история, структура и системы убеждений элиты низвели до подчиненного статуса, с гораздо меньшей вероятностью будут поглощены доминирующей идеологией, чем склонны предполагать представители высших слоев. В качестве примера он отмечает, что “среди неприкасаемых Индии есть убедительные доказательства того, что индуистские доктрины, которые узаконили кастовое господство, отрицаются, переосмысливаются или игнорируются. Приписанные к этим кастам гораздо реже, чем брахма-

ны, верят, что доктрина кармы объясняет их нынешнее состояние; вместо этого они приписывают свой статус собственной бедности и изначально мифическому закону, увековечившему несправедливость”» [Dahl 2006: 25–27].

Тенденцию к усилению неравенства в американском социуме в начале XXI в. Р. Даль характеризует довольно пессимистично: «Неравномерное накопление политических ресурсов указывает на зловещую возможность: политическое неравенство может набирать обороты (may be ratcheted up), так сказать, до уровня, с которого его будет уже невозможно уменьшить. Совокупные преимущества во власти, влиянии и авторитете более привилегированных слоев могут оказаться настолько большими, что даже если менее привилегированные американцы составляют большинство граждан, они просто не смогут, а возможно, даже не захотят прилагать усилия, которые потребуются, для того чтобы преодолеть силы неравенства, выступающие против них в полном боевом порядке» [Dahl 2006: 85–86].

Неудивительно, что такого рода ценностно ориентированные трактовки вызвали откровенное разочарование у ревнителей «чистой политической науки». Об этом свидетельствует и тот факт, что в некоторых рецензиях, появившихся сразу после выхода этой книги Даля, обозначенные в ней оценки и акцентировки, связанные с авторской интерпретацией элит, были попросту проигнорированы (см., например: [Cochran 2006: 119–126]).

На наш взгляд, одна из причин подобного скепсиса связана с утратой в современных демократиях традиционных когда-то связей между элитами и рядовыми гражданами. Например, в статье «Элиты и коррупция в европейских демократиях», опубликованной в 2017 г. в одном из сборников, выпускаемых издательством «Шпрингер», его редактор Ина Куббе определяет традиционный для западноевропейской политической культуры характер воздействия политической элиты на массу как *leader-follower spillover effect*, т.е. эффект переливания, избытка, возникающий в результате воздействия «моральной элиты» на поведение рядовых граждан путем спонтанного установления норм и ценностей, формирующихся в обществе как следствие поведения ее выдающихся представителей. «Этот эффект подразумевает, что моральные нормы и ценности, а также действия политических элит, скорее всего, будут имитироваться, дополняться и подкрепляться игроками, находящимися на нижних ступенях иерархической лестницы» [Kubbe 2017: 260].

Для традиции республиканской политической культуры и морали (например, в Древнем Риме или в Великобритании эпохи модерна) данный эффект — почти инстинктивное доверие рядовых граждан своим аристократическим элитам — был важнейшим принципом и стимулом, определявшим политическое поведение основной массы гражданского коллектива (см.: [Mazur 2005: 7, 18, 42, 62, 63; Tamarkin 2007: 32, 54, 111–113; 234–235; Dahl, Lindblom 1953: 316; Blokland 1997: 139–140; Blokland 2006: 58, 117, 134–135; Soper 2002: 26–27, 96–97]; ср.: [Duhan Kaplan, Kaplan 2004: 99–106; Forst 2004: passim]). Совершенно очевидно, что в современных обществах такой тип поведения в настоящее время становится достоянием прошлого. Об этом свидетельствуют, в частности, даже названия новейших книг, посвященных проблеме деградации политических элит в странах Запада (см., например: [Schweizer 2022; Stone Fish 2022; Lewis 2023: 17 sq.; De Boer 2023: 28–34, 72–79; Turchin 2023: 16–22; Rubio 2023: passim]; ср.: [Lasch 1995: passim; Della Porta 2013: 1–22; White, Cooper 2015: passim]). Неслучайно поэтому в современной социально-политической теории все больше «набирает обороты» противоположная тенденция, тесно связанная с современными интерпретациями феномена макиавеллизма. Весьма наглядным примером данной тенденции безусловно является книга Уильяма Соколоффа «Конфронтационное гражданство: размышления о ненависти, ярости, революции и восстании». Американский политолог характеризует автора «Государя» ни больше ни меньше как создателя теории «продуктивной роли, которую народная ненависть может играть в различных политических режимах» [Sokoloff 2017: 14]. «Многие политические мыслители, — утверждает Соколофф, — подчеркивали центральное место ненависти как политической категории. Однако не Карл Шмитт заслуживает признания в качестве главного теоретика ненависти (хотя он идеально сводил понятие политического к различению друга и врага), а Никколо Макиавелли... Власть порождает ненависть. Однако ненависть можно использовать для достижения положительных политических целей. Для Макиавелли антагонистическая политическая культура, основанная на внеинституциональных проявлениях народной ненависти и насилия против элит, обеспечивает сохранение свободы и подотчетность лидеров народу» [Sokoloff 2017: 14–15].

Между обозначенными выше крайними логическими точками теоретического континуума располагаются многообразные политические идеи, имеющие различную векторную направленность в плане акаде-

мической интерпретации отдельных аспектов эволюции и функционирования элит в современном мире.

В работе «Дилеммы плюралистической демократии: автономия против контроля» (1982) Р. Даль специально акцентирует внимание на сложном в теоретическом плане решении вопроса о взаимодействии между принципами иерархии и организационной независимости. Главная линия аргументации Даля состояла в следующем: в больших политических системах независимые организации помогают предотвратить доминирование и создать взаимный контроль. Основной альтернативой взаимному контролю в управлении государством является иерархия. Управление такой большой системой, как целая страна, исключительно посредством иерархии усиливает доминирующие позиции политических групп, контролирующих процесс государственного управления. Независимые организации помогают обуздать иерархию и доминирование. Однако данный вывод при всей своей очевидности явно противоречит взглядам социальных теоретиков, которые утверждают, что доминирование неизбежно. Согласно основному выводу классиков марксизма, в буржуазном обществе меньшинство, состоящее из эксплуататорского класса капиталистов, непременно занимает господствующие позиции. Вместе с тем принцип господства не является извечным свойством социального существования: в социалистическом обществе, идущем на смену капитализму, данный принцип уступает место свободе и взаимовыгодному сотрудничеству. В этом плане теории элит В. Парето, Г. Моска и Р. Михельса, как полагает Даль, «гораздо более пессимистичны». По их мнению, доминирование меньшинства, будь то классы, элиты или социальные страты, присуще любому крупномасштабному обществу. «Тем самым это трио теоретиков элит трансформировало основательный оптимизм Маркса в не менее проникновенный пессимизм» [Dahl 1982: 32].

В эмпирическом плане обозначенная выше теоретическая позиция Р. Даля во многом опиралась на экспериментальные данные, собранные им в ранней работе «Кто правит? Демократия и власть в американском городе» (см.: [Dahl 1961]). По справедливому замечанию голландского политолога Х. Блокланда, в этой книге «Даль исследует, в какой степени возможно утверждать, что политическое равенство и народный суверенитет действительно существуют в американской политической системе. В качестве показательного примера такой системы он использует Нью-Хейвен, место, где расположен Йельский университет. В ин-

тервью Полсби в 1991 г. Даль заявлял, что хотел на практике испытать, в какой степени возможно проводить эмпирические исследования власти» [Blokland 2011: 251]. Проведенные Далем исследования внесли существенный вклад в дискуссии между «плюралистами» и так называемыми элитистами», которые продолжались вплоть до 1980-х годов и во многом определяли специфический «практицизм» североамериканской политической науки. «Элитисты, встречавшиеся преимущественно среди социологов, считали, что единая социально-экономическая группа, образующая верхний слой общества, контролирует все важные области общественной жизни. Плюралисты, напротив, акцентировали внимание на множественности элит, конкурирующих друг с другом» [Blokland 2011: 251].

Представленные в работах Р. Даля теоретические трактовки роли элит и перспектив эволюции политической системы долгое время считались классическими и фактически занимали доминирующие позиции не только в американской, но и в западноевропейской университетской политологии. На их основе обычно составлялись и многочисленные учебные программы и методические пособия. Например, в опубликованном в 2017 г. объемном методическом пособии «Анализ книги Роберта А. Даля “Кто правит? Демократия и власть в американском городе”» его авторы Астрид Норен-Нилльсон (Лундский университет) и Джейсон Зидиас (Лондонский университет) специально отмечали: «Книга Роберта А. Даля “Кто правит?” была составной частью бихевиоралистской революции 1950-х и 1960-х годов в США — направления в области политологии, акцентировавшего внимание на том, что выводы и аргументы должны основываться на фактах, которые можно проверить путем наблюдения. В книге “Кто правит?” Даль исследует власть и влияние в городе Нью-Хейвен, штат Коннектикут, который, как он утверждал, был микрокосмом (представлением в миниатюре) американской демократии. Даль пришел к выводу, что политика в Америке формировалась конкурирующими группами интересов (“плюралистический” аргумент), а не небольшой группой влиятельных людей (“элитарный” аргумент), как обычно считали. После выхода книги в свет плюралистическая теория становится доминирующим взглядом на американскую демократию... Хотя Даль был плюралистом, он считал, что ни одна из сторон не имела достаточных эмпирических доказательств для своих утверждений... После публикации его книги плюралистическая точка зрения Даля заменила теорию элит, обозначив основную

перспективу оценки демократии в Америке и других странах. Сегодня неоплюрализм, модернизированная версия первоначального аргумента Даля, является наиболее доминирующим направлением» [Norén-Nilsson, Xidias 2017: 9, 15].

По мнению авторов учебного пособия, впервые Р. Даль опроверг теорию элиты в работе «Предисловие к демократической теории», в которой он утверждал, что современные демократии следует рассматривать как полиархии, или открытые, конкурентные и плюралистические системы, лидеры которых должны учитывать предпочтения различных групп интересов [см.: [Dahl: 1956]]. В книге «Кто правит?» он идет еще дальше, предоставляя эмпирические доказательства того, что ни одна элитная группа не занимала руководящие должности в Нью-Хейвене. Напротив, за власть борются различные группы. В конечном итоге основные аргументы Р. Даля могут быть сведены к трем основным позициям: во-первых, за последние 200 лет Америка превратилась из олигархической системы в плюралистическую. В олигархии несколько избранных людей аккумулируют источники влияния. Это означает, что эти немногие люди способны влиять на многие различные социальные и экономические области принятия решений. Напротив, в плюралистической системе источники влияния рассредоточены. Ни один источник влияния не является решающим во всех или даже в большинстве решений. Таким образом, разные группы влияют на разные области принятия решений. Вторая основная проблема заключается в том, что политическая власть — это способность влиять (т.е. заставлять кого-то делать то, что вы хотите). Таким образом, ресурсы влияния, такие как богатство, высокое социальное положение, доступ к наличным деньгам или кредитам, доступ к государственным должностям, популярность, род занятий и контроль над информацией, можно рассматривать как политические ресурсы. Эти ресурсы распределены неравномерно, но их полного отсутствия нет почти ни у кого. Кроме того, в разных областях политики эффективны разные политические ресурсы. Третья позиция заключается в том, что большинство людей аполитичны (т.е. не интересуются политикой). Только активное меньшинство, состоящее из профессиональных политиков и членов «политической страты» (stratum), напрямую влияет на политику. «Однако аполитичная масса по-прежнему косвенно влияет на политику, поскольку лидеры должны формировать свои платформы в соответствии с предпочтениями избирателей. В результате, хотя многие люди не принимают непосредственного участия

в принятии политических решений, их мнение по-прежнему имеет значение» [Norén-Nilsson, Xidias 2017: 25, 32–33].

Обозначенные выше оценки первоначально разделял и один из ведущих американских политических теоретиков Уильям Юджин Коннолли. В своей работе «Демократия, плюрализм и политическая теория» (2008) он специально отмечал, что «некий вариант плюралистической теории обеспечивает наиболее адекватную основу для понимания современного политического процесса», выделяя среди различных направлений плюралистической интерпретации концепцию «управления как арены», на которой обсуждаются и разрешаются основные групповые конфликты. Пальму первенства в разработке «теории арены» Коннолли также отдает Р. Далю и его работе «Предисловие к демократической теории». По его мнению, Р. Далю удалось доказать, что «не существует правящего класса или правящей элиты, которая доминировала бы в управлении по широкому кругу вопросов. Скорее в американском обществе существует множество основ политической власти — богатство, престиж, стратегическое положение, количество голосов. И хотя каждый ресурс распределяется неравномерно, большинство идентифицируемых групп в системе имеют и используют преимущества в одной или нескольких из этих областей... Это правда, соглашается Даль, что только меньшинство граждан активно участвует в политике, но, поскольку активные меньшинства представляют большое количество социальных групп, поскольку все организованные, активные, легитимные и стойкие группы имеют “голос” в этом процессе, поскольку консенсус, который лежит в основе и контролирует разрешение конфликтов, является коллективным продуктом всего общества (по крайней мере политически активных членов), существует плюралистическая система политики» [Connolly 2008: 19; см. также: Dahl 1956: 32, 48–49, 145].

Следует отметить, что в своих более поздних работах У.Ю. Коннолли занял гораздо более сдержанную позицию в отношении плюралистической концепции Р. Даля. Например, в книге «Плюрализм в политическом анализе» (2017) он специально отмечал: «В своей критике “модели правящей элиты” профессор Даль утверждает, что “гипотеза о существовании правящей элиты может быть строго проверена только в том случае, если... имеется хороший пример случаев, связанных с ключевыми политическими решениями, в которых предпочтения гипотетической правящей элиты противоречат предпочтениям любой

другой вероятной группы, которая может быть предложена”. К этому утверждению у нас есть две претензии...: ошибочно полагая, что власть отражается исключительно в конкретных решениях, Даль тем самым исключает возможность существования в рассматриваемом сообществе группы, способной предотвратить возникновение борьбы по важным для него вопросам. Однако, помимо этого, игнорируя менее очевидный облик власти, Даль и те, кто принимает его плюралистический подход, не могут адекватно провести различие между “ключевым” и “рутинным” политическим решением... Определение “ключевых политических проблем”, данное Далем в его эссе о модели правящей элиты, может быть подвергнуто такой же критике. Он утверждает, что “необходимым, хотя, возможно, и не достаточным условием является то, что [ключевой] вопрос должен включать в себя фактическое разногласие в предпочтениях между двумя или более группами”. На наш взгляд, данная характеристика “ключевого политического вопроса” является неадекватной просто потому, что группы могут иметь разногласия в предпочтениях как по неважным, так и по важным вопросам. Предпочтения элиты, граничащие с безразличием, конечно, не имеют существенного значения для определения того, будет ли в данном сообществе преобладать монолитное или полилитное распределение власти (a monolithic or polyolithic distribution of power). Используя определение Даля “ключевых политических проблем”, исследователю не составит труда найти их практически в любом сообществе и было бы неудивительно, если бы он в конечном итоге пришел к выводу, что власть в обществе широко рассредоточена. Мы считаем, что различие между важными и неважными проблемами невозможно провести разумно без анализа “мобилизации предвзятости” (the mobilization of bias) в сообществе, доминирующих ценностей и политических мифов, ритуалов и институтов, которые имеют тенденцию отдавать предпочтение корыстным интересам одной или нескольких групп по сравнению с другими. Вооружившись этими знаниями, можно было бы заключить, что любой вызов преобладающим ценностям или установленным “правилам игры” будет представлять собой “важный” вопрос; все остальное неважно. Конечно, суждения такого рода не могут быть полностью объективными. Но избегать их при изучении власти — значит пренебрегать весьма важным аспектом власти и тем самым подрывать единственную прочную основу для различения “ключевых” и “рутинных» решений... Наконец, используя свои знания об ограничительном характере власти в качестве

основы для анализа и в качестве стандарта для различения “ключевых” и “рутинных” политических решений, исследователь анализирует в духе плюралистов участие в принятии решений по конкретным вопросам. Мы заранее отвергаем как невыразительную возможную критику, обычно сводящуюся к тому, что этот подход к изучению власти, скорее всего, окажется бесплодным, поскольку он выходит за рамки исследования того, что поддается объективному измерению. Реагируя на субъективные аспекты социологической модели власти, плюралисты, по нашему мнению, допустили ошибку, отбросив “неизмеримые элементы” как нереальные. По иронии судьбы, поступая таким образом, они подвергают себя той же самой фундаментальной критике, которую они так яростно обрушивали на элитистов: их подход и предположения о власти определяют характер их изысканий и выводов» [Connolly 2017a: 56–57, 61–62].

В опубликованной в том же году книге «Политическая наука и идеология» У. Коннолли пытался несколько смягчить ригоризм своей позиции, утверждая, что критические замечания, обозначенные в его первой работе, вовсе не подразумевали, что «Даль сознательно выбрал проблемы, которые определяют результаты исследования, и мы не предполагаем, что выбранные проблемы и области обязательно искажают структуру власти независимо от намерений Даля. Мы лишь утверждаем, что, при отсутствии ясных, недвусмысленных критериев важности, трудно установить, какое именно влияние выбор вопросов оказывает на результаты исследования. Во-вторых, плюралистическое измерение власти не предусматривает оперативную проверку феномена «ожидаемых реакций»... Таким образом, предметом суждения исследователя становится вопрос о том, в какой степени этот, возможно, важный фактор содействует инициированию и разрешению проблем на политической арене. Последний, более распространенный недостаток подрывает надежность теста Даля: он не способен проверить основные и противостоящие друг другу эмпирические утверждения, сделанные элитистами и плюралистами. Центральная область согласия между элитистами и плюралистами... заключается в том, что социальные и политические конфликты имеют внутренние причины и ограничиваются преобладающим консенсусом. Основное разногласие состоит в том, как создается и поддерживается этот консенсус. Сторонники теории элиты утверждают, что элита получает наибольшую выгоду и обеспечивает наибольшую поддержку от преобладающей системы убеж-

дений. Плюралисты рассматривают консенсус по большей части как коллективный продукт общества. Элитарная гипотеза утверждает, что элита контролирует процесс принятия решений — в смысле проверки масштабов и содержания рассматриваемых вопросов — до и после формального политического процесса. Плюралисты утверждают, что ощущение “тревоги” у основной массы населения формируется и выражается преимущественно на публичном уровне и на политической арене» [Connolly 2017b: 43–44; ср.: Legitimacy 1984: 97, 102, 127, 131].

В контексте обозначенных выше весьма драматических и не менее противоречивых критических замечаний У. Коннолли, вполне уместно, на наш взгляд, вспомнить и более ранние примеры научной критики. Речь идет об аналитике теории элиты Р. Даля в знаменитой работе Джованни Сартори «К пересмотру теории демократии» (1987). В шестой ее главе, посвященной проблемам «вертикальной демократии», имеется специальный параграф — «Правление меньшинства: от Моска до Даля», в котором представлен тщательно выверенный критический анализ концепции «правлящей элиты» последнего. «На самом деле, — отмечает Сартори, — то, что подразумевается и обсуждается под этим ярлыком, — это прежде всего закон политического класса Моска. Поэтому я предпочитаю говорить “модель правящего класса”. В любом случае то, что имеет значение, так это понятие “правление”. И когда мы подходим к правлению меньшинства, из двух значений слова “правление” на передний план выходит уже не правление-как-критерий, а правление-как-правление. Итак, именно сейчас мы должны рассмотреть, что подразумевается под понятиями (а) контролирующей власти, (б) лидерства и (в) правления. Насколько я понимаю, контроль над властью — это более общая категория, и это обусловлено двумя причинами. Когда мы говорим о контролирующих группах и власти, в центре внимания находятся реальные способы и средства осуществления власти, независимо от того, формализованы они или институционализированы, и независимо от их интенсивности... Наконец, понятие правления (управления) определенно применимо к политическому классу. Оно обычно предполагает использование аппарата государственной власти и указывает на сильное общее настроение “командования”, то есть на более интенсивный вид осуществления власти... Модель Даля занимает центральное место во всех дискуссиях о реальной конфигурации власти в политических обществах. Именно он в конечном счете формулирует условия проверки с целью установления того, контроли-

руется ли государство одной сплоченной властной группой, одной правящей элитой (как утверждает Даль) или (как я предпочитаю) одним правящим классом... В целом мне кажется, что два требования Даля — чтобы правящий класс (если он считается таковым) был конкретно определен и чтобы обвинения против власти поддавались проверке — вполне могут устоять перед нападками. Помимо того, неверно утверждать, что его условия отличаются такой точностью, что он выигрывает дело почти по определению. На самом деле я бы сказал, что его условия вполне применимы к ряду диктаторских государств и ко всем коммунистическим режимам, где действительно можно было бы найти (если бы исследование было разрешено) правящую группу, которая прошла бы тесты Даля. Предпосылки Даля не должны автоматически приводить к выводу, что, если “правящий класс” не найден, то нечего и искать. Даль противостоит лишь одной модели структуры власти, но далеко не всем моделям. Он и впрямь убедительно демонстрирует, что ярлыки “правящая элита” и “властная элита” (в единственном числе) являются неправильными терминами, которые одновременно искажают и ошибочно воспринимают тот тип структуры власти, которая существует в Соединенных Штатах и в демократических странах в целом... И я бы сказал, что Даль действительно предоставляет эмпирические инструменты, позволяющие убедиться, что Москва не выиграет свое дело по определению. У нас остается вопрос: какова вертикальная структура власти в демократических странах? Согласно критериям Даля и (я бы добавил) по всем проверяемым критериям, разработанным до сих пор, демократии характеризуются диффузией власти — на самом деле такой степенью диффузии, которая опрокидывает “модель правящего класса”. Поэтому совершенно очевидно, что модель, применимая к демократиям, — это другая модель» [Sartori 1987: 145–147].

В порядке заключения следует отметить, что предложенная Д. Сартори компромиссная трактовка теоретических позиций Даля выглядит очень привлекательной, но, разумеется, в наши дни она может убедить далеко не всех. В известном смысле академическим манифестом, направленным на опровержение теории элиты Р. Даля, является следующие выводы полемической книги американских политологов Л.Х. Цейглера, Л. Шуберта и Е.Р. Дая «Ирония демократии: необычное введение в американскую политику», которые, по всей вероятности, вполне намеренно и для «усиления эффекта», в отличие от большинства своих коллег, даже не включили его имя и работы в алфавитный каталог:

«Элиты, а не массы, управляют Соединенными Штатами. Жизнь в американской демократии, как и во всех обществах, формируется крошечной частью населения. Главные политические, экономические и социальные решения принимаются этим элитным меньшинством, а не массами людей. Элиты — это немногие, у кого есть власть; массы — это те многие, у кого ее нет. Власть решает, кто, что, когда и как получит. Власть — это значимое участие в решениях, которые формируют нашу жизнь. Массы — это многие, чья жизнь формируется институтами, событиями и лидерами, над которыми они имеют минимальный прямой контроль. Политолог Гарольд Лассуэлл писал: “Разделение общества на элиту и массу является универсальным”, и даже при демократии “немногие обладают относительно большой властью, а многие — сравнительно малой”. Теория элиты, или элитизм, — это подход к описанию общества, фокусирующий на немногих, обладающих властью, их ценностях, их поведении и демографии. Теория элиты не является ни нормативным подтверждением правления элиты, ни автоматическим отклонением [данного подтверждения]. Элиты необязательно равнозначны заговорам с целью угнетения и эксплуатации масс. Напротив, они могут быть глубоко озабочены их благосостоянием. Это особенно верно в демократических странах. Членство в элите, хотя иногда она все еще может выглядеть закрытой группой, все чаще становится открытым для амбициозных и талантливых людей из масс, примером которых являются такие лидеры, как Барак Обама и Билл Гейтс. Элиты могут конкурировать друг с другом или в значительной степени приходиться к соглашению относительно направления внутренней и внешней политики. Элиты могут реагировать на требования масс и находиться под влиянием результатов выборов или общественных требований. Или же они могут не реагировать на массовые движения и не подвергаться влиянию выборов. Тем не менее, независимо от того, являются ли элиты ориентированными на интересы общества или корыстными, открытыми или закрытыми, конкурирующими или консенсусными, едиными или плюралистическими, отзывчивыми или неотзывчивыми, именно элиты, а не массы управляют современной нацией. Как правят элиты — это отдельный разговор, никак не связанный с тем фактом, что они действительно правят всегда... Национальная политика отражает не требования “народа”, а скорее предпочтения, интересы и ценности тех немногих, кто участвует в процессе разработки политики. Элиты мало доверяют мнению масс. Изменения или инновации в госу-

дарственной политике происходят, когда элиты пересматривают свои интересы или изменяют собственные ценности. Политика, принимаемая элитами, необязательно должна быть репрессивной или эксплуататорской по отношению к массам. Элиты могут быть патерналистскими и принимать во внимание общественный интерес; благосостояние масс может быть важным фактором при принятии решений элитой. Однако по определению политику делают именно элиты, а не массы» [Zeigler, Schubert, Dye 2014: 1, 50].

Обозначенные выше выводы в наши дни вполне вписываются в общую тенденцию в современной критической литературе, направленную, с одной стороны, на опровержение «демократических мифов» и резкую критику «плутократических аспектов» элитарного управления в различных регионах мира — с другой. Однако в последние годы наметился также довольно резкий теоретический поворот, представленный в серии попыток использовать разработанную Р. Далем методологию в направлении синтеза теории политических элит с различными версиями теории гражданского общества. Основная тенденция подобных «синтетических экспериментов» определяется стремлением «выявить различные типы формирования элит и их взаимодействий как внутри, так и за пределами гражданского общества», а также «пролить новый свет на отношения между гражданским обществом, государством, политическим сообществом и экономическим сообществом... на возможности и ограничения, относящиеся к участию в каждой из этих сфер» [Civil Society Elites 2023: 4–5].

Литература

Blokland H. Freedom and Culture in Western Society. London; New York: Routledge, 1997. 394 p.

Blokland H. Modernization and Its Political Consequences: Weber, Mannheim, and Schumpeter. New Haven; London: Yale University Press, 2006. 261 p.

Blokland H. Pluralism, Democracy and Political Knowledge: Robert A. Dahl and his Critics on Modern Politics. London; New York: Routledge, 2011. 560 p.

Civil Society Elites: Field Studies from Cambodia and Indonesia / Ed. by A. Norén-Nilsson, A. Savirani, A. Uhlin. Copenhagen: NIAS Press, 2023. 284 p.

Cochran P. A. Review of On Political Equality by Robert A. Dahl // Review of Constitutional Studies/Revue d'études constitutionnelles. 2006. Vol. 12, no 1. P. 119–126.

Connolly W.E. Democracy, Pluralism and Political Theory / Ed. by S.A. Chambers, T. Carver. London; New York: Routledge, 2008. 335 p.

- Connolly W. E.* Pluralism in Political Analysis. London; New York: Routledge, 2017a. 261 p.
- Connolly W.E.* Political Science and Ideology. London; New York: Routledge, 2017b. 179 p.
- Dahl R. A.* A Preface to Democratic Theory. Chicago: University of Chicago Press, 1956. 155 p.
- Dahl R. A.* A Critique of the Ruling Elite Model // American Political Science Review. 1958. Vol. 52, No. 2. P. 463–469.
- Dahl R.A.* Who Governs? Democracy and Power in an American City. Yale University Press, 1961. 355 p.
- Dahl R.A.* Dilemmas of Pluralist Democracy: Autonomy vs. Control. New Haven; London: Yale University Press, 1982. 229 p.
- Dahl R.A.* On Political Equality. New Haven; London: Yale University Press, 2006. 142 p.
- Dahl R.A., Lindblom Ch.E.* Politics, Economics, and Welfare: Planning and Politico-Economic Systems Resolved into Basic Social Processes. New York; Evanston; London: Harper & Row Publishers, 1953. 574 p.
- De Boer F.* How Elites Ate the Social Justice Movement. New York: Simon & Schuster, 2023. 256 p.
- Della Porta D., Rucht D.* Power and Democracy in Social Movements: An Introduction. // Meeting Democracy: Power and Deliberation in Global Justice Movements / Ed. by D. Della Porta, D. Rucht. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 1–22.
- Duhan Kaplan L., Kaplan Ch.* The American Dream: Democracy or Meritocracy? // Democracy and the Quest for Justice: Russian and American Perspectives / Ed. by T. Alekseeva, W. Gay. Amsterdam; New York: Rodopi, 2004. P. 99–106.
- Forst R.* Justice, Democracy and the Right to Justification: Rainer Forst in Dialogue. London; New Delhi; New York; Sydney: Bloomsbury Academic, 2014. 236 p.
- Kubbe I.* Elites and Corruption in European Democracies // Parties, Governments and Elites: The Comparative Study of Democracy / Ed. by Ph. Harfst, I. Kubbe, Th. Poguntke. Wiesbaden: Springer, 2017. P. 249–280.
- Lasch Chr.* The Revolt of the Elites and the Betrayal of Democracy. New York: London: W. W. Norton & Company, 1995. 276 p.
- Legitimacy and the State / Ed. by W. Connolly. New York: New York University Press, 1984. 281 p.
- Lewis M.* Filthy Rich Politicians: The Swamp Creatures, Latte Liberals, and Ruling-Class Elites Cashing in on America. Nashville; New York: Center Street, 2023. 256 p.
- Lukes S.* Power: A Radical View. Third Edition. London: Red Globe Press, 2021. 244 p.
- Mazur A.* Biosociology of Dominance & Deference. Lanham; Boulder; New York; Toronto; Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2005. 197 p.

Norén-Nilsson A., Xidias J. An Analysis of Robert A. Dahl's Who Governs? Democracy and Power in an American City. London: Routledge, 2017. 75 p.

Rubio M. Decades of Decadence: How Our Spoiled Elites Blew America's Inheritance of Liberty, Security, and Prosperity. New York: Penguin Press, 2023. 256 p.

Sartori G. The Theory of Democracy Revisited. Chatham, New Jersey: Chatham House Publishers, Inc., 1987. 542 p.

Schweizer P. Red-Handed: How American Elites Get Rich Helping China Win. New York: Harper, 2022. 352 p.

Sokoloff W.W. Confrontational Citizenship: Reflections on Hatred, Rage, Revolution, and Revolt. Albany: State University of New York Press, 2017. 234 p.

Soper Ph. The Ethics of Deference: Learning from Law's Morals. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2002. 189 p.

Stone Fish I. America Second: How America's Elites Are Making China Stronger. New York: Alfred A. Knopf, 2022. 288 p.

Tamarkin E. Anglophilia: Deference, Devotion, and Antebellum America. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2007. 400 p.

Turchin P. End Times: Elites, Counter-Elites, and the Path of Political Disintegration. New York: Penguin Press, 2023. 368 p.

White R.E., Cooper K. Democracy and Its Discontents: Critical Literacy across Global Contexts. Rotterdam; Boston; Taipei: Sense Publishers, 2015. 215 p.

Zeigler L.H., Schubert L., Dye Th.R. The Irony of Democracy: An Uncommon Introduction to American Politics. Boston: Wadsworth, 2014. 401 p.

THE CONCEPTION OF POLITICAL ELITE BY ROBERT DAHL: CURRENT ASPECTS OF ANALYSIS

V. Gutorov

(gut-50@mail.ru)

Saint Petersburg State University,

Saint Petersburg, Russia.

The Federal Scientific Research Sociological Center

of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

Citation: Gutorov V. Kontseptsiya politicheskoy elity Roberta Dalya: analiz aktual'nykh aspektov [The conception of political elite by Robert Dahl: current aspects of analysis], *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2023, 10 (2): 44–64. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.3>

EDN AMHBCW

Abstract. *Analyzing the problem of elites in Robert Dahl's "politics" presents significant difficulties. In addition to the various approaches and interpretations of the political elites presented in his books and articles, one has to take into account their many interpretations, which at the moment are almost impossible to reduce to a single denominator. The study of elites in the works of R. Dahl covers more than half a century. If we imagine it in the form of a kind of theoretical continuum, then at one extreme point there will be examples of elite analytics from the standpoint of "pure science", at the other point there will be ideas and interpretations with a touch of normativity and even quite clearly expressed value orientations. In his early works of the 1950–1960s, given the problematic nature of defining the concept of "ruling elite", the American scientist preferred to formulate it in purely hypothetical terms. But by the beginning of the 21st century in the book *On Political Equality* (2006), Dahl's analysis of the problem of the political elite as a privileged stratum in a democratic society acquires a clearly expressed value coloring. In his work *Dilemmas of Pluralistic Democracy: Autonomy vs Control* (1982), R. Dahl specifically focuses on the theoretically complex solution to the issue of interaction between the principles of hierarchy and organizational independence. Dahl's main line of argument was that in large political systems, independent organizations help prevent domination and create mutual control. The main alternative to mutual control in government is hierarchy. Managing a system as large as an entire country solely through hierarchy reinforces the dominant positions of political groups that control the process of government. Independent organizations help curb hierarchy and dominance. Empirically, R. Dahl's theoretical position was largely based on experimental data collected by him in his early work *Who Governs? Democracy and Power in an American City* (1961). The R. Dahl's interpretation of the role of elites and the prospects for the evolution of the political system has long been considered classical and in fact occupied a dominant position not only in American, but also in Western European university political science. The theoretical and empirical research carried out by R. Dahl made a significant contribution to the debate between "pluralists" and the so-called "elitists," which continued until the 1980s. and largely determined the specific "practicality" of North American political science. The results of these studies were initially accepted even by such outstanding political theorists as W.E. Connolly and G. Sartori. However, later both theorists began to take a more restrained position. One of the main reasons for such restraint is the widespread growth of scientific and philosophical skepticism regarding R. Dahl's pluralistic concept. This is evidenced by many recent works devoted to the problem of degradation of political elites in Western countries. However, in recent years there has also been a rather sharp theoretical turn, represented in a series of attempts to use the methodology developed by R. Dahl in the direction of synthesizing the theory of political elites with various versions of the theory of civil society.*

Keywords: *Robert Dahl, political elites, hierarchy, political dominance, democracy, pluralism, elitism, political theory, state, civil society.*

References

- Blokland H. *Freedom and Culture in Western Society*. London; New York: Routledge, 1997. 394 p.
- Blokland H. *Modernization and Its Political Consequences: Weber, Mannheim, and Schumpeter*. New Haven; London: Yale University Press, 2006. 261 p.
- Blokland H. *Pluralism, Democracy and Political Knowledge: Robert A. Dahl and his Critics on Modern Politics*. London; New York: Routledge, 2011. 560 p.
- Civil Society Elites: Field Studies from Cambodia and Indonesia*. Ed. by A. Norén-Nilsson, A. Savirani, A. Uhlin. Copenhagen: NIAS Press, 2023. 284 p.
- Cochran P. A. Review of *On Political Equality* by Robert A. Dahl. *Review of Constitutional Studies/Revue d'études constitutionnelles*, 2006, 12 (1), pp. 119–126.
- Connolly W.E. *Democracy, Pluralism and Political Theory*. Ed. by S. A. Chambers, T. Carver. London; New York: Routledge, 2008. 335 p.
- Connolly W. E. *Pluralism in Political Analysis*. London; New York: Routledge, 2017a. 261 p.
- Connolly W.E. *Political Science and Ideology*. London; New York: Routledge, 2017b. 179 p.
- Dahl R. A *Preface to Democratic Theory*. Chicago: University of Chicago Press, 1956. 155 p.
- Dahl R. A. A Critique of the Ruling Elite Model. *American Political Science Review*, 1958, 52 (2), pp. 463–469.
- Dahl R.A. *Who Governs? Democracy and Power in an American City*. Yale University Press, 1961. 355 p.
- Dahl R.A. *Dilemmas of Pluralist Democracy: Autonomy vs. Control*. New Haven; London: Yale University Press, 1982. 229 p.
- Dahl R.A. *On Political Equality*. New Haven; London: Yale University Press, 2006. 142 p.
- Dahl R.A., Lindblom Ch.E. *Politics, Economics, and Welfare: Planning and Politico-Economic Systems Resolved into Basic Social Processes*. New York; Evanston; London: Harper & Row Publishers, 1953. 574 p.
- De Boer F. *How Elites Ate the Social Justice Movement*. New York: Simon & Schuster, 2023. 256 p.
- Della Porta D., Rucht D. Power and Democracy in Social Movements: An Introduction. In: *Meeting Democracy: Power and Deliberation in Global Justice Movements*. Ed. by D. Della Porta, D. Rucht. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 1–22.
- Duhan Kaplan L., Kaplan Ch. The American Dream: Democracy or Meritocracy? In: *Democracy and the Quest for Justice: Russian and American Perspectives*. Ed. by T. Alekseeva, W. Gay. Amsterdam; New York: Rodopi, 2004. P. 99–106.
- Forst R. *Justice, Democracy and the Right to Justification: Rainer Forst in Dialogue*. London; New Delhi; New York; Sydney: Bloomsbury Academic, 2014. 236 p.

Kubbe I. Elites and Corruption in European Democracies. In: *Parties, Governments and Elites: The Comparative Study of Democracy*. Ed. by Ph. Harfst, I. Kubbe, Th. Poguntke. Wiesbaden: Springer, 2017. P. 249–280.

Lasch Chr. *The Revolt of the Elites and the Betrayal of Democracy*. New York: London: W. W. Norton & Company, 1995. 276 p.

Legitimacy and the State. Ed. by W. Connolly. New York: New York University Press, 1984. 281 p.

Lewis M. *Filthy Rich Politicians: The Swamp Creatures, Latte Liberals, and Ruling-Class Elites Cashing in on America*. Nashville; New York: Center Street, 2023. 256 p.

Lukes S. *Power: A Radical View*. Third Edition. London: Red Globe Press, 2021. 244 p.

Mazur A. *Biosociology of Dominance & Deference*. Lanham; Boulder; New York; Toronto; Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2005. 197 p.

Norén-Nilsson A., Xidias J. *An Analysis of Robert A. Dahl's Who Governs? Democracy and Power in an American City*. London: Routledge, 2017. 75 p.

Rubio M. *Decades of Decadence: How Our Spoiled Elites Blew America's Inheritance of Liberty, Security, and Prosperity*. New York: Penguin Press, 2023. 256 p.

Sartori G. *The Theory of Democracy Revisited*. Chatham, New Jersey: Chatham House Publishers, Inc., 1987. 542 p.

Schweizer P. *Red-Handed: How American Elites Get Rich Helping China Win*. New York: Harper, 2022. 352 p.

Sokoloff W.W. *Confrontational Citizenship: Reflections on Hatred, Rage, Revolution, and Revolt*. Albany: State University of New York Press, 2017. 234 p.

Soper Ph. *The Ethics of Deference: Learning from Law's Morals*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2002. 189 p.

Stone Fish I. *America Second: How America's Elites Are Making China Stronger*. New York: Alfred A. Knopf, 2022. 288 p.

Tamarkin E. *Anglophilia: Deference, Devotion, and Antebellum America*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2007. 400 p.

Turchin P. *End Times: Elites, Counter-Elites, and the Path of Political Disintegration*. New York: Penguin Press, 2023. 368 p.

White R.E., Cooper K. *Democracy and Its Discontents: Critical Literacy across Global Contexts*. Rotterdam; Boston; Taipei: Sense Publishers, 2015. 215 p.

Zeigler L.H., Schubert L., Dye Th.R. *The Irony of Democracy: An Uncommon Introduction to American Politics*. Boston: Wadsworth, 2014. 401 p.

СУБНАЦИОНАЛЬНЫЕ ЛЕГИСЛАТУРЫ

МОДЕЛИ СОВОКУПНОСТЕЙ ДОЛЖНОСТЕЙ ВИЦЕ-СПИКЕРОВ РОССИЙСКИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРЛАМЕНТОВ: НУЖНА ЛИ УНИФИКАЦИЯ ФОРМ РУКОВОДСТВА ЛЕГИСЛАТУРАМИ?

Д.А. Соловьев

(dmitry.a.solovev@yandex.ru)

Центр исследования политических трансформаций
ТГУ им. Г.Р. Державина
Тамбов, Россия

Цитирование: Соловьев Д.А. Модели совокупностей должностей вице-спикеров российских региональных парламентов: нужна ли унификация форм руководства легислатурами? // Власть и элиты. 2023. Т. 10, №. 2. С. 65–101.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.4>
EDN ANRZPQ

Аннотация. *Цель статьи — составление классификации совокупностей должностей вице-спикеров в легислатурах субъектов РФ. Периоды осуществления полномочий легислатурами именуется циклами: от действующего, цикл 0, к предыдущему, цикл 1, и т.д. С помощью метода контент-анализа изучаются два среза: циклы 1 и 0 легислатур после единого дня голосования 10 сентября 2023 г. Должности вице-спикеров различны по типу: первые вице-спикеры и вице-спикеры. В структуре руководства легислатуры они располагаются соответственно на верхнем и нижнем уровнях, а должность председателя легислатуры — на высшем. Модель совокупности должностей вице-спикеров в легислатуре определяется в зависимости от количества и типа должностей вице-спикеров. Каждая модель имеет свой уникальный шифр, на основании которого также можно установить вид иерархии руководства в легислатуре (простой, сложный, сложно-перевернутый или очень сложный) и класс струк-*

туры руководства legislaturой: двух- или трехуровневая структура. При изучении трансформации моделей используется шкала «Постоянство — Изменчивость». В ходе исследования идентифицировано 18 уникальных моделей. Модели трансформировались в legislатурах 41 субъекта РФ. Доминирующая форма трансформации моделей — увеличение количества позиций вице-спикеров. Установлено, что в генеральной совокупности чаще всего встречаются иерархии вида «Сложные», а среди моделей наиболее распространенной является модель «0-2». Дано определение концепта «новые территории России». Обнаружено, что в legislатурах большинства новых территорий России утверждена модель «1-3», существующая в Государственном Совете Республики Крым. В результате анализа выявлен средний уровень зрелости структуры руководства в legislатурах. Доказано, что от цикла 1 до цикла 0 увеличилось количество позиций вице-спикеров в legislатурах. Сделан вывод о необходимости унификации моделей. Теоретическая значимость работы заключается в создании алгоритма, позволяющего классифицировать структуры руководства в legislатурах на основании данных о количестве и типах должностей вице-спикеров.

Ключевые слова: региональные политические режимы, законодательные органы государственной власти в субъектах Российской Федерации, региональные legislатуры, региональная законодательная элита, руководящие должности в региональных парламентах, совокупности должностей вице-спикеров в legislатурах.

ВВЕДЕНИЕ

Лица, занимающие государственные должности субъекта РФ в законодательном органе государственной власти субъекта РФ (далее — legislатура) входят в состав региональной политико-административной элиты. Они также являются частью законодательной элиты. Наивысшие позиции в региональной законодательной элите занимает руководство legislатуры: председатель и его заместители. Учитывая российскую специфику, заметим, что legislатуры в регионах различны по структуре должностей вице-спикеров.

Цель статьи — описание совокупности должностей вице-спикеров в legislатурах.

Для достижения поставленной цели выделим параметры анализа структуры руководства в legislатурах (I), а затем проведем классификацию объектов в генеральной совокупности (II).

Качество анализа зависит от ясности представлений: (А) о циклах работы legislатур; (В) о структуре руководства legislатурой, о типах

должностей вице-спикеров, об уровнях должностей в структуре руководства legislатурами, о классах структуры руководства legislатурами; (С) о том, как количество и тип должностей вице-спикеров задают вид иерархии должностей руководителей legislатуры; (D) о том, как можно на основании параметров, перечисленных в пунктах В, С и D, создать модели совокупностей должностей вице-спикеров в legislатурах; (E) о трансформации моделей, ее формах и об общих тенденциях в этом процессе. Указанные параметры подробно описываются в параграфе 1.

Перед нами стоит ряд исследовательских задач, которые можно решить с помощью алгоритма. Отталкиваясь от представлений о параметрах, необходимых для анализа структуры руководства в legislатурах, приступим к классификации объектов в генеральной совокупности (параграф 2). На основании первичных данных приводится общая характеристика legislатур и происходит проверка генеральной совокупности на соответствие принципу однородности. При возникновении необходимости осуществляется поиск критерия формирования целероентрированных выборок (А). Выборки максимальной вариации (В) и экстремальных случаев (С) описываются отдельно.

Очевидно, что структура руководства в legislатурах меняется. Но какие это изменения? Можно ли выделить какие-то тенденции трансформации моделей? Каково разнообразие моделей и нужна ли их унификация?

На наш взгляд, заявленная тема особенно интересна в контексте изучения региональных политических режимов. Ведь структурная волатильность в системе государственного управления на региональном уровне зависит в том числе от зрелости управленческой структуры в legislатурах: фактор 1 — число legislатур, в которых модели трансформируются в новые; фактор 2 — сложность принимаемых моделей; фактор 3 — многообразие моделей.

Выдвинем следующую гипотезу: от начала прошлого созыва к первым сессиям действующего созыва в legislатурах увеличилось общее количество должностей вице-спикеров. Это является следствием усложнения структуры совокупностей должностей вице-спикеров в legislатурах.

Проверка гипотезы и работа алгоритма опирается на правовые акты, принимаемые legislатурами, а также на публикации legislатур и СМИ.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

При исследовании региональной политической элиты заместители руководителей legislатур рассматриваются в составе высшей политической элиты [Быстрова и др. 2020: 96]. Факторы, являющиеся определяющими при получении руководящих должностей в legislатурах, выделили О.И. Ройтер и Р.Ф. Туровский [Reuter, Turovsky 2014].

Изучив характер занятости депутатов в legislатурах, А.В. Дука пришел к выводу, что legislатуры непрофессиональны [Дука 2019]. Ведь в большинстве регионов основная масса депутатов осуществляет свою деятельность без отрыва от основной работы. Дука последовательно критикует позицию судьи КС РФ С.Д. Князева [Князев 2011], утверждающего, что legislатуры в регионах нельзя унифицировать по количеству депутатов, работающих на профессиональной постоянной основе, поскольку у ряда субъектов федерации существуют политико-культурные основания их самобытности. Заметим, что столкновение взглядов Дуки и Князева высвечивает проблему и в организационной структуре legislатур — «самобытность» российских регионов относительно вопроса о количестве позиций вице-спикеров в legislатурах.

При изучении регионального парламентаризма отечественные исследователи зачастую используют в качестве основного метода исследования институциональный подход [Гончаров 2018; Помигуев 2015; Рыбакова 2016] и др. Отдельные ученые применяют социогенетический [Семенова, Скороходова 2017] или исторический [Шараев 2014] подходы.

Систематическая работа по изучению политической стороны избирательных кампаний в legislатуры велась А.В. Кыневым, А.Е. Любаревым и А.Н. Максимовым [Кынев, Любарев, Максимов 2014; 2015a; 2015b; 2018]. Отчеты о региональных выборах также выпускали Г.В. Голосов [Golosov 2016; 2018], А.Г. Арутюнов [Арутюнов 2021] и др.

Основное внимание в исследованиях, посвященных legislатурам отдельных регионов, уделено фракционной и комитетской структурам [Девятирова 2012; Козлова, Рассадин 2020], а также эффективности системы представительства [Аджоглян 2016; Милаева, Морозов 2020; Танцур 2020; Конько 2021]. Однако в этих статьях о позициях вице-спикеров и персонах, их занимающих, заходит лишь косвенный разговор. Поэтому отдельно хотелось бы выделить работу А.Е. Чириковой, посвященную анализу неформальных групп в Законодательном собрании Пермского края [Чирикова 2012]. Статья Чириковой выполнена

в русле неинституционального подхода и богато иллюстрирована выдержками из интервью, в частности о лицах, занимающих руководящие должности в легислатуре.

Как обеспечена информационная среда на официальных сайтах легислатур? Исследованию информационной открытости региональных парламентов посвящен целый ряд работ [Колодиев 2010; Лекторова, Окатьева 2017; Мартьянов 2013; Подкорытова 2018; Пугачев, Страхов 2023]. Они послужили фоновым инструментарием для настоящего исследования.

МЕТОДЫ

Основным методом сбора первичной информации является контент-анализ. На этом этапе работы необходимо установить периоды работы легислатуры действующего и предыдущего созывов, а также количество и тип должностей вице-спикеров.

Источниками информации являются официальные сайты легислатур, новости в СМИ, а также архивированные веб-сайты легислатур, доступные на сервисе Internet Archive (<https://archive.org/>).

Категории анализа:

1. Постановления легислатуры об избрании вице-спикеров.
2. Постановления легислатуры о структуре легислатуры.
3. Протоколы и стенограммы заседаний легислатуры, в ходе которых происходило избрание вице-спикеров, была утверждена структура легислатуры.
4. Материалы, размещенные на сайте легислатуры об истории развития парламентаризма в субъекте РФ, например информация о составе созывов легислатуры.
5. Новости об избрании вице-спикеров.

Единицы анализа — наименование позиций вице-спикеров в легислатурах. В рамках настоящего исследования есть две единицы анализа: первый заместитель и заместитель руководителя легислатуры.

Единицы счета — количество позиций каждого типа в легислатурах.

В целом исследователю предлагается создать таблицу, в которую будут внесены значения по следующим параметрам: код субъекта РФ; наименование региона; наименование законодательного органа государственной власти субъекта РФ; количество и тип позиций вице-спикеров в легислатурах на момент проведения организационных сессий

для действующего и прошлого созывов, а также источники, на основании которых строится анализ.

Исследование выполнено в парадигме количественного подхода. Поэтому, собрав первичную информацию, мы приступаем к изучению структуры руководства legislatures, измерению взаимосвязей между отдельными параметрами legislatures и т.д.

РЕЗУЛЬТАТЫ

О параметрах анализа структуры руководства в legislatures

А. О циклах работы legislatures. Периоды работы legislatures мы именуем циклами. Количество циклов у каждой legislatures разное, поскольку legislatures были различны по сроку полномочий созывов, а также по периоду своего существования. Нумерация циклов начинается с 0 — это точка отсчета, которая совпадает с началом работы legislatures действующего созыва; цикл 0 также присваивается последнему созыву legislatures в случае прекращения ее существования. Далее нумерация циклов продолжается в соответствии с количеством созывов legislatures до момента ее формирования. Таким образом, за действующим созывом (цикл 0) следует прошлый созыв (цикл 1), а за ним предыдущие по отношению к прошлому (цикл 2 и т. д.)

В. О структуре руководства в legislatures. Руководство legislatures состоит из представителей двух когорт: председателя и его заместителя(ей).

Количество представителей законодательной элиты в когорте заместителей руководителя legislatures различно и зависит от того, какова совокупность должностей вице-спикеров в legislatures и сколько депутатов избрано на позиции вице-спикеров.

На наш взгляд, сведения о совокупности должностей вице-спикеров в legislatures являются немаловажной характеристикой, определяющей мозаику региональных политических режимов. Ключевыми параметрами совокупности являются количество позиций вице-спикеров и их тип. По типу должности вице-спикеров делятся на первых заместителей и заместителей.

Руководство legislatures имеет двух- или трехуровневую структуру. Класс структуры называется двухуровневым, если председатель legislatures имеет одного или несколько заместителей, равных по ста-

тусному положению. В трехуровневой структуре председатель имеет несколько заместителей, часть из которых обладает большими полномочиями, и это закреплено в «Табеле о рангах».

Должность руководителя легислатуры располагается на высшем уровне, а должности первых вице-спикеров и вице-спикеров — соответственно на верхнем и нижнем. Таким образом, двухуровневая структура имеет высший и нижний уровни должностей, а трехуровневая — все вышеперечисленные.

С. О видах иерархий должностей руководителей легислатур. Иерархии должностей руководителей легислатур различны по виду. Двухуровневые структуры могут быть простыми и сложными, а трехуровневые — простыми, сложными, сложно-перевернутыми и очень сложными. Вид иерархии зависит от количества позиций вице-спикеров на верхнем и нижнем уровнях.

Согласно настоящей классификации, если в иерархии должностей руководителей легислатуры на каждом уровне располагается максимум одна должность, то она относится к виду «простые».

Вид «сложные иерархии» имеет следующую отличительную особенность: нижний уровень иерархии состоит из нескольких позиций вице-спикеров, а на верхнем уровне имеется не более одной должности первого вице-спикера.

Иерархии, относящиеся к виду «сложно-перевернутые», имеют лишь одну должность на нижнем уровне, но несколько на верхнем.

Иерархии вида «очень сложные» можно определить, установив, что на верхнем и нижнем уровнях они имеют по несколько позиций вице-спикеров.

Д. О моделях совокупностей должностей вице-спикеров легислатур. Модель совокупности должностей заместителей руководителя легислатуры (далее — модель) — комбинация количества и типов должностей вице-спикеров легислатуры.

Каждая модель имеет свой трехзначный шифр, который составляется по следующему правилу: сначала указывается количество должностей первых вице-спикеров легислатуры, затем ставится знак «дефис», а следом — количество должностей вице-спикеров.

Е. О трансформации моделей и ее формах. При сравнении моделей, существовавших в легислатуре в циклах 1 и 0, используется шкала «Постоянство — Изменчивость». С ее помощью можно охарактеризовать один из факторов зрелости управленческой структуры в легислатурах —

отсутствие структурной волатильности моделей. Если модель осталась прежней, то она олицетворяет «Постоянство», а если депутаты утвердили изменение количества должностей вице-спикеров и/или их распределение по типу, то тогда речь идет о факторе «Изменчивость».

По отношению количества легислатур, в которых утвердили новую модель, к общему количеству легислатур выделим следующие уровни изменчивости: низкая — менее трети случаев; средняя — от одной трети до двух третей; высокая — более двух третей.

Сравнение моделей, характерных для всей совокупности легислатур показывает развитие российской политической системы. Чем выше сложность моделей, их разнообразие и число легислатур, в которых изменилась модель, тем ниже зрелость управленческой структуры в легислатурах и выше структурная волатильность в системе государственного управления на региональном уровне.

Существует три формы трансформации моделей:

- 1) количество позиций вице-спикеров увеличилось (далее — Форма 1);
- 2) количество позиций вице-спикеров уменьшилось (далее — Форма 2);
- 3) количество позиций вице-спикеров осталось прежним, но изменилось их распределение по типу (далее — Форма 3).

Об анализе генеральной совокупности

А. О генеральной совокупности и критерии формирования целеориентированных выборов. Генеральную совокупность исследования составляют легислатуры 89 субъектов РФ. Регионально-парламентские выборы в субъектах РФ проходят не одновременно. В таблицу 1 сведены данные о периодах работы легислатур в циклах 1 и 0.

В единый день голосования 2023 г. выборы в легислатуры состоялись в 20 субъектах РФ. Очевидно, что депутаты в этих легислатурах на организационном заседании только утвердили количество и тип позиций вице-спикеров. Легислатуры, в которых у депутатов истекает срок полномочий, наоборот, с высокой долей вероятности могли быть подвержены изменениям в структуре руководства. Однако трансформация моделей по ходу деятельности созывов является темой для отдельного исследования. Для нас важно проследить только то, как видоизменилась структура позиций вице-спикеров, сравнив данные, актуальные на момент проведения первых заседаний легислатур действующего и предыдущего созывов.

Таблица 1

Сроки полномочий legislatures прошлого и действующего созывов по состоянию на 10.10.2023

№ п/п	Периоды работы legislatures прошлого и действующего созывов	Код субъекта РФ
1.	2014–2019 / 2019–2024	04; 07; 09; 12; 16; 17; 27; 32; 34; 71; 77; 91; 92
2.	2015–2020 / 2020–2025	11; 31; 36; 40; 44; 45; 49; 54; 62; 74; 89
3.	2016–2021 / 2021–2026	01; 05; 06; 10; 13; 20; 21; 22; 24; 25; 26; 28; 30; 35; 39; 41; 43; 46; 47; 48; 50; 51; 52; 53; 55; 56; 57; 59; 60; 63; 66; 68; 69; 70; 72; 78; 79; 86; 87
4.	2017–2022 / 2022–2027	15; 18; 23; 58; 64; 65
5.1.	2018–2023 / 2023–2028	02; 03; 08; 14; 19; 29; 33; 37; 38; 42; 61; 67; 73; 75; 76; 83
5.2.	Нет / 2023–2028	90; 93; 94; 95

Прямое сравнение моделей в legislatures является корректным, если legislatures принадлежат к одной и той же группе по сроку осуществления полномочий в двух созывах, следующих друг за другом.

В рамках нашей работы сравниваются характеристики моделей в legislatures в циклах 0 и 1, после проведения ЕДГ-2023. С учетом особенностей генеральной совокупности мы выделили шесть групп legislatures (табл. 1). С увеличением глубины анализа (количество изучаемых циклов) повышается количество групп legislatures.

После ЕДГ-2023 сроки полномочий созывов во всех legislatures составляют пять лет, а для 85 субъектов РФ справедливо высказывание, что в циклах 0 и 1 у них идентичные сроки осуществления полномочий — пять лет. Последнее утверждение очерчивает событие, которое случилось впервые в современной истории России. Таким образом, произошла унификация сроков полномочий legislatures в каждом регионе России, что является еще одним «кирпичом» при «строительстве» российской государственности на этапе ее становления.

С учетом вышеизложенного, критерием формирования целеориентированных выборок из состава генеральной совокупности являются идентичные сроки осуществления полномочий legislatures на протяжении двух последних циклов.

Проведя отбор объектов по критерию идентичности, получим две выборки:

- выборка максимальной вариации, к которой относятся легислатуры, принадлежащие к группам 1–5.1 (легислатуры 85 субъектов РФ);
- выборка экстремальных случаев — это четыре легислатуры на новых территориях России, относящиеся к группе 5.2.

Для каждой целеориентированной выборки проведем учет позиций вице-спикеров в легислатурах; используя параметры анализа структуры руководства в легислатурах, установим логические связи между отдельными элементами событий.

В. Об анализе выборки максимальной вариации.

В1. О сборе первичных данных и правилах их интерпретации.

Зная даты проведения организационных заседаний легислатур, принадлежащих к группам 1–5.1, выпишем сведения о моделях в циклах 0 и 1 (табл. 2).

Таблица 2

Анализ моделей совокупностей должностей заместителей руководителей легислатур по состоянию на 10.10.2023 (без учета данных о новых территориях России)

№ п/п	Модель совокупности должностей заместителей руководителя легислатуры	Шифр модели	Код субъекта РФ с легислатурой, в которой существовала указанная модель	
			Цикл 1	Цикл 0
1.	Один вице-спикер	0-1	04; 09 ; 17; 22 ; 25 ; 28 ; 42 ; 55; 65; 70; 79; 83	04; 17; 55; 65; 70; 79; 83
2.	Два вице-спикера	0-2	01; 03; 06; 07; 13 ; 16 ; 21; 29; 32; 35; 36; 43; 46 ; 47; 48; 56; 64; 69 ; 77; 78; 92	01; 03; 06; 07; 08 ; 10 ; 18 ; 21; 22 ; 29; 32; 35; 36; 38; 42 ; 43; 44; 47; 48; 56; 64; 77; 78; 92
3.	Три вице-спикера	0-3	02 ; 24 ; 34 ; 38; 53; 58 ; 67; 86	13 ; 16 ; 25 ; 28 ; 33; 53; 67; 69 ; 86

№ п/п	Модель совокупности должностей заместителей руководителя законодательного органа	Шифр модели	Код субъекта РФ с законодательным органом, в котором существовала указанная модель	
			Цикл 1	Цикл 0
4.	Четыре вице-спикера	0-4	<u>52</u> ; 33; 66 ; 76	02 ; 37; 76
5.	Пять вице-спикеров	0-5	37	<u>60</u>
6.	Один первый вице-спикер	1-0	40	
7.	Один первый вице-спикер и один вице-спикер	1-1	<u>08</u> ; <u>10</u> ; <u>18</u> ; 27; 30; 39; 62; 87	27; 30; 39; 40 ; 41 ; 62; 87
8.	Один первый вице-спикер и два вице-спикера	1-2	11 ; 12; 14 ; 19; 26 ; 41 ; 44; 51; 59; 89; 91	05; 09 ; 12; 19; 31; 46 ; 51; 59; 71; 75; 89
9.	Один первый вице-спикер и три вице-спикера	1-3	05; 15; 20 ; 23 ; 45; 49 ; 63; 71; 73 ; 75	11 ; 14 ; 15; 24 ; 34 ; 45; <u>52</u> ; 58 ; 63; 91
10.	Один первый вице-спикер и четыре вице-спикера	1-4	31; 54; 74 ; <u>60</u> ; 72	20 ; 54; 72
11.	Один первый вице-спикер и пять вице-спикеров	1-5		23 ; 50; 73
12.	Один первый вице-спикер и шесть вице-спикеров	1-6	57	74
13.	Один первый вице-спикер и семь вице-спикеров	1-7		57
14.	Два первых вице-спикера и один вице-спикер	2-1	68	68
15.	Два первых вице-спикера и два вице-спикера	2-2	61	
16.	Два первых вице-спикера и три вице-спикера	2-3		61
17.	Два первых вице-спикера и пять вице-спикеров	2-5	50	66

№ п/п	Модель совокупности должностей заместителей руководителя законодательной власти субъекта РФ	Шифр модели	Код субъекта РФ с законодательной властью, в которой существовала указанная модель	
			Цикл 1	Цикл 0
18.	Три первых вице-спикера и два вице-спикера	3-2		26; 49
<p>Примечание: выделение текста жирным означает, что, по сравнению с предыдущим созывом законодательной власти (цикл 1), в действующем (цикл 0), кол-во позиций в совокупности должностей вице-спикеров увеличилось (трансформация имеет форму 1); <i>курсивом</i> — уменьшилось (форму 2); <u>подчеркиванием</u> — осталось прежним, но изменилось их распределение по типу (форму 3).</p>				

Прежде чем мы приступим к анализу полученных данных, опишем частные случаи, которые встречаются в выборочной совокупности. На основании этих примеров разберем вопросы, касающиеся интерпретации наблюдаемых событий.

Пример 1. В цикле 1 Воронежской областной Думы депутаты приняли постановление, согласно которому у председателя законодательной власти предполагается наличие двух заместителей. Однако анализ периода деятельности законодательной власти VI созыва показал, что весь созыв осуществлял свои полномочия только один вице-спикер [Воронежская областная Дума VI созыва н. д.; Постановление Воронежской областной Думы... 2015]. Несмотря на это, в цикле 1 существовала модель 0-2, но с учетом некоторых особенностей.

В Воронежской областной Думе VII созыва (цикл 0) одного вице-спикера избрали на первом заседании [Калашников 2020], а второго — на третьем [Зоркий 2020]. Таким образом, в начале цикла 0 в законодательной власти снова существовала модель 0-2, но уже без «особенностей».

Пример 2. В ч. 1 ст. 12 Закона Камчатского края от 14.11.2011 № 691 «О Законодательном собрании Камчатского края» прописано, что «общее количество заместителей председателя Законодательного собрания (включая первого заместителя) не может быть более трех» [Закон Камчатского края... 2011]. Отметим, что, как правило, законодатель четко устанавливает количество вице-спикеров: один, два и т.д.; очень редко встречаются формулировки, подобные той, что указана в законе Камчатского края от 14.11.2011 № 691. Кроме того, в нулевом цикле ЗСКК избрали только первого вице-спикера и вице-спикера [Утверж-

дена структура нового законодательного собрания Камчатки 2021]. Исходя из вышеизложенного указывается, что модель в законодательстве изменилась: от 1-2 (цикл 1) до 1-1 (цикл 0).

Разница между **примером 1** и **примером 2** состоит в том, каким образом прописана емкость совокупности позиций вице-спикеров законодательного собрания (модель): в Воронежской областной Думе — четко, а в Законодательном собрании Камчатского края — расплывчато. Модель указана четко тогда, когда нет двусмысленности истолкования НПА относительно количества вице-спикеров, (например, в цикле 1 Воронежской областной Думы — модель 0-2). В этой ситуации однозначно можно ответить на вопрос, нужно или не нужно доукомплектование кадрами в когорте вице-спикеров относительно принятой модели. Если модель указана расплывчато, то необязательно возникает коллизия из-за того, что руководство законодательного собрания не доукомплектовано кадрами. Ведь законодательная база предполагает возможность существования нескольких равноправных вариантов моделей, (например, в цикле 0 ЗСКК: 1-2, 1-1 и 1-0, при том что избраны первый вице-спикер и вице-спикер, а общее количество вице-спикеров может быть не более трех). Таким образом, формулируются следующие правила.

Правило 1. Если законодатель четко установил размер совокупности должностей вице-спикеров по их количеству и по их типу, то вне зависимости от количества избранных вице-спикеров шифр модели устанавливается в соответствии с теоретической моделью.

Правило 2. Если депутаты утвердили структуру руководства законодательного собрания, где количество и тип должностей вице-спикеров прописаны расплывчато, то шифр модели устанавливается в соответствии с практической моделью: по количеству избранных депутатов на позиции вице-спикеров в соответствии с типами занимаемых должностей.

Пример 3. В цикле 1 Законодательного собрания Кировской области принято решение, что у руководителя законодательного собрания должно быть два заместителя [Постановление ЗС Кировской области от 06.10.2016... н.д.]. В цикле 0 норма осталась прежней, но одного вице-спикера избрали в сентябре 2021 г. [Постановление ЗС Кировской области от 30.09.2021... н.д.], а второго — лишь в марте 2022 г. [Постановление ЗС Кировской области от 31.03.2022... н.д.] Таким образом, в цикле 1 Законодательного Собрания Кировской области существовала модель 0-2, а в цикле 0 также существует модель 0-2.

Пример 4. В структуре Народного собрания (Парламента) Карачаево-Черкесской Республики V созыва была лишь одна должность за-

местителя председателя парламента КЧР. Депутат, избранный на указанную позицию, работал на постоянной профессиональной основе. В VI созыве структура легислатуры усложнилась: во-первых, учреждена должность первого заместителя, во-вторых, увеличилось количество должностей заместителей от одной до двух, и в-третьих, замещение должности первого заместителя предполагает работу на постоянной профессиональной основе, а на должностях заместителей — на непостоянной профессиональной основе [История Парламента Карачаево-Черкесской Республики н.д.].

Пример 5. На первой сессии Государственного собрания Республики Марий Эл VI созыва депутаты утвердили норму, согласно которой может быть более одного вице-спикера, но новая штатная единица предусматривает занятость персоны без отрыва от основной деятельности. Согласно структуре, избраны первый заместитель председателя легислатуры и два заместителя [Пресс-релиз о работе первой сессии Государственного Собрания Республики Марий Эл шестого созыва 2019]. В цикле 0 законодательные нормы и структура Государственного собрания остались прежними [Сессии Государственного Собрания Республики Марий Эл 7 созыва н.д.]

Мыслится, что стоит также выделить **два вида должностей вице-спикеров**: вид 1 — вице-спикер, осуществляющий полномочия на постоянной профессиональной основе, и вид 2 — вице-спикер, осуществляющий полномочия без отрыва от основной деятельности.

Модель 1-2 в Республике Марий Эл интересна тем, что на нижнем уровне наблюдаются разные виды должностей вице-спикеров. Думается, что одним из вопросов может быть следующий: «Чья позиция более ресурсная, — вице-спикера, осуществляющего полномочия без отрыва от основной деятельности, или его коллеги, работающего на постоянной профессиональной основе?»

Хотя, вероятно, этот вопрос чисто теоретический. Ведь в конце цикла 1 руководители Государственного собрания РМЭ реальной властью, видимо, не обладали. По оценкам экспертов интернет-газеты «Реальное время», в мае 2017 г. председатель легислатуры занимал восьмое место по уровню значимости среди региональных административной и деловой элит, а его первый зам — 13–17 место [Абдуллин, Шакиров 2017]. Ко второму кварталу 2018 г. в ТОП-50 остался только председатель легислатуры, но его позиции по авторитетности и влиятельности существенно ухудшились — лишь 40-е место [Абдуллин, Аюпов, Шакиров 2018].

Пример 6. У председателя Государственного совета Республики Татарстан V созыва было два заместителя [Избраны заместители председателя и секретарь Госсовета РТ пятого созыва 2014]. В структуре Госсовета РТ VI созыва количество должностей вице-спикеров увеличилось на одну позицию, и их стало три [Постановления Государственного Совета Республики Татарстан VI созыва, принятые на первом заседании н. д.] При этом количество заместителей председателя Госсовета РТ, работающих на постоянной профессиональной основе, осталось прежним: две персоны.

В примерах 4–6 рассматриваются практические ситуации, которые могут быть полезны для понимания причин трансформации моделей. Однако для настоящего анализа нам неважно, кто из вице-спикеров работал на постоянной профессиональной основе, а кто — без отрыва от основной деятельности; имел ли вице-спикер двойную должность или нет; входил ли вице-спикер в состав комитета или не входил.

В2. Анализ моделей совокупностей должностей вице-спикеров в легислатурах. На основании данных, представленных в таблице 2, установлено, что от цикла 1 к циклу 0 в легислатурах произошли следующие изменения:

1. Изменились модели в легислатурах 41 региона России.
2. От 12 до 7 сократилось число легислатур, в которых встречалась модель «0-1»: пять региональных парламентов приняли решение, что в их случае более эффективными будут другие модели. Случаев, когда депутаты сократили количество должностей вице-спикеров до одной позиции, нет.
3. Модели «0-3», «1-2» и «1-3» имеют примерно одинаковую популярность в легислатурах как в цикле 1, так и в цикле 0. Однако в цикле 0 каждая из этих моделей получила распространение в основном из-за того, что легислатуры изменили существовавшие модели на новые: от цикла 1 к циклу 0 в группе легислатур с моделью «0-3» не меняли утвержденную модель лишь три легислатуры; в группе легислатур с моделью «1-2» — пять легислатур; в группе легислатур с моделью «1-3» четыре легислатуры. Группы легислатур, с моделями «0-3», «1-2» и «1-3» в новом созыве обновились более чем на 50 %.
4. Исчезли модели «1-0» и «2-2».
5. Появилось четыре новых модели: «1-5», «1-7», «2-3» и «3-2».
6. Совокупность должностей вице-спикеров в легислатурах 85 субъектов РФ увеличилась: от 42 до 48 позиций первых заместителей, а так-

же от 210 до 211 должностей заместителей; общий темп прироста позиций составил 2,78 %.

Однако наиболее популярная модель осталась прежней — «0-2». В цикле 1 двух заместителей имели руководители 21 ассамблеи, а в цикле 0 — 24 ассамблей.

В выборку максимальной вариации включены legislatures 85 субъектов РФ. В цикле 1 их доля от общего количества российских региональных парламентов составляла 100 %, но в цикле 0 — 95,5 %.

Выборку максимальной вариации следует представить как две независимые выборки для каждого из рассматриваемых циклов. Тогда их объекты будут составлять по 100 % в обеих выборочных совокупностях. Сравним показатели внутри циклов 1 и 0 в выборке максимальной вариации.

В таблице 2 в том числе представлена база существовавших моделей в циклах 1 и 0. Поскольку шифр модели отражает и результат сопряжения переменных «Структура руководства legislatures» и «Вид иерархии legislatures», осуществлены преобразования: результат сопряжения переменных в цикле 1 наложен на результат сопряжения в цикле 0, после чего из новой базы удалены повторяющиеся элементы. Итоги преобразования наглядно представлены в таблице 3.

Таблица 3

Сведения о видах иерархий должностей руководителей legislatures и о структурах руководства legislatures в циклах 1 и 0

№ п/п	Класс структуры руководства legislatures	Вид иерархии в зависимости от модели совокупности должностей заместителей руководителя legislatures			
		Простые	Сложные	Сложно-перевернутые	Очень сложные
1.	Двухуровневая	0-1; <u>1-0</u>	0-2; 0-3; 0-4; 0-5	Нет	Нет
2.	Трёхуровневая	1-1	1-2; 1-3; 1-4; 1-5 ; 1-6; 1-7	2-1	<u>2-2</u> ; 2-3 ; 2-5; 3-2

Примечание: выделение шифра модели **жирным** означает, что, среди моделей, встречавшихся в legislatures предыдущего созыва (цикл 1), в legislatures действующего (цикл 0), произошло появление новой модели; подчеркиванием — исчезновение ранее существовавшей модели.

Из 18 выявленных моделей 16 встречаются в legislатурах действующих созывов (табл. 2, 3).

Установлено, что в цикле 1 на иерархии вида «простые» приходилась доля 24,7 %, а в цикле 0 — 16,5 %. К сожалению, простые двухуровневые иерархии можно назвать вымирающими, поскольку в новом созыве ни одна legislатура не утвердила подобные модели взамен существовавших.

В цикле 1 доля двухуровневых сложных иерархий в legislатурах составляла 40 %, а в цикле 0 — 43,5 %; от цикла 1 до цикла 0 доля трехуровневых сложных иерархий увеличилась от 31,7 % до 34,1 %. Таким образом, в наблюдаемом периоде выросло количество legislатур с иерархиями вида «сложные». Этот вид является самым популярным.

Самый редкий вид иерархий — «сложно-перевернутые» (в цикле 1 — 1,2 %; в цикле 0 — 1,2 %), который встречается только в Тамбовской областной Думе VI и VII созывов.

Иерархии вида «очень сложные» также имеют малое распространение. Их можно обнаружить лишь в legislатурах пяти субъектов РФ (коды регионов): в цикле 1 (2,4 %) — в Московской областной Думе (50) и в Законодательном собрании Ростовской области (61); в цикле 0 (4,7 %) — в Думе Ставропольского края (26), в Магаданской областной Думе (50), в Законодательном собрании Ростовской области (61) и в Законодательном собрании Свердловской области (66).

В таблице 4 представлена визуализация изменений моделей в legislатурах 41 субъекта федерации. Legislатуры сгруппированы по количеству отличий между моделями в циклах 0 и 1, а также по характеру трансформаций.

Трансформация моделей в большей части legislатур прошла по сценарию увеличения количества должностей вице-спикеров (63,4 %). Примеры такого развития событий отслеживаются в восьми из двенадцати групп, сформированных по характеру и количеству отличий между моделями в циклах 0 и 1.

Наибольшее увеличение совокупности должностей вице-спикеров произошло в Законодательном собрании Свердловской области на три позиции (группа 12). Здесь структура руководства legislатурой из двухуровневой превратилась в трехуровневую, а вид иерархии — из сложной в очень сложный.

Группа 4, к которой отнесены legislатуры 13 российских регионов, принесла наибольшее увеличение общего количества должностей вице-

спикеров на 13 позиций, а группа 2 (четыре legislatures) — первых вице-спикеров на четыре позиции.

Таблица 4

**Карта изменений моделей в legislatures субъектов РФ
по состоянию на 10.10.2023 (без учета legislatures на новых
территориях России)**

№ п/п	Тип и количество должностей вице-спикеров, подверженных изменениям	Код региона	Модель в цикле 1	Модель в цикле 0	Кол-во отличий между моделями
1.	1-й зам. (-1)	44; 50	1-2; 2-5	0-2; 1-5	Одно
2.	1-й зам. (+1)	24; 34; 46; 58	0-3; 0-3; 0-2; 0-3	1-3; 1-3; 1-2; 1-3	
3.	Зам. (-1)	05; 33; 37; 38; 41; 71; 75	1-3; 0-4; 0-5; 0-3; 1-2; 1-3; 1-3	1-2; 0-3; 0-4; 0-2; 1-1; 1-2; 1-2	
4.	Зам. (+1)	02; 11; 13; 14; 16; 20; 22; 40; 42; 57; 61; 69; 91	0-3; 1-2; 0-2; 1-2; 0-2; 1-3; 0-1; 1-0; 0-1; 1-6; 2-2; 0-2; 1-2	0-4; 1-3; 0-3; 1-3; 0-3; 1-4; 0-2; 1-1; 0-2; 1-7; 2-3; 0-3; 1-3	
5.	1-й зам. (-1); зам. (+1)	08; 10; 18	1-1; 1-1; 1-1	0-2; 0-2; 0-2	Два
6.	1-й зам. (+1); зам. (-1)	52; 60	0-4; 1-4	1-3; 0-5	
7.	1-й зам. (+1); зам. (+1)	09	0-1	1-2	
8.	1-й зам. (+2)	26	1-2	3-2	
9.	Зам. (-2)	31	1-4	1-2	
10.	Зам. (+2)	23; 25; 28; 73; 74	1-3; 0-1; 0-1; 1-3; 1-4	1-5; 0-3; 0-3; 1-5; 1-6	

№ п/п	Тип и количество должностей вице-спикеров, подверженных изменениям	Код региона	Модель в цикле 1	Модель в цикле 0	Кол-во отличий между моделями
11.	1-й зам. (+2); зам. (-1)	49	1-3	3-2	Три
12.	1-й зам. (+2); зам. (+1)	66	0-4	2-5	

Заметна доля legislatures, в которых трансформация моделей привела к уменьшению общего количества должностей вице-спикеров — 24,4 %. На одну позицию первых вице-спикеров сократилось штатное расписание в legislatures, принадлежащих группе 1; вице-спикеров — группе 3. Две позиции вице-спикеров сократили парламентарии в Белгородской областной Думе (группа 9). 12,2 % legislatures, поменявших модель в новом созыве, сделали это таким образом, чтобы размер совокупности должностей вице-спикеров остался прежним. В группе 5 структура руководства legislatures из трехуровневой превратилась в двухуровневую, а вид иерархии изменился с простого на сложный. В группе 6 лишь две legislatures; при трансформации обе сохранили сложный вид иерархии, но есть и различия: в Законодательном собрании Нижегородской области структура руководства стала двухуровневой, а в Псковском областном собрании депутатов, наоборот, превратилась в трехуровневую.

Таким образом, для всех legislatures, в которых произошло изменение модели от цикла 1 к циклу 0, справедливо следующее: во-первых, все наблюдаемые случаи можно разделить по количеству отличий между моделями в legislatures на три категории: категория 1 — одно отличие, категория 2 — два отличия и категория 3 — три отличия; во-вторых, по количеству отличий между моделями, в зависимости от характера их трансформации, все объекты выборки поделили на 12 групп; в-третьих, преобладающей формой трансформации моделей является форма 1.

На основании данных, отраженных в таблицах 1 и 2 прослеживаются более подробно аспекты трансформации моделей в зависимости от сроков полномочий legislatures.

В легислатурах со сроками полномочий 2014–2019 / 2019–2024 от цикла 1 к циклу 0 выявлена доминирующая форма трансформации моделей — форма 3. По шкале «Постоянство — Изменчивость» наблюдается высокая изменчивость моделей: в 76,9 % депутаты приняли решение утвердить новую модель вместо существовавшей.

Для легислатур со сроками полномочий 2015–2020 / 2020–2025 справедливы следующие утверждения: во-первых, отмечается преобладание трансформации моделей по форме 1; во-вторых, изменение моделей произошло в 54,5 % случаев (средний уровень). Это паритет с преобладанием фактора «Изменчивость».

В 43,6 % легислатур, со сроками полномочий 2016–2021 / 2021–2026, депутаты изменили существовавшую в легислатуре модель — средний уровень изменчивости. Доминирующая форма трансформации моделей — форма 1. Ситуация в этой группе легислатур, описывается так: паритет с преобладанием фактора «Постоянство».

Поровну можно разделить легислатуры со сроками полномочий 2017–2022 / 2022–2027. Ведь именно в пропорции 50 на 50 в одних ассамблеях модели изменились, а в других — нет. Наблюдается паритет; средний уровень изменчивости; форма 1 как доминирующая форма трансформации моделей.

И наконец, рассмотрим легислатуры со сроками полномочий 2018–2023 / 2023–2028. Фактор «Изменчивость» превалирует над фактором «Постоянство»: в 68,8 % легислатур существовавшая модель была заменена на новую. Таким образом, наблюдается высокий уровень изменчивости.

Теперь предлагается измерить взаимосвязи между некоторыми фактами, чтобы установить их степень влияния на структурную волатильность региональной системы государственного управления: А) в цикле 1 встречались 14 моделей совокупности должностей вице-спикеров, а в цикле 0 их стало 16; В) от цикла 1 к циклу 0 модели изменились в 41 из 85 легислатур, включенных в выборку максимальной вариации; С) в цикле 0 на 7,2 % сократилась доля легислатур, имеющих иерархию вида «простые». В результате сопоставления указанных параметров отмечается средний уровень зрелости управленческой структуры в легислатурах. Значения этого индикативного показателя напрямую влияют на структурную волатильность в системе государственного управления на субнациональном уровне: региональные политические режимы зачастую формируются под влиянием особен-

ностей моделей в legislatures. Ведь позиции вице-спикеров могут встречаться как на пути инкорпорации персон в состав элиты, так и на пути их экскорпорации. Однако можно ли назвать такой уровень устойчивости нормальным? Стабильным — точно нет.

С. Об анализе выборов экстремальных случаев.

С1. О новых территориях России. 24 февраля 2022 г. Президентом РФ В. В. Путиным объявлено начало специальной военной операции (СВО), целью которой являлась защита жителей народных республик Донбасса от издевательств и геноцида со стороны киевской власти [Обращение президента России... 2022].

Народные республики Донбасса — отколовшиеся от Украины государства, признанные Российской Федерацией 21 февраля 2022 г.: ДНР [Указ Президента Российской Федерации от 21.02.2022 № 71... 2022] и ЛНР [Указ Президента Российской Федерации от 21.02.2022 № 72... 2022].

После ввода войск на Украину весной 2022 г. учреждаются органы управления на освобожденных в ходе СВО территориях некоторых бывших административных единиц Украины: военно-гражданские администрации (ВГА) Запорожской, Харьковской и Херсонской областей. Осенью 2022 г. Российская Федерация признает государственный суверенитет и независимость Запорожской [Указ Президента Российской Федерации от 29.09.2022 № 685... 2022] и Херсонской областей [Указ Президента Российской Федерации от 29.09.2022 № 686... 2022]. После этого в первых числах октября 2022 г. упраздняется ВГА Запорожской области, а вместо нее формируется «губернаторская структура администрации» [Военно-гражданская... 2022]; преобразования ВГА Херсонской области в администрацию Херсонской области произойдет в начале 2023 г. [Сапожников 2023].

30 сентября 2022 г. подписаны договоры о принятии в состав Российской Федерации Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области [Подписание договоров... 2022]. Накануне годовщины этого важного события в 2023 г. установлена новая памятная дата России: «30 сентября — День воссоединения Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области с Российской Федерацией (2022 год)» [Федеральный закон от 28.09.2023 № 493-ФЗ... 2023]. С 1 марта 2024 г. указанные административные единицы войдут в зону ответственности Южного военного округа [Проект

указа... н. д.] Однако «в состав какого-либо федерального округа» новые территории пока не вошли. Политтехнолог Евгений Минченко считает, что этого и не произойдет, пока не «зафиксируется как-то более или менее понятно линия разграничения [между Россией и Украиной]» [Прах, Винокуров 2023].

Таким образом, новые территории России — это бывшие субъекты международного права, обладавшие государственным суверенитетом и независимостью, вошедшие в состав Российской Федерации на правах субъектов РФ после начала специальной военной операции.

С2. О легислатурах новых территорий России: в период от воссоединения до ЕДГ02023. 30 декабря 2022 г. приняты Конституция ДНР [Конституция Донецкой... 2022] и Конституция ЛНР [Конституция Луганской... 2022]. Согласно ч. 2 ст. 58 Конституции ДНР, «срок полномочий депутатов Народного Совета Донецкой Народной Республики одного созыва составляет пять лет»; «...начинается со дня их избрания и прекращается со дня начала работы Народного Совета Донецкой Народной Республики нового созыва» [Конституция Донецкой... 2022]. Аналогичные позиции закреплены в ч. 2 ст. 50 Конституции ЛНР [Конституция Луганской... 2022]. Таким образом, после воссоединения народных республик Донбасса с Россией легислатуры продолжили свою работу до проведения выборов депутатов в сентябре 2023 г.

Дискуссия об учреждении легислатуры на освобожденной территории Запорожской области началась в середине 2022 г., когда глава Запорожской ВГА Е.В. Балицкий заявил, что создание парламента не планируется до окончания СВО [Запорожские власти... 2022]; в августе 2022 г. власти заверили, что «парламент будет». Ведь «здесь будет все [система органов власти] в соответствии с российским законодательством» [Власти Запорожской области намерены... 2022]. Иными словами, позиция представителей ВГА региона стала более корректной.

На Херсонщине коннотация высказываний руководителей региона по идентичному вопросу, можно сказать, несколько удачнее: «Областной парламент будет сформирован со следующего года, под выборы 1 сентября 2023 года. К этому времени будем готовиться. Сейчас будем думать над созданием представительного органа» [Парламент Херсонской области... 2022]. Заметим, что данное высказывание замглавы Херсонской ВГА К.С. Стремоусова появилось уже после признания Россией государственного суверенитета и независимости Херсонской области [Указ Президента Российской Федерации от 29.09.2022 № 686... 2022],

но его логика распространялась и на развитие событий в Запорожской области. Таким образом, в Запорожской и Херсонской областях до проведения выборов в сентябре 2023 г. парламенты не существовали.

СЗ. О легислатурах новых территорий России: после ЕДГ-2023. На территории новых регионов России выборы депутатов в легислатуры прошли 10 сентября 2023 г. [Сведения о выборах...] С момента проведения организационных сессий в легислатурах Донетчины, Луганщины, Запорожской области и Херсонщины начинается цикл 0. В рамках анализа цикла 1 для указанных легислатур нет. В таблице 5 представлено распределение легислатур в цикле 0 в зависимости от утвержденных депутатами модели.

Таблица 5

Анализ моделей совокупностей должностей заместителей руководителей легислатур на новых территориях России по состоянию на 10.10.2023

№ п/п	Модель совокупности должностей заместителей руководителей легислатуры	Шифр модели	Код субъекта РФ с легислатурой, в которой существовала указанная модель	
			Цикл 1	Цикл 0
1.	Один первый вице-спикер и один вице-спикер	1-1	Нет	90
2.	Один первый вице-спикер и три вице-спикера	1-3	Нет	93; 94; 95

Появление модели 1-3 в легислатурах новых территорий России прогнозируемо, поскольку указанная модель существует в цикле 0 Государственного совета Республики Крым (код региона 91). Выбор в пользу модели 1-1 в Законодательном собрании Запорожской области — это, вероятно, проявление межэлитных договоренностей и следствие отсутствия достаточного количества ресурсных кандидатов на должности вице-спикеров, прошедших тщательный отбор. Отмечается, что весной 2023 г. обсуждались лишь общие черты грядущих избирательных кампаний: возможное количество депутатских мандатов в легислатурах на новых территориях России [Тихонов 2023].

ОБСУЖДЕНИЕ

По результатам исследования выявлено 18 моделей структуры руководства в legislатурах: А) двухуровневые простые: «0-1», «1-0» и «1-1»; В) двухуровневые сложные: «0-2», «0-3», «0-4» и «0-5»; С) трехуровневые сложные: «1-2», «1-3», «1-4», «1-5», «1-6» и «1-7»; D) трехуровневые сложно-перевернутые: «2-1»; Е) трехуровневые очень сложные: «2-2», «2-3», «2-5» и «3-2». Шифр модели означает, сколько позиций первых вице-спикеров (тип 1) и вице-спикеров (тип 2) депутаты утвердили на организационном заседании legislатуры. Кроме того, на основании шифра модели можно установить структуру руководства и вид иерархии в legislатуре.

Созывы в legislатурах именуются циклами. В рамках анализа моделей сделаны два среза: для действующего (цикл 0) и предыдущего (цикл 1) созывов во всех legislатурах после ЕДГ-2023. Это позволило изучить трансформацию моделей и проверить гипотезу, действительно ли общая совокупность должностей вице-спикеров имеет тенденцию к увеличению емкости.

Генеральная совокупность — legislатуры 89 субъектов РФ — разделена на две выборки: максимальной вариации (legislатуры 85 регионов) и экстремальных случаев (legislатуры новых территорий России). Это позволило сравнить параметры legislатур в однородных совокупностях.

Для выборки максимальной вариации дана общая характеристика распределения, детально проанализированы частные случаи, описаны наиболее важные связи между параметрами. Результатом систематизации стала, например, карта изменений моделей в legislатурах, на основании которой выявлена преобладающая форма трансформации: форма 1 — увеличение количества позиций вице-спикеров. Кроме того, legislатуры, в которых модель претерпела изменения, были проклассифицированы на основании количества отличий между моделями в циклах 0 и 1, а также характера этих преобразований.

Собрав воедино сведения о видах иерархий должностей руководителей legislатур и о структурах руководства legislатурами в циклах 1 и 0, обнаружено, что «простой» вид иерархий в цикле 0 стал встречаться куда реже, чем в цикле 1. Зато в цикле 0 существенно увеличилась доля «сложных» иерархий как среди двухуровневых, так и среди трехуровневых. Хотя этот вид был и так самым распространенным.

Поскольку legislatures разнообразны относительно начала периода исполнения полномочий, для каждой группы legislatures (стратифицированные выборки) проведены мероприятия, позволяющие зафиксировать основные различия между ними. На этом этапе исследования проверено наличие изменчивости моделей в стратах по шкале «Постоянство — Изменчивость». Установлено, что для большинства страт между факторами постоянства и изменчивости наблюдается паритет, характеризующийся средним уровнем изменчивости (от одной до двух третей случаев). В этих стратах доминирующей формой трансформации моделей является форма 1 — увеличение количества позиций вице-спикеров. Однако встречаются страты и с высоким уровнем изменчивости (более двух третей случаев), где различны преобладающие формы трансформации моделей: в одной страте — форма 3 (количество позиций вице-спикеров осталось прежним, но изменилось их распределение по типу), а в другой есть две доминирующие формы трансформации: форма 1 и форма 2 (уменьшение количества позиций вице-спикеров).

Общая тенденция такова: в выборке максимальной вариации наблюдается средний уровень зрелости управленческой структуры в legislatures.

Прежде чем перейти к анализу в выборке экстремальных случаев, предлагается описание этапа включения в состав России на правах субъектов РФ республик Донбасса, а также Запорожской и Херсонской областей. В статье дано авторское определение концепта «новые территории России». Однако основная линия повествования построена на изучении моментов, связанных с формированием органов законодательной ветви власти на новых территориях России. После ЕДГ-2023 в legislatures прошли организационные заседания, на которых депутаты выбрали структуру руководства. В legislatures ЛНР и ДНР, а также Херсонской области утверждена модель «1-3»; в Запорожской области — модель «1-1». Думается, что решение о принятии модели «1-3» связано с тем, какая модель существует в legislature Республики Крым.

В генеральной совокупности наблюдается увеличение количества позиций первых вице-спикеров на 10 единиц и вице-спикеров — на 11 единиц. Темп роста составил 8,33 % при сравнении емкостей совокупностей должностей в циклах 0 и 1. Основной прирост (5,55 %) пришелся на legislature новых территорий России. И все-таки гипотеза доказана.

Ведь нами обнаружен рост емкости совокупности должностей заместителей руководителей легислатур в выборке максимальной вариации. Таким образом, в цикле 1 в легислатурах 85 субъектов РФ существовали модели, в которых находились 42 позиции первых вице-спикеров и 210 позиций вице-спикеров; в цикле 0 в легислатурах 89 субъектов РФ утверждены модели, в общей сложности состоящие из 52 первых вице-спикеров и 221 вице-спикера.

Наблюдаемое в цикле 0 разнообразие моделей структуры руководства в легислатурах (16 моделей) наводит на определенное размышление: вероятно, можно утвердить любое количество первых вице-спикеров и вице-спикеров. И каждое из этих решений будет максимально обоснованным, так как принято с учетом местной специфики, а также с учетом выдвинутых задач, поставленных перед руководством легислатуры и т.д. Однако мыслится, что при переходе от этапа становления российской государственности к этапу новой российской государственности проблема унификации структур руководства легислатурами все-таки будет решена. На наш взгляд, оптимальной моделью является двухуровневая простая иерархия, в которой будет лишь одна должность вице-спикера.

В условиях текущей реальности хотелось бы заострить внимание на следующем аспекте: изучении позиционной влиятельности должностей вице-спикеров в легислатурах. Согласно позиционной технике идентификации элит, изложенной Ч.Р. Миллсом в работе «Властвующая элита» [Миллс 1959] для определения влиятельности персоны, необходимо изучить статусное положение должности, которую она занимает в одной из главенствующих иерархий. Чем выше престиж должности, тем большим позиционным влиянием обладает персона, ее замещающая. Среди моделей совокупностей должностей вице-спикеров в легислатурах встречаются такие, в которых можно легко установить статусное положение должностей вице-спикеров — модели «0-1», «1-0» и «1-1» с видом иерархии «простые». На основании распределения обязанностей между руководителем, его первыми заместителями и заместителем в Тамбовской областной Думе в цикле 1 установлено, что наибольшим позиционным влиянием обладает первый вице-спикер, «курирующий работу постоянного комитета, обеспечивающего защиту прав и свобод человека и гражданина РФ» [Соловьев 2022]. Анализ этого случая позволяет интерпретировать параметры в структуре руководства легислатур с видом иерархии «сложно-перевернутые» моде-

лью «2-1». Однако, как было установлено в рамках нашего исследования, основная часть legislatur имеет более сложное устройство. Поэтому дополнительно требуется тщательное изучение возможностей применения позиционной техники для идентификации элиты среди вице-спикеров в legislатурах, имеющих виды иерархий «сложные» и «очень сложные».

Для изучения тенденций при трансформации моделей главным направлением видится анализ предшествующих циклу 1 сроков полномочий legislatur.

В рамках настоящего исследования была предпринята попытка классификации структур руководства в legislатурах, но такие аспекты, как трансформация моделей внутри циклов, утверждение парламентами штатного расписания с должностями вице-спикеров, работающих без отрыва от основной деятельности, вопросы, касающиеся права выдвижения кандидатур на должности вице-спикеров, а также статусное положение вице-спикеров, имеющих двойные должности, остались вне поля нашего зрения. Конечно, изучение указанных параметров во взаимосвязи с рассмотренными событиями также является направлением для дальнейшего изучения.

Литература

Аджоглян А.Г. Эффективность регионального парламента: количество против качества // Регионология. 2016. № 2 (95). С. 7–17. EDN VZYXID.

Арутюнов А.Г. Особенности региональных выборов в современной России (по материалам пяти субъектов Российской Федерации) // Власть. 2021. Т. 29, № 3. С. 99–103. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i3.8147>. EDN UULBCJ.

Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Региональная политическая элита: бассейн рекрутирования и карьера // Власть и элиты. 2020. Т. 7, № 1. С. 76–122. <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.4>. EDN HHPAWU.

Гончаров Д.В. Российский регион как предмет институционального политического анализа // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2008. № 9. С. 7–20. EDN LDGQRB.

Девятярова А.И. Динамика политической структуры регионального парламента как фактор организации законотворческого процесса в Алтайском крае (1990–2000-е гг.) // Вестник Пермского университета. Политология. 2012. № 4 (20). С. 20–32. EDN PJFPLJ.

Дука А.В. Новый нобилитет российских регионов // Власть и элиты. 2019. Т. 6, № 1. С. 169–196. <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.1.8>. EDN WHWHAC.

Князев С.Д. Профессиональный депутатский мандат: доступность и условия замещения в субъектах Российской Федерации // Вестник Сибирского юридического института МВД. 2011. № 1. С. 93–100. EDN QBVBEV.

Козлова Н.Н., Рассадин С.В. Основные вехи и тенденции развития региональных legislатур (на примере Тверской области) // Социально-политические процессы в меняющемся мире: межвуз. сб. науч. трудов / под ред. В.П. Гаврикова. Тверь: Тверской государственный университет, 2020. С. 5–13. EDN TYEFBU.

Колодиев Н.Н. Сайт регионального парламента как инструмент информирования общественности // Информация — Коммуникация — Общество. 2010. Т. 1. С. 72–73. EDN YLNF3J.

Конько С.Г. Лоббисты в региональных парламентах России: пример Новосибирской области // Вопросы политологии. 2021. Т. 11, № 5 (69). С. 1411–1418. <https://doi.org/10.35775/PSI.2021.69.5.011>. EDN ACCNGI.

Кынев А.В., Любарев А.Е., Максимов А.Н. Региональные и местные выборы 8 сентября 2013 года: тенденции, проблемы и технологии. М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2014. 312 с. EDN VRXZBC.

Кынев А.В., Любарев А.Е., Максимов А.Н. Региональные и местные выборы 2014 года в России в условиях новых ограничений конкуренции. М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2015а. 372 с. EDN YUMOMP.

Кынев А.В., Любарев А.Е., Максимов А.Н. На подступах к федеральным выборам — 2016: Региональные и местные выборы 13 сентября 2015 года. М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2015b. 565 с. EDN YUMOMX.

Кынев А.В., Любарев А.Е., Максимов А.Н. Российские выборы — 2017: ответственность и изменение практик между двумя федеральными кампаниями. М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2018. 514 с. EDN YUMONN.

Лекторова Ю.Ю., Окатьева К.В. Связи с общественностью в органах власти: опыт регионального парламента // Города и местные сообщества. 2017. Т. 2. С. 166–173. EDN ZRKQXD.

Мартыанов Д.С. Сравнительный анализ репрезентации сайтов региональных парламентов в России и США // PolitBook. 2013. № 3. С. 87–98. EDN SBM3VJ.

Милаева О.В., Морозов С.Д. Модель политического представительства Пензенской области (анализ депутатского корпуса законодательного собрания Пензенской области и Пензенской городской Думы) // PolitBook. 2020. № 3. С. 52–79. EDN ELIGKP.

Миллс Р. Властвующая элита. М.: Изд-во иностр. лит., 1959. 543 с.

Подкорытова А.С. Совершенствование официальных интернет-порталов региональных законодательных органов власти как способ повышения открытости политических институтов (на примере анализа официального сайта парламента Пермского края) // Перевод, реклама и PR в современной коммуникации. 2018. Т. 1. С. 127–140. EDN BAVW3Y.

Помигуев И.А. Возможности влияния региональных парламентов на Федеральный законодательный процесс в России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2015. № 4. С. 96–98. EDN VVSJH.

Пугачев А.Н., Страхов К.А. Парламент на ладони. Рейтинг открытости парламентов российских регионов: исследование третье. СПб.: Фонд развития городского самоуправления «1870», 2023. 40 с. EDN GQHGZI.

Рыбакова С.С. Региональный парламент в политическом пространстве субъектов Российской Федерации : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. Саратов: Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина, 2016. 23 с. EDN XXGJQU.

Семенова В.Г., Скороходова О.С. Качественный состав регионального парламента как показатель внутриэлитной интеграции и конкуренции: опыт Саратовской области // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17, № 4. С. 12–20. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2017-4-12-20>. EDN ZRJZRV.

Соловьев Д.А. Определение влиятельности заместителей председателя Тамбовской областной Думы VI созыва (2016–2021) // Глобальные вызовы в меняющемся мире: тенденции и перспективы развития социально-гуманитарного знания: 6-й молодежный конвент УрФУ: материалы междунар. конф., Екатеринбург, 24–26 марта 2022 года. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2022. С. 560–563. EDN LKOZWO.

Танцура М.С. Региональный парламентаризм в условиях снижения эффективности системы представительства // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 1 (52). С. 106–111. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2020-1/106-111>. EDN SKPPVS.

Чирикова А.Е. Институт представительной власти в российских регионах: неинституциональный анализ // Властные структуры и группы доминирования: Материалы X Всерос. семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 307–343. EDN UMSTZP.

Шараев П.С. Региональный парламентаризм: историография проблемы (1990–2000-е гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 3 (144). С. 75–79. EDN RZCQFT.

Golosov G.V. Russia's Centralized Authoritarianism in the Disguise of Democratic Federalism: Evidence from the September 2017 Subnational Elections // International Area Studies Review. 2018. Vol. 21, iss. 3. P. 231–248. <https://doi.org/10.1177/2233865918789521>. EDN YCAQGD.

Golosov G.V. The September 2015 Regional Elections in Russia: A Rehearsal for Next Year's National Legislative Races // Regional & Federal Studies. 2016. Vol. 26, iss. 2. P. 255–268. <https://doi.org/10.1080/13597566.2015.1124865>. EDN WOHRIL.

Reuter O.J., Turovsky R. Dominant Party Rule and Legislative Leadership in Authoritarian Regimes. Party Politics. 2014. Vol. 20, iss. 5. P. 663–674. <https://doi.org/10.1177/1354068812448689>. EDN UEVUWR.

Источники

Абдуллин Р., Аюпов Д., Шакиров Р. Топ-50 элит Марий Эл: новый «клан», теневой № 1 и возвращение Маркелова в рейтинг. 2018, 17 октября // Интернет-газета «Реальное время». URL: <https://m.realnoevremya.ru/articles/116946-top-50-elite-respubliki-mariy-el-za-vtoroy-kvartal-2018-goda> (дата обращения: 11.09.2023).

Абдуллин Р., Шакиров Р. Топ-50 политической элиты Марий Эл: первые варяги, люди в красном и судьба десницы Маркелова. 2017, 12 мая // Интернет-газет «Реальное время». URL: <https://realnoevremya.ru/articles/64982-top-50-elity-mariy-el-posle-otstavki-leonida-markelova> (дата обращения: 11.09.2023).

Власти Запорожской области намерены сформировать парламент. 2022, 31 августа // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15602555> (дата обращения: 06.10.2023).

Военно-гражданская администрация Запорожской области упраздняется. 2022, 5 октября // Интерфакс.ру. URL: <https://www.interfax.ru/world/866467> (дата обращения: 08.10.2023).

Воронежская областная Дума VI созыва. Н. д. // Сайт Воронежской областной Думы. URL: <http://www.vrnoblduma.ru/o-dume/sozyvy/vi-sozyv/> (дата обращения: 11.09.2023).

Закон Камчатского края от 14.11.2011 № 691 «О Законодательном Собрании Камчатского края» (в ред. от 23.06.2021) // Официальные ведомости. 2011. 22 ноября (№ 245).

Запорожские власти заявили, что не будут формировать парламент до конца спецоперации. 2022, 14 июня // Интерфакс.ру. URL: <https://www.interfax.ru/world/846109> (дата обращения: 06.10.2023).

Зоркий, В. Вторым вице-спикером воронежской облдумы избран Николай Колосков. 2020, 17 октября // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4538138> (дата обращения: 11.09.2023).

Избраны заместители председателя и секретарь Госсовета РТ пятого созыва. 2014, 01 октября // TatCenter. URL: <https://tatcenter.ru/news/izbrany-zamestiteli-predsdatelya-i-sekretar-gossoveta-rt-pyatogo-sozyva/> (дата обращения: 09.09.2023).

История Народного Собрания (Парламента) Карачаево-Черкесской Республики. Н. д. // Сайт Парламента КЧР. URL: <https://parlament09.ru/about/history.php> (дата обращения: 08.09.2023).

Калашиников С. Владимир Нетесов официально стал спикером воронежской облдумы. 2020, 24 сентября // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4503221> (дата обращения: 11.09.2023).

Конституция Донецкой Народной Республики (Принята Народным Советом Донецкой Народной Республики 30 декабря 2022 г.) 2022, 30 декабря // Сайт Народного Совета ДНР. URL: <https://dnrsouvet.su/konstitutsiya/> (дата обращения: 08.10.2023).

Конституция Луганской Народной Республики (Принята Народным Советом Луганской Народной Республики 30 декабря 2022 г.) 2022, 30 декабря // Сайт Народного Совета ЛНР. URL: <https://www.nslnr.su/zakonodatelstvo/konstitutsiya/> (дата обращения: 08.10.2023).

Обращение президента России о начале специальной военной операции. 2022, 24 февраля // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5229815> (дата обращения: 06.10.2023).

Парламент Херсонской области планируют сформировать со следующего года. 2022, 4 октября // ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/15947551> (дата обращения: 06.10.2023).

Подписание договоров о принятии ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав России. 2022, 30 сентября // Сайт Администрации Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69465> (дата обращения: 05.10.2023).

Постановление Воронежской областной Думы от 25.09.2015 № 9-VI-ОД «О заместителе председателя Воронежской областной Думы VI созыва». 2015, 25 сентября // ГАРАНТ.РУ (Garant.ru). URL: <https://base.garant.ru/18180464/> (дата обращения: 11.09.2023).

Постановление ЗС Кировской области от 06.10.2016 № 1/8 «О количестве заместителей Председателя Законодательного Собрания Кировской области шестого созыва, осуществляющих деятельность на профессиональной постоянной основе». Н. д. // Сайт Законодательного Собрания Кировской области. URL: <https://zsko.ru/documents/resolutions/2240.html> (дата обращения: 17.09.2023).

Постановление ЗС Кировской области от 30.09.2021 № 1/7 «Об избрании заместителя Председателя Законодательного Собрания Кировской области седьмого созыва» // Сайт Законодательного Собрания Кировской области. URL: <https://zsko.ru/documents/resolutions/2659.html> (дата обращения: 17.09.2023).

Постановление ЗС Кировской области от 31.03.2022 № 8/50 «Об избрании заместителя Председателя Законодательного Собрания Кировской области седьмого созыва» // Кодекс. URL: <https://docs.cntd.ru/document/578182899> (дата обращения: 17.09.2023).

Постановления Государственного Совета Республики Татарстан VI созыва, принятые на первом заседании. Н. д. // Сайт Государственного Совета РТ. URL: https://gossov.tatarstan.ru/activity/zased_gs?meeting_id=33&show=decree (дата обращения: 09.09.2023).

Прах А., Винокуров А. Новые регионы не идут окружным путем. 2023, 13 марта // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5873570> (дата обращения: 05.10.2023).

Пресс-релиз о работе первой сессии Государственного Собрания Республики Марий Эл шестого созыва. 2019, 11 января // BezFormata. URL: <https://yoshkarola.bezformata.com/listnews/gosudarstvennogo-sobraniya/24724710/> (дата обращения: 08.09.2023).

Проект указа Президента Российской Федерации «О военно-административном делении Российской Федерации». Н. д. // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=141963> (дата обращения: 05.10.2023).

Сапожников А. ВГА Херсонской области преобразована в областную администрацию. 2023, 27 января // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5795681> (дата обращения: 08.10.2023).

Сведения о выборах депутатов законодательных органов субъектов Российской Федерации, назначенных на 10 сентября 2023 года. Н. д. // ЦИК России. URL: <http://www.cikrf.ru/analog/ediny-den-golosovaniya-2023/kategorii-viborov/vibori-deputatov-zakonodatelnih/> (дата обращения: 05.10.2023).

Сессии Государственного Собрания Республики Марий Эл 7 созыва. Н. д. // Сайт Госсобрания Республики Марий Эл. URL: https://old.gsmari.ru/arhiv/st_s7.html (дата обращения: 08.09.2023).

Тихонов А. Присоединенные территории определяются с количественным составом заксобраний. 2023, 17 апреля // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/04/17/971123-prisoedinennie-territorii-opredelyayutsya-s-kolichestvennim-sostavom-zaksobranii> (дата обращения: 06.10.2023).

Указ Президента Российской Федерации от 21.02.2022 № 71 «О признании Донецкой Народной Республики». 2022, 22 февраля // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202220002> (дата обращения: 06.10.2023).

Указ Президента Российской Федерации от 21.02.2022 № 72 «О признании Луганской Народной Республики». 2022, 22 февраля // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202220001> (дата обращения: 06.10.2023).

Указ Президента Российской Федерации от 29.09.2022 № 685 «О признании Запорожской области». 2022, 30 сентября // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209300001> (дата обращения: 06.10.2023).

Указ Президента Российской Федерации от 29.09.2022 № 686 «О признании Херсонской области». 2022, 30 сентября // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209300002> (дата обращения: 06.10.2023).

Утверждена структура нового законодательного собрания Камчатки. 2021, 13 октября // Информационное агентство «Камчатка». URL: <https://kamtoday.ru/photos/utverzhdena-struktura-novogo-zakonodatelnogo-sobraniya-kamchatki/> (дата обращения: 17.09.2023).

Федеральный закон от 28.09.2023 № 493-ФЗ «О внесении изменений в статью 1-1 Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России». 2023, 28 сентября // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/law/2023/09/28/federalnyy-zakon-493-fz.html> (дата обращения: 05.10.2023).

INTRODUCING MODELS OF SETS OF DEPUTY SPEAKER POSITIONS IN RUSSIAN REGIONAL PARLIAMENTS: IS IT NECESSARY TO UNIFY THE FORMS OF LEADING POSITIONS IN LEGISLATIVE BODIES?

D. Solovyov

(dmitry.a.solovev@yandex.ru)

The Center for the Study of Political Transformation
Derzhavin TSU
Tambov, Russian Federation

Citation: Solovyov D. Modeli sootvetstviya dolzhny vitse-spikerov parlamentov regional'nykh regionov: nuzhna li unifikatsiya form rukovodstva zakonodatel'nyimi organami? [Introducing models of sets of deputy speaker positions in Russian regional parliaments: is it necessary to unify the forms of leading positions in legislative bodies?], *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2023, 10 (2): 65–101. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.4>
EDN ANRZPQ

Abstract. *The purpose of the article is to make a classification of sets of positions of deputy speakers in legislative bodies of the constituent entities of the Russian Federation. Legislative bodies exercise their powers during periods that are named cycles: from the current cycle 0 to the previous cycle 1 and so on. The method of content analysis is used to study two sections: cycle 1 and cycle 0 of legislative bodies after the single voting day on September 10, 2023. There are two types of positions of deputy speakers: deputy speakers and first deputy speakers. These take, respectively, the lower and the upper levels in the structure of the leadership of a legislative body, and the position of the chairman of a legislative body is at the highest level. The model of a set of positions of deputy speakers in a legislative body is determined depending on the number and type of positions of deputy speakers. Each model has its own unique cipher that can help to establish the type of leadership hierarchy in a legislative body (simple, complex, complex & reversed, or very complex) and the class of the leadership structure of a legislative body: a two-level or a three-level structure. When studying the transformation of models, the “Persistence—Changeability” scale has been used. During the study, 18 unique models have been identified. The models were transformed in the legislative bodies of 41 constituent entities of the Russian Federation. The dominant form of model transformation was increasing the number of positions of deputy speakers. It has been established that hierarchies of*

the “Complex” type are most often found in the general sample and the “0 to 2” model is the most common. The concept of “new territories of Russia” has been defined. It has been found that the “1 to 3” model existing in the State Council of the Republic of Crimea was adopted by the legislative bodies of most new territories of Russia. As a result of the analysis, the average level of maturity of a leadership structure in the legislative bodies has been revealed. It has been proved that the number of positions of deputy speakers in the legislative bodies was increased from cycle 1 to cycle 0. It has been concluded that it is necessary to unify the models. The theoretical significance of the work lies in the creation of an algorithm to classify leadership structures in legislative bodies based on data on the number and types of positions of deputy speakers.

Keywords: regional political regimes, state legislative bodies of constituent entities of the Russian Federation, regional legislative bodies, regional legislative elite, leadership positions in regional parliaments, sets of positions of deputy speakers in legislative bodies.

References

- Adzhoglyan A. Effektivnost' regional'nogo parlamenta: kolichestvo protiv kachestva [Effectiveness of a Regional Parliament: Quantity Versus Quality]. *Regionologiya* [Russian Journal of Regional Studies], 2016, 2(95), pp. 7–17, EDN VZYXID. (In Russian)
- Arutyunov A. Osobennosti regional'nykh vyborov v sovremennoy Rossii (po materialam pyati sub"ektov Rossiyskoy Federatsii) [Features of Regional Elections in Modern Russia]. *Vlast'* [The Authority], 2021, 29, 3, pp. 99–103, <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i3.8147>. EDN UULBCJ. (In Russian)
- Bystrova A., Daugavet A., Duka A., Kolesnik N., Nevskiy A., Tev D. Regional'naya politicheskaya elita: basseyn rekrutirovaniya i kar'era [Regional Political Elite: Careers and Pool of Recruitment]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2020, 7 (1), pp. 76–122, <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.4>. EDN HHPAWU. (In Russian)
- Goncharov D. Rossiyskiy region kak predmet institutsional'nogo politicheskogo analiza [The Russian Region as a Subject of Institutional Political Analysis]. *Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* [Scientific Works of Orenburg Institute (Branch) of MSLA], 2008, 9, pp. 7–20. EDN LDGQRB. (In Russian)
- Devyatyarova A. () Dinamika politicheskoy struktury regional'nogo parlamenta kak faktor organizatsii zakonotvorcheskogo protsessa v Altayskom krae (1990–2000-e gg.) [Dynamic of the Political Structure in Regional Parliament as a Factor of Law-Making Process Organization in Altai Krai (1990–2000s)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya* [Bulletin of Perm University. Political Science], 2012, 4(20), pp. 20–32. EDN PJFPLJ. (In Russian)
- Duka A. Novyy nobilitet rossiyskikh regionov [New Nobility of the Russian Regions]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2019, 6 (1), pp. 169–196. <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.1.8>. EDN WHWHAC. (In Russian)

Knyazev S. Professional'nyy deputatskiy mandat: dostupnost' i usloviya zameshcheniya v sub'ektakh Rossiyskoy Federatsii [Professional Deputy Mandate: Availability and Conditions of Replacement in the Subjects of the Russian Federation]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD* [Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia], 2011, 1, pp. 93–100. EDN QBVBEV. (In Russian)

Kozlova N., Rassadin S. Osnovnye vekhi i tendentsii razvitiya regional'nykh legislatur (na primere Tverskoy oblasti) [The Main Milestones and Trends in the Development of Regional Legislatures (On the Example of the Tver Region)]. *Sotsial'no-politicheskie protsessy v menyayushchemsya mire: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Interuniversity Collection of Scientific Papers "Socio-Political Processes in a Changing World"]. Ed. by V.P. Gavrikov. Tver: Tverskoy gosudarstvennyy universitet Publ., 2020, pp. 5–13. EDN TYEFBU. (In Russian)

Kolodiev N. Sayt regional'nogo parlamenta kak instrument informirovaniya obshchestvennosti [The Website of the Regional Parliament as a Tool for Informing the Public]. *Informatsiya — Kommunikatsiya — Obshchestvo* [Information — Communication — Society], 2010, 1, pp. 72–73. EDN YLNFJC. (In Russian)

Kon'ko S. Lobbyist v regional'nykh parlamentakh Rossii: primer Novosibirskoy oblasti [Lobbyism in Regional Parliaments of Russia: The Example of Novosibirsk Region]. *Voprosy politologii* [Political Science Issues], 2021, 11 (69), pp. 1411–1418. <https://doi.org/10.35775/PSI.2021.69.5.011>. EDN ACCNGI. (In Russian)

Kynev A., Lyubarev A., Maksimov A. *Regional'nye i mestnye vybory 8 sentyabrya 2013 goda: tendentsii, problemy i tekhnologii* [Regional and Local Elections of September 8, 2013: Trends, Problems and Technologies]. Moscow: Fond "Liberal'naya Missiya" Publ., 2014. 312 p. EDN VRXZBC. (In Russian)

Kynev A., Lyubarev A., Maksimov A. *Regional'nye i mestnye vybory 2014 goda v Rossii v usloviyakh novykh ogranicheniy konkurentssii* [Regional and Local Elections of 2014 in Russia in the Context of New Restrictions on Competition]. Moscow: Fond "Liberal'naya Missiya" Publ., 2015a. 372 p. EDN YUMOMP. (In Russian)

Kynev A., Lyubarev A., Maksimov A. *Na podstupakh k federal'nyim vyboram — 2016: Regional'nye i mestnye vybory 13 sentyabrya 2015 goda* [On the Approaches to the Federal Elections—2016: Regional and Local Elections on September 13, 2015]. Moscow: Fond "Liberal'naya Missiya" Publ., 2015b. 565 p. EDN YUMOMX. (In Russian)

Kynev A., Lyubarev A., Maksimov A. *Rossiyskie vybory — 2017: preemstvennost' i izmenenie praktik mezhdru dvumya federal'nymi kampaniyami* [Russian Elections 2017: Continuity and Change of Practices Between the Two Federal Campaigns]. Moscow: Fond "Liberal'naya Missiya" Publ., 2018. 514 p. EDN YUMONN. (In Russian)

Lektorova Yu., Okafeva K. *Svyazi s obshchestvennost'yu v organakh vlasti: opyt regional'nogo parlamenta* [Public Relations in Authorities: The Experience of the Regional Parliament]. *Goroda i mestnye soobshchestva* [Cities and Local Communities], 2017, 2, pp. 166–173. EDN ZRKQXD. (In Russian)

Mart'yanov D. Sravnitel'nyy analiz reprezentatsii saytov regional'nykh parlamentov v Rossii i SShA [Comparative Analysis of Russian and American Regional Legislative Web Sites]. *PolitBook* [PolitBook], 2013, 3, pp. 87–98. EDN SBMXXBJ. (In Russian)

Milaeva O., Morozov S. Model' politicheskogo predstavitel'stva Penzenskoy oblasti (analiz deputatskogo korpusa zakonodatel'nogo sobraniya Penzenskoy oblasti i Penzenskoy gorodskoy Dumy) [Model of Political Representation of the Penza Region (Analysis of the Deputy Corps of the Legislative Assembly of the Penza Region and the Penza City Duma)]. *PolitBook* [PolitBook], 2020, 3, pp. 52–79. EDN ELIGKP. (In Russian)

Mills Ch. R. *Vlastvuyushhaya e'lita*. [Power elite]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury Publ. 1959. (In Russian)

Podkorytova, A. Sovershenstvovanie ofitsial'nykh internet-portalov regional'nykh zakonodatel'nykh organov vlasti kak sposob povysheniya otkrytosti politicheskikh institutov (na primere analiza ofitsial'nogo sayta parlamenta Permskogo kraya) [Improving the Official Internet Portals of Regional Legislative Bodies as a Means of Increasing the Openness of Political Institutions (Through the Example of Perm Krai Parliament Website)]. *Perevod, reklama i PR v sovremennoy kommunikatsii* [Translation, Advertising and PR in Modern Communication], 2018, 1, pp. 127–140. EDN BAVWMY. (In Russian)

Pomiguev I. Vozmozhnosti vliyaniya regional'nykh parlamentov na Federal'nyy zakonodatel'nyy protsess v Rossii [The Possibilities of Influence of the Regional Parliament on the Federal Legislative Process in Russia]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology], 2015, 4, pp. 96–98. EDN VVSJIH. (In Russian)

Pugachev A., Strakhov K. *Parlament na ladoni. Reyting otkrytosti parlamentov rossiyskikh regionov : Issledovanie tret'e* [Parliament in the Palm of your Hand. Rating of Openness of Parliaments of Russian Regions: The Third Study]. St. Petersburg: Fond razvitiya gorodskogo samoupravleniya "1870" Publ., 2023. 40 p. EDN GQHGZI. (In Russian)

Rybakova S. *Regional'nyy parlament v politicheskom prostranstve sub"ektov Rossiyskoy Federatsii* [Regional Parliament in the Political Space of the Subjects of the Russian Federation]. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata politicheskikh nauk [Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Political Sciences]. Saratov, 2016. 23 p., EDN XXGJQU. (In Russian)

Semenova V., Skorokhodova O. Kachestvennyy sostav regional'nogo parlamenta kak pokazatel' vnutrielitnoy integratsii i konkurentsii: opyt Saratovskoy oblasti [The Qualitative Composition of the Regional Parliament as an Indicator Interelite Integration and Competition (Experience of the Saratov Region)]. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya* [Bulletin of the Volga Region Institute of Administration], 2017. 17 (4), pp. 12–20. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2017-4-12-20>. EDN ZRJRZV. (In Russian)

Solovyov D. Opredelenie vliyatel'nosti zamestiteley predsedatelya Tambovskoy oblastnoy Dumy VI sozyva (2016–2021) [Determination of the Influence of the Deputy Chairmen of the 6th Duma of the Tambov Region (2016 to 2021)]. *Global'nye vyzovy v menyayushchemsya mire: tendentsii i perspektivy razvitiya sotsial'no-gumanitarnogo znaniya: 6-y molodezhnyy konvent UrFU : materialy mezhdunarodnoy konferentsii, Ekaterinburg, 24–26 marta 2022 goda* [March 24–26, 2022 Sixth International Youth Convention of UrFU “Global Challenges in a Changing World: Trends and Prospects for the Development of Social and Humanitarian Knowledge”]. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta Publ., 2022, pp. 560–563. EDN LKOZWO. (In Russian)

Tantsura M. Regional'nyy parlamentarizm v usloviyakh snizheniya effektivnosti sistemy predstavitel'stva [Regional Parliamentarism in the Context of Decreasing Efficiency of the Representation System]. *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Oykumena. Regional Researches], 2020, 1(52), pp. 106–111. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2020-1/106-111>. EDN SKPPVS. (In Russian)

Chirikova A. Institut predstavitel'noy vlasti v rossiyskikh regionakh: neoinstitutsional'nyy analiz [The Institute of Representative Government in Russian Regions: A Neo-institutional Analysis]. *Vlastnye struktury i gruppy dominirovaniya : Materialy desyatogo Vserossiyskogo seminar “Sotsiologicheskie problemy institutov vlasti v usloviyakh rossiyskoy transformatsii”* [Power Structures and Groups of Dominance: Proceedings of the Tenth All-Russian Seminar “Sociological Problems of the Power Institutions in the Conditions of Russia's Transformation”]. Ed. by A.V. Duka. St. Petersburg: Intersotsis, 2012, pp. 307–343. EDN UMSTZP. (In Russian)

Sharaev P. Regional'nyy parlamentarizm: istoriografiya problemy (1990–2000-e gg.) [Regional Parliamentarism: Historiography of the Problem (1990–2000's)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2014, 3(144), pp. 75–79. EDN RZCQFT. (In Russian)

Golosov G. Russia's Centralized Authoritarianism in the Disguise of Democratic Federalism: Evidence from the September 2017 Subnational Elections. *International Area Studies Review*, 2018, 21 (3), pp. 231–248. <https://doi.org/10.1177/2233865918789521>. EDN YCAQGD.

Golosov G. The September 2015 Regional Elections in Russia: A Rehearsal for Next Year's National Legislative Races. *Regional & Federal Studies*, 2016, 26 (2), pp. 255–268. <https://doi.org/10.1080/13597566.2015.1124865>. EDN WOHRIL.

Reuter O.J., Turovsky R. Dominant Party Rule and Legislative Leadership in Authoritarian Regimes. *Party Politics*, 2014, 20 (5), pp. 663–674. <https://doi.org/10.1177/1354068812448689>. EDN UEVUWR.

ДЕПУТАТЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ НЕФОРМАЛЬНЫХ ПРАКТИК¹

Т.Б. Витковская

(vit.tatiana@gmail.com)

Институт гуманитарных исследований УрО РАН,
Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН
Пермь, Россия

Цитирование: Витковская Т.Б. Депутаты представительных органов местного самоуправления в пространстве неформальных практик // Власть и элиты. 2023. Т. 10, №. 2. С. 102–120.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.5>
EDN ANWKAS

Аннотация. *Статья посвящена неформальным взаимодействиям в пределах муниципальных образований, в которые вовлекаются депутаты представительных органов местного самоуправления. Представлены результаты исследования локальных элит и политических ландшафтов в ряде муниципальных образований Свердловской области и Пермского края. Зафиксирована распространенность неформальных практик взаимодействия. В фокусе внимания как взаимодействия, которые инициируют представители местных legislatures, так и взаимодействия по инициативе других представителей локальных элит. В значительной мере в пространстве неформальных практик остаются коммуникации депутатов с муниципальными главами и чиновниками. Частный бизнес оказывает влияние на работу представительных органов публичной власти вне формальных правил, регулирующих локальное представительство и законотворчество. Председатели локальных legislatures вовлечены в неформальные отношения с главами и депутатами, не предусмотренные регламентами органов самоуправления. Отдельное внимание уделено неформальной структуре муниципального депутатского корпуса, неформальным группам, формирующимся в депутатских собраниях. Показано, как в локальных сообществах политические взаимодействия переплетаются с личными отношениями, предвыборными договоренностями и элек-*

¹ Выполнено в рамках государственного задания Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН, номер государственной регистрации темы АААА-А19-119032590065-5.

торальной активностью, смежно-экономическими отношениями и лоббистской деятельностью.

Ключевые слова: *местное самоуправление, муниципалитет, локальная элита, локальная легислатура, муниципальный депутат, неформальные практики.*

Неформальные практики, сопровождающие процессы управления и самоуправления, могут быть обнаружены на разных уровнях публичной власти. Локальный уровень не является исключением. Функционирование местного самоуправления имеет нормативные основания, но отношения локальных акторов, которых органы местного самоуправления наделяют властным ресурсом, выходят за нормативные рамки.

Российское законодательство о местном самоуправлении регулирует отношения между исполнительной и представительной властью в муниципальных образованиях, законодательство о выборах регламентирует взаимодействия участников электорального процесса. Несмотря на рестриктивный характер действующего законодательства, все эти взаимодействия находятся под влиянием локальных неформальных норм. Активность глав, депутатов и других акторов, действующих на локальных площадках, не ограничивается деятельностью, предписанной им законами и регламентами.

А. Леденева определяет неформальные практики, получившие распространение в современной России, как компромисс формальных правил и социальных норм [Ledeneva 2006: 26]. Отечественные социологи и политологи указывают на присутствие таких неформальных практик в российской региональной и локальной политике [Колесник 2017; Юркова 2016; Чирикова 2015; Будко 2014; Сельцер 2014; Соловьев 2011; Гельман, Рыженков, Белокурова, Борисова 2008; Даугавет 2003]. Так, А.Е. Чирикова пишет о «воспроизводстве пирамиды неформальных практик» в российской региональной власти и указывает на эффект неформальных практик на политический процесс регионального и муниципального уровня: «Акторы оказываются сильнее институтов» [Чирикова 2014: 235].

Исследования местной политики показывают, как неформальные практики сопровождают взаимодействие ветвей и уровней публичной власти [Чирикова, Ледяев 2015; Подвинцев, Витковская, Рябова 2013], активность политических партий [Рябова 2019; Витковская, Подвинцев 2014], формирование местных коалиций [Пустовойт 2019; Чирикова 2018; Борисова, Сулимов, Ковина 2011], электоральные процедуры и от-

бор кандидатов на ключевые посты в муниципалитетах [Чирикова 2022; Гилев, Семенов, Шевцова 2017]. Глава во взаимодействии с другими влиятельными акторами формирует большинство неформальных практик, конструирующих локальные политические ландшафты. По этой причине именно главе как субъекту формирования неформальных практик уделяется основное исследовательское внимание.

Статья посвящена неформальным практикам в пространстве локальной политики, в которые вовлечены депутаты представительных органов местного самоуправления в российских муниципалитетах. Под неформальными практиками понимаются коммуникации, взаимоотношения и связи вне формальных правил, регулирующих муниципальный управленческий и нормотворческий процесс. Статья сосредоточена на неформальных взаимодействиях депутатов местных legislatures, во-первых, с главами муниципалитетов, во-вторых, с частным бизнесом, владеющим предприятиями на территориях¹.

Статья сфокусирована на следующих вопросах. Каковы эффекты структурной «кулуарной» политики глав на депутатские собрания? Как руководство предприятий контролирует муниципальных депутатов, не имея официальных мандатов? Чем объясняется укорененность неформальных практик, в которые с неизбежностью вовлекаются депутаты?

Статья базируется на эмпирическом материале, полученном автором в ходе углубленного исследования политических ландшафтов в четырех муниципальных образованиях, расположенных в Пермском крае и Свердловской области². Основным методом сбора информации в исследовании были интервью с представителями локальной элиты, включая председателей и депутатов местных legislatures, интервью взяты в 2019–2020 гг.³ Использована информация о составе представительных органов местного самоуправления, представленная на их сайтах или официальных сайтах муниципальных образований; информация о ходе и результатах муниципальных выборов, предоставляемая ЦИК РФ. Задействованы материалы местных СМИ.

¹ Речь идет о крупном в масштабе муниципальной территории бизнесе, по стандартной классификации с учетом суммы выручки и численности сотрудников он может быть определен как крупный или средний бизнес.

² Муниципальные образования по численности населения являются малыми или средними (с населением до 100 тыс. человек).

³ Часть интервью взята на условии анонимности, поэтому выдержки из интервью приведены без указания имен респондентов и названий муниципальных образований.

Распространенной практикой является взаимодействие председателя представительного органа как с депутатами, так и с чиновниками муниципалитета вне формальных процедур, определенных регламентами местных органов публичной власти.

В силу официального статуса председатель осуществляет организацию деятельности представительного органа (если эту роль не исполняет глава муниципального образования) [Федеральный закон... 2003]. Влияние председателя формально ограничено исполнением организационных функций и обусловлено знанием парламентской процедуры. Однако постоянное взаимодействие с депутатским корпусом (с позиции старшего коллеги) и администрацией открывает перед председателем возможности расширения сферы его неформального влияния.

Председатели представительных органов исполняют разные роли в зависимости от особенностей локального политического ландшафта. Во-первых, они нередко выступают в роли арбитра или медиатора для депутатов: помогают разрешать конфликты, согласовывать интересы, находить компромиссы. Их статус и позиция «над схваткой», которую не оспаривают рядовые депутаты, помогает им успешно исполнять такую роль.

Во-вторых, председатели местных legislatures берут на себя роль посредников между депутатами и местными администрациями. Депутат может отказаться от диалога с представителем исполнительной власти, но не может избежать коммуникации с председателем депутатского собрания. Председатель, в свою очередь, может постоянно инициировать общение с депутатами, выбирать перечень тем для обсуждения, определять круг участников, вовлеченных в коммуникацию не напрямую, а через его посредничество.

Председатель Думы в одном из городов Свердловской области рассказывает о своей роли посредника и конфиденанта для городского главы и депутатов:

Если такое решение не проходит, он в первую очередь должен убедить меня. Во-вторых, если такое решение не проходит, то, конечно, надо встречаться персонально с каждым кандидатом, узнать его мнение, почему он голосует против такого решения, и убедить его. Это личная неприязнь? Это непонимание? Это, может быть, кто-то третий вмешался в процесс обсуждения и убедил, что у нас делается не совсем правильно, надо сделать вот так и так?

В значительной мере в пространстве неформальных практик остается взаимодействие депутатов представительного органа с главой самоуправления. Глава нуждается в поддержке депутатского корпуса, потому что представительный орган играет самостоятельную роль в местном нормотворческом и управленческом процессе. Прежде всего глава заинтересован в поддержке его инициатив на депутатских голосованиях, а также в том, чтобы депутатский корпус не поддерживал инициативы, которые не поддерживает администрация. Представитель Думы рассказывает, что поддержка инициатив главы депутатским корпусом не гарантирована: *«У нас бывают случаи, когда не поддерживают. На прошлой Думе два решения, которые выносила глава администрации, не прошли»* — и делает вывод о важности коммуникации главы с депутатами: *«В первую очередь, если главе нужно, то он должен убедить, откровенно говоря, всех депутатов, всех»*.

Решения по местным налогам и сборам, муниципальному бюджету принимаются во взаимодействии исполнительной и представительной власти муниципалитета. Отсутствие проблем с финансовой стороной местного управления, проволочек в принятии муниципального бюджета и отчета об его исполнении важны для главы. Это одна из основных причин, по которым глава и его команда прикладывают усилия для построения и поддержания отношений с депутатским корпусом.

Роль депутатского собрания в наделении главы полномочиями (представительный орган может избирать главу из своего состава или из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией [Федеральный закон... 2003]) определяет ценность лояльности депутатского корпуса в муниципалитетах, где глава более не избирается на муниципальных выборах.

Глава в силу должностных обязанностей не обязан находится в постоянном контакте с депутатами. Как правило, однако, главы, лично или через доверенных представителей, поддерживают контакт с членами депутатского собрания, по своей инициативе (*«работал с людьми индивидуально, пытался контакты наладить... выстроил отношения»*). Постоянная коммуникация с депутатами открывает возможности найти взаимопонимание, общие интересы, точки соприкосновения, что формирует поле для успешного взаимодействия. Также постоянная коммуникация позволяет знать о возникающих проблемах и актуальных потребностях депутатов или представляемых ими учреждений (это часто муниципальные учреждения образования и здравоохранения), что может стать отправной точкой для переговоров.

Варьируются формы и площадки неформальных взаимодействий: это могут быть личные встречи главы и депутата или общение через посредника, разговоры в кулуарах административных зданий, помещении Думы или в нерабочей обстановке (в местах досуга) и т.д. Формат общения может быть разным: глава и депутаты выдвигают предложения, которые можно принять или отвергнуть, ищут компромисс, торгуются или убеждают. Глава и его прямые представители нередко ожидают уступок или подчинения со стороны депутатов, справедливо считая свою позицию более сильной.

Влияние главы может опираться на обещания позитивных или угрозы негативных санкций. Причем ни обещания, ни угрозы могут не озвучиваться, но только подразумеваться в диалоге или депутаты могут только предполагать возможность санкций. В ситуациях, когда условия и последствия поддержки (или отказа поддержать) политику главы не проясняются, такая неопределенность сама может служить регулятором поведения депутатов в локальной легислатуре.

Депутаты заинтересованы во взаимодействии с главой или по крайней мере не избегают коммуникации с администрацией по той же причине, что и исполнительная власть: они представляют орган публичной власти и вписаны в систему местного управления и нормотворчества. Прежде всего вновь избранные депутаты понимают, что без конструктивных отношений депутатского корпуса с главой невозможна успешная работа с муниципальным бюджетом и местными финансами. Председатель Думы объясняет это:

Люди, приходя впервые в Думу, идут такими романтиками... И начинается. Как правило, первый удар об стену — это формирование бюджета, когда есть очень четкие рамки, заданные извне, преодолеть которые невозможно.

Далее работа в составе органа местного самоуправления открывает депутатам их возможности: формировать локальную повестку, участвовать в принятии (или блокировке) решений местного значения, влиять на кадровую политику в муниципалитете и поддерживать (или лишать поддержки) главу-инкумбента и его конкурентов. Это возможности становятся основой их влияния в пространстве локальной политики и ложатся в основу неформальных отношений с ее ключевыми участниками, в первую очередь с главой.

Депутаты не могут строить неформальные отношения с чиновниками с позиции силы (давить, угрожать негативными санкциями),

но могут сравнивать свои возможности и возможности оппонента с исполнительными полномочиями в конкретных ситуациях, вести переговоры или «торг» по разным вопросам.

Более уязвимы позиции депутатов — сотрудников муниципальных бюджетных учреждений. Они не зависят от администрации напрямую, но могут опасаться санкций в отношении представляемых учреждений в случае конфликта. Зачастую их избрание в локальную легислатуру продиктовано желанием создать более благоприятные условия для своих учреждений, обеспечить им софинансирование из местного бюджета, организационную помощь административных структур. Поэтому они, как правило, избегают конфликтов, выказывают поддержку политике действующей администрации в целом и придерживаются своей позиции только по актуальным для них вопросам социальной политики, при распределении средств на муниципальные нужды (*«опытный депутат имеет опыт балансирования между тем, что хочется... и тем, что необходимо»*, — говорит один из них).

Представитель Думы, которая руководит местной школой, объясняет сложность положения ее и коллег-депутатов из муниципальных бюджетных учреждений, и подтверждает, что у главы есть «рычаг власти»:

С нами комфортнее работать администрации. Нонсенс в чем: наш работодатель — администрация, а мы законодательная власть, и работодатель тут в некоем конфликте. Ну условном. Но он не пользуется этим рычагом власти.

В городе Верхний Тагил, где рабочие места обеспечивает в основном сектор бюджетных учреждений, местный эксперт объясняет бесконфликтные отношения главы и городской Думы тем, что большинство депутатов представляют муниципальные бюджетные учреждения. Это подтверждает позиция представителя депутатского корпуса:

Городским властям с нами работать комфортнее, по моему опыту. Дума и городская власть — они должны быть в тандеме, а не в конфликте, конфликт к конструктивизму не приведет.

Распространенной практикой является предварительный подбор кандидатов в депутаты, избрание которых выгодно администрации. Глава не может иметь официальный список кандидатов «от администрации» и тем более оказывать им административную поддержку. Однако отношения главы (или его неофициальных представителей) и инициативных, амбициозных членов местного сообщества могут складываться до выборов и получения ими мандатов.

Самым простым для главы вариантом иметь поддержку в депутатском корпусе является присутствие там депутатов, с которыми он связан личными отношениями (родственными, дружескими, партнерскими). По этой причине главы оказывают поддержку «своим» кандидатам в депутаты, используя накопленный политический и социальный капитал. Однако таких кандидатов, если они есть, не может быть много, более двух-трех, и никогда не достаточно для влияния на депутатское собрание.

Более сложным вариантом оказывается коммуникация с независимыми депутатами, лояльность которых не гарантирована. Зачастую главы выстраивают отношения с будущими депутатами на этапе их выдвижения и прохождения предвыборной кампании. Помощь со стороны действующей администрации, даже символическая (как мотивация или поддержка инициативы кандидата) может стать основой для будущих продуктивных взаимодействий. Как результат этих усилий, по итогам многих муниципальных выборов на момент избрания часть депутатов лояльна главе, находится под его влиянием или открыта к диалогу с ним.

Глава, претендующий на сохранение контроля в пределах муниципалитета, как и амбициозный новый кандидат на пост главы, могут инициировать переговоры и достигать договоренностей с потенциальными сторонниками еще до официального избрания или начала предвыборной кампании. Предметом обсуждения может быть поддержка (или отсутствие противодействия) при получении депутатского мандата или занятии муниципальной должности. Местный эксперт дает свое видение процессов, сопровождавших борьбу за кресло мэра в одном из городов Пермского края:

Был также активный политический торг, предметом торга выступали должности, муниципальные объекты, сетевые структуры, в обмен на поддержку на выборах. Впоследствии поддержавшим его кандидатуру отходили ... и посты в администрации, и депутатские мандаты. Таким образом, окружение мэра в том числе люди, которые получили достаточно большие дивиденды от избрания его на пост главы города.

Отношения отдельных депутатов с главой, другими представителями местной элиты не исчерпывают многообразия взаимодействий за границами формальных муниципальных парламентских процедур. Депутаты также действуют коллективно, объединенные в группы, и только часть таких групп являются официальными.

Формальная структура депутатского собрания задана делением на партийные фракции, комиссии и комитеты. Партийный ландшафт на уровне местного самоуправления определяется доминированием партии «Единая Россия», что отражается на характере межпартийного соревнования и партийной структуре легислатур. Большая доля кандидатов в муниципальные депутаты выдвигается от «Единой России», и большинство партийных кандидатов в действующих созывах представляют эту партию. Как результат, депутатские собрания не демонстрируют значимого партийного разнообразия, и во многих из них единственными партийными фракциями остаются фракции «Единой России». КПРФ и другие партии могут быть представлены одним-двумя депутатами, что делает нецелесообразным формирование ими фракций.

Комиссии и комитеты объединяют депутатов по тематике и направлению деятельности или сосредотачивают свою работу вокруг конкретных вопросов и проблем.

Вследствие «кулуарной» политики и предвыборных договоренностей депутаты оказываются объединенными в неформальные группы, а формальная структура (фракции, комиссии, комитеты) накладывается на неформальную, но не оказывает на нее большого влияния.

Неформальную структуру депутатского корпуса формируют неформальные депутатские группы. Это объединения депутатов, которые не имеют официального статуса и формального признания, не проходят через формальные процедуры (заявления, регистрации, предоставления отчетности и т.п.) Их объединяет общий политический или корпоративный интерес.

Политическая позиция таких групп, как правило, не задана идеологической ориентацией или ориентацией на политическую силу большего масштаба, чем муниципальный. Это предопределено в целом слабой политизацией локальных сообществ, узким кругом проблем, способных мобилизовать местные силы (и еще меньше перечень проблем, способных политически мобилизовать членов местных сообществ), их фокусом на вопросах местного значения. Позиции таких групп определяются отношениями с главой муниципалитета, и их позиционирование в локальном политическом пространстве этим ограничивается. *«Игра кланов и имитация политики»* — объясняет свое видение местной политики и внутриэлитных отношений бывший глава города в Пермском крае [Витковская 2016: 134].

В представительном органе местного самоуправления может сложиться группа, поддерживающая действующую администрацию. Их решения, в том числе в ходе выдвижения инициатив и голосований, определяются лояльностью по отношению к главе муниципалитета. Формально глава не может принимать решения от имени муниципалитета самостоятельно и единолично, но неформальные коммуникации главы с муниципальными депутатами зачастую обеспечивают поддержку его решений представительной властью.

Оставаясь неформальными и непубличными, коммуникации могут включать широкий спектр форм влияния: от убеждения (например, поддержка конкретного проекта депутатами кажется им разумным решением, если администрация обещает его финансирование в полном объеме) до манипуляций (например, «мы делаем одно дело»). Бывший мэр города рассказывает о группе, сформированной как результат усилий в предвыборный период: *«До моего избрания главой были выборы в городскую Думу. Мне удалось завести в депутатский корпус десять своих сторонников. <...> Одиннадцать депутатов не всегда разделяли мою позицию. Вот их пришлось ломать, чтобы добиться хотя бы простого большинства»* [Витковская 2016: 134].

Сторонники главы в представительной власти составляют группу условно, такая группа не имеет постоянной численности и членства. Она проявляет себя как группа в ходе голосований, прений и работы над нормативными актами, когда члены группы поддерживают курс или отдельные инициативы действующей администрации. Но депутаты, занимающие общую позицию в ходе основных этапов нормотворческой деятельности и голосований, не демонстрируют сплоченности или солидарности вне этих процедур. Такие депутаты могут иметь разный бэкграунд (от «бюджетников» до частных предпринимателей), разные мотивы избрания (от выделения финансирования на социально значимые проекты до обретения престижного статуса) и разные интересы, которые сходятся в одной точке: они не могут быть реализованы в конфликте с главой муниципалитета.

Неформальные депутатские группы могут складываться на основе корпоративной принадлежности. Широкое распространение получила практика формирования групп депутатов, представляющих предприятия. Крупный бизнес может владеть производственными площадками в ряде территорий, в одном или нескольких регионах. В каждом территориальном представительном органе может быть сформирована груп-

па депутатов «от предприятия», расположенного на территории. Такие корпоративные группы, имея общего куратора и источник финансирования, работают изолированно друг от друга: каждая группа сосредоточена на вопросах местного значения и нуждах «своего» предприятия («у нас есть представители, депутаты от нашего предприятия... и у нас нет проблем»). Через неформальные депутатские группы бизнес может участвовать в принятии решений от имени публичной власти.

Так, в городе Кировград Свердловской области, где ведется добыча медно-цинковых колчеданных руд и расположен завод по производству полиметаллов (филиал «Уралэлектромедь» Уральской горно-металлургической компании), в прошлом созыве Думы прямыми представителями предприятия были 17 депутатов из 20. В городе Красноуральск медеплавильный комбинат, принадлежащий Уральской горно-металлургической компании, имел в Думе группу из семи представителей при общей численности депутатского корпуса в 15 человек. В городе Верхняя Пышма «Уралэлектромедь» сформировал депутатскую группу, насчитывающую восемь депутатов, в Думе, составленной 20 депутатами.

Неформальные корпоративные группы должны насчитывать достаточно депутатов, чтобы обеспечивать желаемые итоги депутатских голосований. Поэтому актуальной для предприятий, формирующих такие группы, остается проблема подбора кандидатов. Производственные площадки и корпоративный менеджмент могут выдвинуть и «синих воротничков», и «белых воротничков», готовых защищать интересы предприятия. Однако и те, и другие не вполне подходят на роль муниципальных депутатов — представителей предприятия, но в органе публичной власти. Они имеют ограниченное или поверхностное представление о местном бюджете, законотворческих процедурах, муниципальном самоуправлении, не имеют опыта публичных политиков, спикеров, участников коллективных дискуссий.

Предприятия формируют депутатские группы из собственных работников — рабочих производства и менеджеров низшего и среднего звена. Например, в городах Чусовой и Нижний Тагил в нескольких созывах legislatures заседали прямые представители металлургических заводов, в Каменск-Уральском и Полевском — работники трубных заводов, в Березниках и Соликамске — рядовые сотрудники предприятий химической промышленности. Такие группы зачастую характеризует низкий образовательный уровень и нерелевантный профессиональный

опыт. Их работа в органе публичной власти требует постоянного сопровождения и поддержки — экспертной, информационной и организационной.

Эти функции берут на себя менеджеры — заместители и советники директоров, специалисты по связям с общественностью или с органами власти («ответственные за политику»). Например, в городе Чусовой это начальник отдела по связям с общественностью, Губаха — директор по стратегическим коммуникациям. Их работой является подбор кандидатов из сотрудников предприятия, организация их избирательных кампаний и затем сопровождение их депутатской деятельности, организация голосований. Вся проводимая ими масштабная работа остается вне поля зрения местной общественности, не вписывается в официальные муниципальные нормотворческие и согласительные процедуры. Точками, в которых сходятся усилия «теневых» корпоративных координаторов и формальные процедуры, являются депутатские голосования в легислатурах.

Корпоративные депутатские группы остаются неформальными, однако сплоченными и дисциплинированными и зачастую демонстрируют более высокий уровень сплочения и дисциплины, чем, например, партийные фракции «Единой России». Причина заключается в несамостоятельности депутатов, составляющих корпоративные группы, и в высоком уровне контроля со стороны корпоративных координаторов. Фактически корпоративные депутаты выступают как статисты, обеспечивающие кворум и долю голосов в депутатских собраниях. В то же время депутатские фракции «Единой России» в силу своей многочисленности и внутреннего разнообразия могут иногда голосовать и действовать рассогласованно. Составляющие их депутаты зачастую имеют больше политического или управленческого опыта, более подготовлены к выполнению депутатских и представительских функций и более самостоятельны.

Следует отметить, что общая для ряда депутатов сфера деятельности или профессия не ведет автоматически к складыванию неформальной депутатской группы. Так, в небольшом городе Верхний Тагил Свердловской области в течение одного созыва Думы в ней заседали три директора школы. Однако они не выделялись как отдельная сплоченная группа в депутатском собрании, составленном преимущественно сотрудниками муниципальных учреждений образования и спорта. Прежде всего потому что не противопоставляли интересы «своих» учреждений

интересам других организаций, представленных в Думе. Для сравнения, в соседних городах Нижний Тагил в Думе согласованно работает группа депутатов от Нижнетагильского металлургического комбината, Новоуральск — группа депутатов от Уральского электрохимического комбината.

Отдельной практикой, получившей широкое распространение в территориях присутствия крупного бизнеса, является защита его интересов через депутатов, не являющихся его прямыми представителями. Координаторы политической активности бизнеса выстраивают и поддерживают неформальные отношения с членами локального сообщества, которые готовы «принять их сторону» в депутатских собраниях.

Это, во-первых, индивидуальные предприниматели и собственники малого бизнеса, которые зависят от более крупного как от основного поставщика (сырья, материалов, комплектующих и т.п.) или потребителя (их товаров или услуг). Во-вторых, эту роль берут на себя работники учреждений социальной сферы, которые софинансируются или спонсируются бизнесом. Как правило, это учреждения сферы здравоохранения, досуга и спорта: дома отдыха, оздоровительные центры, спортивные клубы и т.д.

Названные представители местных сообществ в обоих случаях мотивированы поддерживать крупный бизнес, в том числе его работу в органах местного самоуправления. Проблемы крупного бизнеса могут обернуться проблемами для них: сокращением или прекращением финансирования, потерей заказчика или поставщика. Координаторы от бизнеса не сталкиваются с необходимостью «торговаться» с ними, поощрять их, убеждать их, чтобы заручиться их поддержкой. Единственным предметом обсуждения становится готовность таких рядовых членов сообщества выдвинуться в депутаты, пройти предвыборную кампанию и далее выполнять обязанности, предусмотренные мандатом. Это требует денежных и временных затрат, организационных усилий. Можно предположить, что финансирование бизнесом избирательных кампаний таких кандидатов решает, как минимум, первую проблему.

В-третьих, зачастую лояльность крупному бизнесу сохраняют представители не крупных коммерческих организаций, ранее бывших в составе корпоративной структуры. Так, крупные предприятия могут вывести из своей структуры бывший транспортный или продовольственный цеха, которые реформируются в небольшие транспортные компании, предприятия пищевой промышленности, заведения обще-

ственного питания. Их собственники поддерживают отношения с бизнесом и готовы выступать его политическими «союзниками», если бизнес организует прохождение необходимых для получения политического статуса электоральных процедур.

Например, в городе Чусовой Пермского края, где расположен крупный металлургический завод, для реконструкции оборудования была создана небольшая производственная структура, и несколько ее сотрудников приняли участие в выборах городских депутатов при поддержке завода; работники транспортного предприятия, которое ранее было заводским транспортным цехом, участвовали в выборах как «заводские» кандидаты.

Таким образом, формирование неформальных депутатских групп, введение в депутатский корпус не прямых представителей частного бизнеса позволяет ему если не контролировать, то оказывать влияние на локальные легислатуры. Указанные практики могут быть сочтены формальными с точки зрения процедуры получения мандата (депутаты проходят через процедуру муниципальных выборов), но для бизнеса они остаются неформальным каналом влияния на местную политику. В ходе реализации подобных практик в локальных сообществах смежно-экономические отношения переплетаются с персональными отношениями, политическими взаимодействиями, электоральными сюжетами.

Неформальные практики взаимодействия муниципальных депутатов и глав формируют локальные политические ландшафты: персонализируют местную политику, персонифицируют отношения представителей публичной власти, сдвигают баланс сил от заданного институциональным дизайном местного самоуправления к определенному актуальными возможностями и локальными успехами и поражениями участников.

Распространенность неформальных практик «на местах» обусловлена рядом факторов: малым размером сообществ, узостью круга вовлеченных во взаимодействие акторов, складыванием личных отношений между ними, а также сложностью преодоления административных барьеров и удобством коммуникации вне формальных процедур. Эффекты таких практик на локальную политику обусловлены высоким уровнем влияния и контроля ведущих акторов на локальных площадках — глав муниципалитетов, председателей легислатур, директората крупных предприятий, которые заинтересованы в сохранении пространства неформальных взаимодействий.

Литература

Борисова Н.В., Сулимов К.А., Ковина О.В. Коалиции в городах Прикамья: факторы формирования и сохранения городских политических режимов // Вестник Пермского университета. Политология, 2011. № 1. С. 5–14.

Будко Д.А. Неформальные практики взаимодействия представителей органов региональной власти // ПОЛИТЭКС. 2014. Т. 10. № 3. С. 124–135.

Витковская Т.Б., Подвицнев О.Б. Институциональный дизайн и модели власти как факторы успеха инкубентов на выборах глав МСУ (по материалам Пермского края, Кировской и Свердловской областей) // Вестник Пермского университета. Политология. 2014. № 1. С. 22–39.

Витковская Т.Б. Политическая повестка современного российского города // Современный город: власть, управление, экономика. 2016. Вып. 6. С. 118–142. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-3-64-72>.

Гельман В., Рыженков С., Белокурова Е., Борисова Н. Реформа местной власти в городах России, 1991–2006. СПб.: Норма, 2008. 368 с.

Гилев А.В., Семенов А.В., Шевцова И.К. Политические машины и их „водители“: электоральное администрирование на местном уровне // Полития. 2017. № 3 (86) С. 63–80.

Даугавет А.Б. Неформальные практики российской элиты. Апробация когнитивного подхода // Полис. Политические исследования. 2003. № 4. С. 26–38.

Колесник Н.В. Практики воспроизводства российской элиты: неформальный аспект // Власть и элиты / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2017. Т. 4. С. 10–30. <https://doi.org/10.31119/pe.2017.4.1>.

Подвицнев О.Б., Витковская Т.Б., Рябова О.А. Политические проблемы городского развития // Современный город: власть, управление, экономика. 2013. Т. 1. С. 20–31.

Пустовойт Ю.А. Как создается режим: властные коалиции в сибирских городах // Полис. Политические исследования. 2019. № 4. С. 104–118. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.08>.

Рябова О.А. Роль градообразующих предприятий в формировании политического поля в малых промышленных городах (на примере Пермского края и Кировской области) // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2019. № 4. С.103–111. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2019-4-103-111>.

Сельцер Д.Г. Прорабы и конструкции: локальные элиты и муниципальная власть в России // Pro Nunc. Современные политические процессы. 2014. № 1 (13). С. 163–176.

Соловьев А.И. Латентные структуры управления государством или игра теней на лице власти // Полис. Политические исследования. 2011. № 5. С. 70–98.

Чирикова А.Е. Региональная и муниципальная власть в России: политические тенденции и неформальные практики // Политические институты России и Франции: традиции и современность / отв. ред.: Д.В. Ефременко, Н.Ю. Лапина. М.: ИНИОН РАН, 2014. С. 229–254.

Чирикова А.Е. Власть в России в неформальной проекции: регионы и малые города // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2015. Вып. 1. С. 5–25.

Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Власть в малых российских городах: модели взаимодействия исполнительной и представительной власти // Мир России. 2015. № 3. С. 6–32.

Чирикова А.Е. Предвыборные коалиции в условиях прямых выборов в малом российском городе (районе): взгляд в недавнее прошлое // Власть и элиты / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2018. Т. 5. С. 238–262. <https://doi.org/10.31119/re.2018.5.9>.

Чирикова А.Е. Критерии отбора глав муниципалитетов: формальные предписания и реальные практики // Власть и элиты / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2022. Т. 9. № 1. С. 164–196. <https://doi.org/10.31119/re.2022.9.1.6>.

Юркова О.Н. Потенциал неформальных практик в системе муниципального управления // Теория и практика общественного развития. 2016. № 7. С. 36–39.

Ledeneva A.V. How Russia Really Works: The Informal Practices That Shaped Post-Soviet Politics and Business. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2006. 288 p.

Источники

Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/19a00e10f96925380ae57f1e59de5932b269c6bb/ (дата обращения: 29.09.2023).

DEPUTIES OF REPRESENTATIVE BODIES OF LOCAL GOVERNMENT IN THE FIELD OF INFORMAL PRACTICES

T.B. Vitkovskaya

(vit.tatiana@gmail.com)

Institute for Humanitarian Research, Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences,
Perm Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Perm, Russia

Citation: Vitkovskaya T. Deputaty predstavitel'nykh organov mestnogo samoupravleniya v prostranstve neformal'nykh praktik [Deputies of representative bodies of local government in the field of informal practices], *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2023, 10 (2): 102–120. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.5>
EDN ANWKAS

Abstract. *The article deals with informal interactions within municipalities, in which deputies of representative bodies of local government are involved. The article presents the results of a study of local landscapes in a number of municipalities of Sverdlovsk region and Perm region. The prevalence of informal interaction practices has been recorded. The focus is on both interactions initiated by representatives of local legislatures and interactions initiated by other representatives of local elites. To a large extent, communications between deputies and municipal heads and officials remain in the field of informal practices. Private business influences the work of representative bodies of public power outside the formal rules of local representation and lawmaking. Chairmen of local legislatures are involved in informal relations with Heads and deputies, not provided for by the regulations of government bodies. Special attention is paid to the informal structure of the municipal deputy corps. The characteristics of informal groups formed in deputy meetings are given. It is shown how political interactions are intertwined with personal relationships, election agreements and electoral activity, related economic relations and lobbying activities in local communities.*

Keywords: *local government, municipality, local elite, local legislature, municipal deputy, informal practices.*

References

Borisova N.V., Sulimov K.A., Kovina O.V. Koalicii v gorodah Prikam'ya: faktory formirovaniya i sohraneniya gorodskih politicheskikh rezhimov [Coalitions in the

cities of the Kama region: factors of the formation and preservation of urban political regimes], *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya* [Bulletin of Perm University. Political science], 2011, 1, pp. 5–14. (In Russian)

Budko D.A. Neformal'nye praktiki vzaimodejstviya predstavitelej organov regional'noj vlasti [Informal practices of interaction between representatives of regional authorities], *POLITEKS* [POLITEX], 2014, 10 (3), pp. 124–135. (In Russian)

Chirikova A.E. Regional'naya i municipal'naya vlast' v Rossii: politicheskie tendencii i neformal'nye praktiki [Regional and municipal authorities in Russia: political trends and informal practices]. In: *Politicheskie instituty Rossii i Francii: tradicii i sovremennost'* [Political institutions of Russia and France: traditions and modernity]. Ed. by D. V. Yefremenko, N. YU. Lapina. Moscow: INION, 2014, pp. 229–254. (In Russian)

Chirikova A.E. Vlast' v Rossii v neformal'noj proekcii: regiony i malye goroda [Power in Russia in an informal projection: regions and small cities], *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye nauki* [Bulletin of Tambov University. Series: Social Sciences], 2015, 1, pp. 5–25. (In Russian)

Chirikova A.E., Ledyayev V.G. Vlast' v malyh rossijskih gorodah: modeli vzaimodejstviya ispolnitel'noj i predstavitel'noj vlasti [Power in small Russian cities: models of interaction between executive and representative authorities], *Mir Rossii* [World of Russia], 2015, 3, pp. 6–32. (In Russian)

Chirikova A.E. Predvybornye koalicii v usloviyah pryamyh vyborov v malom rossijskom gorode (rajone): vzglyad v nedavnee proshloe [Election coalitions in the context of direct elections in a small Russian city (district): a look into the recent past], *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2018, 5, pp. 238–262. <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.9>. (In Russian)

Chirikova A.E. Kriterii otbora glav municipalitetov: formal'nye predpisaniya i real'nye praktiki [Criteria for selecting of Heads of municipalities: formal regulations and real practices], *Vlast' i elity* [Power and elites], 2022, 9 (1), pp. 164–196. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.1.6>. (In Russian)

Daugavet A.B. Neformal'nye praktiki rossijskoj elity. Aprobaciya kognitivnogo podhoda [Informal practices of the Russian elite. Approbation of the cognitive approach], *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political studies], 2003, 4, pp. 26–38. (In Russian)

Gelman V., Ryzhenkov S., Belokurova E., Borisova N. *Reforma mestnoj vlasti v gorodah Rossii, 1991–2006* [Reform of local authorities in Russian cities, 1991–2006]. St. Petersburg: Norma, 2008. 368 p. (In Russian)

Gilev A.V., Semenov A.V., Shevtsova I.K. Politicheskie mashiny i ih „voditeli“: elektoral'noe administrirovanie na mestnom urovne [Political machines and their “drivers”: electoral administration at the local level], *Politiya* [Polity], 2017, 3, pp. 63–80. (In Russian)

Kolesnik N.V. Praktiki vosproizvodstva rossijskoj elity: neformal'nyj aspekt [Reproduction practices of the Russian elite: informal aspect], *Vlast' i elity* [Power and elites], 2017, 4, pp. 10–30. <https://doi.org/10.31119/pe.2017.4.1> (In Russian)

Ledeneva A.V. *How Russia Really Works: The Informal Practices That Shaped Post-Soviet Politics and Business*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2006. 288 p.

Podvintsev O.B., Vitkovskaya T.B., Ryabova O.A. Politicheskie problemy gorodskogo razvitiya [Political problems of urban development], *Sovremennyy gorod: vlast', upravlenie, ekonomika* [Modern city: Power, management, economics], 2013, 1, pp. 20–31. (In Russian)

Pustovoit Y.A. Kak sozdaetsya rezhim: vlastnye koalicii v sibirskih gorodah [How a regime is created: power coalitions in Siberian cities], *Polis. Politicheskoe issledovaniya* [Polis. Political studies], 2019, 4, pp. 104–118. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.08>. (In Russian)

Ryabova O.A. Rol' gradoobrazuyushchih predpriyatij v formirovanii politicheskogo polya v malyh promyshlennyh gorodah (na primere Permskogo kraja i Kirovskoj oblasti) [The role of city-forming enterprises in the formation of the political field in small industrial cities (the examples of Perm and Kirov regions)], *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya* [Bulletin of Perm University. Series: Political science], 2019, 4, pp. 103–111. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2019-4-103-111>. (In Russian)

Seltser D.G. Proraby i konstrukcii: lokal'nye elity i municipal'naya vlast' v Rossii [Superintendents and structures: local elites and municipal authorities in Russia], *Pro Nunc. Sovremennye politicheskie processy* [Pro Nunc. Modern political processes], 2014, 1, pp. 163–176. (In Russian)

Soloviev A.I. Latentnye struktury upravleniya gosudarstvom ili igra tenej na like vlasti [Latent structures of government or the play of shadows on the face of power], *Polis. Politicheskoe issledovaniya* [Polis. Political studies], 2011, 5, pp. 70–98. (In Russian)

Vitkovskaya T.B., Podvintsev O.B. Institucional'nyj dizajn i modeli vlasti kak faktory uspekha inkumbentov na vyborah glav MSU (po materialam Permskogo kraja, Kirovskoj i Sverdlovskoj oblastej) [Institutional design and models of power as factors of success of incumbents in the elections of Heads of local government (on materials from Perm, Kirov and Sverdlovsk regions)], *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya* [Bulletin of Perm University. Political science], 2014, 1, pp. 22–39. (In Russian)

Vitkovskaya T.B. Politicheskaya povestka sovremennoho rossijskogo goroda [Political agenda of a modern Russian city], *Sovremennyy gorod: vlast', upravlenie, ekonomika* [Modern city: Power, management, economics], 2016, 6, pp. 118–142. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-3-64-72>. (In Russian)

Yurkova O.N. Potential neformal'nyh praktik v sisteme municipal'nogo upravleniya [The potential of informal practices in the system of municipal government], *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2016, 7, pp. 36–39. (In Russian)

ПАРТИИ И ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

УЧАСТИЕ В ВЫБОРАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ: СОЦИАЛЬНЫЕ НЕРАВЕНСТВА, МОТИВАЦИИ И МОБИЛИЗАЦИЯ

В.В. Сафронов

(vsafronov@list.ru)

Социологический институт ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Сафронов В.В. Участие в выборах Государственной Думы: социальные неравенства, мотивации и мобилизация // Власть и элиты. 2023. Т. 10, № 2. С. 121–169.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.6>
EDN ANXPUL

Аннотация. *Рассматривается проблема активности российских граждан на выборах Государственной Думы РФ 2016 г. Исследование опирается на теоретические представления о зависимости электорального участия индивидов от ресурсов-мотивации-мобилизации, а повышенной явки в административных единицах — от мобилизации избирателей политическими машинами. Эмпирические данные, собранные в российском репрезентативном опросе по программе Европейского социального исследования (European Social Survey, ESS, январь-март 2017 г.), исследуются с помощью статистических методов логистического регрессионного анализа. Результаты соотносятся с закономерностями, проявляющимися в ряде стран Центральной, Восточной и Западной Европы, в которых также проводились национальные опросы по программе ESS (Round 9). Согласно выявленным фактам, электоральная активность в России, как и в посткоммунистических европейских странах, хорошо объясняется с помощью ключевых переменных, составляющих базовую теоретическую модель, сформулированную в исследованиях западных демократий. Так,*

активность на думских выборах увеличивается с возрастом, снижаясь среди самых пожилых, и при повышении образовательного уровня, выше у избирателей, имеющих связи с добровольными ассоциациями. Важную роль играют политические мотивации, побуждая к участию людей, интересующихся политикой, уверенных в открытости политической системы влиянию граждан и доверяющих Государственной Думе. Самый сильный фактор — партийная идентификация. Голосовать ходят те, кто способен выделить среди политических партий близкую организацию. Кроме того, в нашей стране повышенное участие в думских выборах было характерно для жителей села и работников государственных предприятий, общественного сектора и управленческих структур, что подтверждает теоретические положения о мобилизации властями зависимого населения. Однако предполагаемого влияния важнейшего в теории фактора, указывающего на принадлежность к этническим меньшинствам и регионам, обнаружить не удалось. В то же время большую электоральную активность на селе и в государственном-общественном секторах можно обнаружить не только в некоторых полудемократических посткоммунистических режимах, но и в развитых западных странах, объяснение чему следует, вероятно, искать за рамками представлений о воздействии на политическое поведение машинной мобилизации.

Ключевые слова: электоральное участие, Россия, выборы Государственной Думы, социальные неравенства, мотивации, партийная идентификация, мобилизация, Европейское социальное исследование (ESS).

ПРОБЛЕМА ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО УЧАСТИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ОБОСНОВАНИЯ

Научная проблема, возникающая при изучении участия граждан в голосовании на выборах, — необходимость объяснения того, почему одни люди ходят на них, а другие — нет, отчего в определенные периоды голосует больше избирателей, чем в иные, и в чем причины большей явки в одних странах или регионах и меньшей — в других. Эта проблема систематически анализировалась в исследованиях западных демократий, а в последние тридцать лет их дополнили работы, в которых рассматривались страны Центральной, Восточной Европы и Россия (обзор см.: [Сафронов 2022]).

Многочисленные факты, полученные в стабильных демократиях, позволили выработать разделяемые научным сообществом представления об основных причинах электоральной активности [Blais 2007; Blais, Dassonneville, Kostelka 2020; Dalton 2017; Dinas 2018; Plutzer 2018;

Wass, Blais 2017], хотя признается, что на нее могут оказывать влияние и многие другие факторы [Smets, van Ham 2013]. Согласно общей теоретической модели, на индивидуальном уровне участие в выборах предполагает наличие ресурсов, обеспечиваемых социально-экономическим статусом, мотивации, побуждающей избирателя голосовать, и условий, способствующих его мобилизации. Оно повышается с образованием, дающим знания и аналитические навыки, облегчающие понимание политических коллизий, и растет с возрастом (снижаясь у самых пожилых) по мере формирования жизненных интересов, усвоения гражданских норм и присоединения к сообществам, в которых разделяется убеждение о важности голосования. Другие мотивации электоральной активности связаны с приверженностью индивида нормам гражданского долга, интересом к политике, его уверенностью в восприимчивости политической системы к требованиям граждан и в своей способности оказывать на нее влияние, а также сформировавшуюся привычку к голосованию. Кроме того, привлечение избирателей к выборам осуществляется с помощью мобилизации, которой способствуют их вовлеченность в потоки информирования СМИ, сети отношений с другими людьми и вхождение в добровольные ассоциации, такие как политические партии и профсоюзы. Так, модель основных детерминант электорального участия, представленная в недавнем исследовании выборов разного уровня в западных демократиях, свидетельствует, что оно, нарастая с возрастом и образованием, зависит прежде всего от двух общих мотивационных диспозиций — интереса индивида к политике и чувства гражданского долга, а также от двух более конкретных представлений — обеспокоенности результатами выборов и уверенности, что проголосовать нетрудно [Blais, Daoust 2020]. Важное значение в теории придается партийной идентификации [Campbell et al. 1980: Chapter 6; Dalton 2021; McAllister 2020]. Она облегчает оценку политических проблем, событий, кандидатов и вовлекает граждан в проведение кампаний и выборы, а также определяет избирательные предпочтения и стабилизирует паттерны голосования и партийную систему. Электоральное участие зависит и от общественного контекста [Blais 2006; 2007; Cancela, Geys 2016; Franklin 2004; Geys 2006; Martinez 2010; Stockemer 2017] — явке способствуют большая значимость выборов и электоральные институты, требующие обязательного участия, обеспечивающие простоту избирательной процедуры и партийную конкуренцию. Она выше, если на предшествующих выборах показатель участия был высоким,

что указывает на значение укоренившихся паттернов политического поведения, а также — при значительных расходах на избирательную кампанию, высоком благосостоянии и небольших размерах страны, стабильном населении и меньшем представительстве меньшинств, свидетельствующих о социальных связности и контроле. Наконец, теоретическая модель предполагает, что неравенства индивидуального уровня могут усиливаться в неблагоприятных контекстах и сглаживаться при благоприятных условиях [Banducci, Karp 2009; Gallego 2015; Kittilson and Anderson 2011; Solt 2008].

В странах Центральной, Восточной Европы электоральная активность избирателей объяснялась в общем теми же социально-структурными и аттитудными переменными, что и в стабильных демократиях, как сходными были и важные контекстуальные факторы [Birch 2013; 2018; Kostadinova 2003; Kostelka 2014; Northmore-Ball 2016; Pacek, Pop-Eleches, Tucker 2009]. Так, в 1990-е и 2000-е годы явка постепенно сокращалась, оказавшись заметно ниже, чем в Западной Европе, вследствие уменьшения значимости выборов, вызванного затуханием первоначальной демократической эйфории, утратой иллюзий людьми с невысоким статусом и нарастанием политического недовольства из-за трудностей жизни. Она была выше на президентских по сравнению с парламентскими выборами, в избирательных системах с пропорциональным представительством и ниже при ухудшении ситуации в экономике — инфляции, безработице, замедлении роста (а также в странах, входивших прежде в Советский Союз, по-видимому, в силу большего укоренения в них недемократической культуры). Снижению электоральных неравенств по образованию способствовали избирательные институты, упрощающие голосование, и членство в профсоюзах, мобилизующее избирателей с ограниченными ресурсами.

Результаты изучения российских выборов только отчасти согласуются с западной теоретической моделью. Электоральная активность в России связана не только с характеристиками избирателей, она зависит и от давления на них со стороны властей, осуществляющих мобилизацию и контроль за голосованием с использованием политических машин.

Согласно исследованиям индивидуальных различий, участие в выборах ГД в 1990-е годы, как и в западных демократиях, нарастало с возрастом (снижаясь среди самых пожилых), при повышении образования и наличии связей с социальным окружением, а неучастие было обуслов-

лено отсутствием у человека интереса к политике и конкретным выборам и его уверенностью, что голосование ничего не изменит, а также недоверием властям и сомнением в справедливости выборов [Colton 2000]. Основные мотивы неучастия в выборах ГД 2003, 2007 и 2011 гг., по данным Левада-Центра [Гудков, Дубин, Зоркая 2012], — это недоверие политикам, невозможность повлиять на результаты и предопределенность победы партии власти. В опросе ВЦИОМ накануне выборов в ГД 2007 г. мотивация участия выяснялась с помощью открытых вопросов: постоянные избиратели, как оказалось, руководствуются чувством гражданского долга, стремлением поддержать свою партию и повлиять на политику, а склонные к абсентеизму признавались, что не интересуются политикой и выборами, что их голос не может изменить результаты, которые будут сфальсифицированы, и что ни одна партия им не нравится [Кулагина 2007]. Абсентеизм на федеральных российских выборах, проводившихся с 1993 по 2018 г., был обусловлен, по материалам ВЦИОМ и Левада-Центра [Алексеев 2018; Алексеев, Абрамов 2016; 2018], при избрании президента низким интересом к политике и отсутствием конкуренции с действующим главой государства, а на парламентских выборах — их меньшей значимостью по сравнению с президентскими, ухудшением социально-экономической обстановки, недоверием депутатам и неверием в возможность перемен посредством парламента, а также неудачным временем проведения и плохой погодой. Согласно другому заключению, опирающемуся на результаты ВЦИОМ, Левада-Центра, Ромир и др., электоральный абсентеизм в России связан с отчуждением общества от власти, безразличным отношением граждан к политическому процессу и демократическим процедурам, которое подкрепляют авторитарная политическая культура и уверенность избирателей, что на формирование выборных институтов и решения властей повлиять невозможно [Милаева, Сиушкин, Андросова 2017]. Вероятность голосования на выборах ГД 2016 г., по данным проведенного вслед за ними общероссийского опроса, повышалась при наличии у граждан социоэкономических ресурсов, их мобилизации благодаря связям с гражданским обществом и уверенности избирателей в честности голосования и осмысленности выбора, что вновь напоминает зависимости в западных демократиях [McAllister, White 2017]. Причем участие было сильнее всего связано с поддержкой избирателями политических партий, а также нарастало с возрастом и при уверенности человека, что его голос имеет значение, и одобрении президента

В.В. Путина (в сочетании с представлением о честности проведения выборов), но, вопреки известным закономерностям, не зависело от образования.

В отличие от стабильных западных демократий, где электоральная политика характеризуется конкуренцией партийных программ, в неконсолидированных демократиях и электоральных автократиях существенную роль играют политические машины, патрон-клиентские отношения — участие в выборах и поддержка избирателями кандидатов от власти обмениваются на приватные блага — деньги, рабочие места, социальные услуги [Kitschelt, Wilkinson 2007; Gandhi, Lust-Okar 2009]. Эти вопросы изучались в другом направлении российских исследований, посвященных различиям явки на региональном и районном уровнях. Согласно полученным результатам, региональные политические машины, интегрированные впоследствии в организационные структуры Единой России, действительно осуществляли мобилизацию избирателей, находящихся в зависимом от властей положении, — тех, кто получал от государства социальные услуги, работников государственных секторов, включая врачей и учителей, а также сельского населения и жителей этнических регионов, используя для этого как материальные поощрения, так и угрозы наказания (Allina-Pisano 2010; Golosov 2013; Hale 2003; 2007; Hutcheson, McAllister 2018; Panov, Ross 2016; Saikkonen 2017; White, Saikkonen 2017; Tkacheva, Golosov 2019; Turovsky, Korneeva 2018). Отмечается, что конфликты в региональных элитах и поддержка руководством национальных республик политики центральных властей, вызывающей недовольство избирателей, способны вызывать сбой в работе таких машин [Сироткина, Карандашова 2017; Шкель 2019].

Большие региональные и районные значения явки, однако, могут свидетельствовать не только о работе политических машин, но и о фальсификации результатов выборов — последние, как правило, обнаруживаются там же, где, как предполагается, действует машинная мобилизация. Сложности организации контроля за честностью выборов в условиях жесткого регионального авторитаризма, отличающего многие национальные административные образования, и на сельских избирательных участках открывают перед властями возможности искажения электорального процесса [Goodnow, Moser, Smith 2014; Moser, White 2017; Myagkov, Ordeshook 2008]. В то же время существование машинной политики подтверждается на индивидуальном уровне. Так, опросы руководителей и работников предприятий об избрании ГД

2011 г. показывают, что важнейший локус экономического принуждения, где осуществляется мобилизация работников на выборы, — предприятия, отличающиеся большими размерами, экономической зависимостью от государства, недвижимыми активами (в тяжелой промышленности, добывающих отраслях, сельском хозяйстве), наличием ресурсов по обеспечению работников социальными благами, при слабой конкуренции на рынке труда, а также поддержке высшим менеджментом «Единой России». Опросные эксперименты и материалы нарушений на выборах 2011–2012 гг. продемонстрировали, что власти через работодателей (например, в моногородах) прибегают не только к подкупу, но и еще чаще к запугиванию избирателей (угрозы увольнения, понижения в должности или урезания заработной платы и социальных благ) [Frye, Reuter, Szakonyi 2014; 2019a; 2019b]. Как следует из материалов общероссийских опросов, экспертных интервью и фокус-групп в национальных республиках, нацеленных на объяснение высокой явки, политическая лояльность в них отражает прежде всего позиции сельских избирателей и связана с институциональными возможностями мониторинга и контроля местными властями их электорального поведения [Шкель, Щербак, Ткачева 2022].

Обобщая исследования российских электоральных неравенств, отметим, что некоторые важные вопросы остаются недостаточно изученными. Выявленные индивидуальные различия не противоречат западной теоретической модели, свидетельствуя о важности ресурсов, мотивации, мобилизации. При этом не уделялось должного внимания социальному структурированию участия в выборах, возможно в силу невыразительности таких отличий, а мобилизация обсуждалась преимущественно в связи с работой политических машин, и роль партий, организаций гражданского общества и социальных сетей остается малоисследованной. Основные факторы дифференциации электоральной активности, обсуждаемые в научной литературе, относятся к мотивациям. Согласно общему мнению, абсентеизму потенциальных избирателей способствуют отсутствие интереса к политике и политическое отчуждение — недоверие властям, политикам и демократическим институтам, невосприимчивость политической системы к предпочтениям граждан и их неспособность повлиять на политические решения. Однако убедительных подтверждений этого мнения, полученных с использованием релевантных статистических методов, не считая отдельных исключений, не приводится. Неясной остается и относительная значимость структурных, мотивационных и мобилизационных факто-

ров. Наконец, полученные при анализе агрегированной региональной и районной статистики выводы о задействовании политических машин по отношению к зависимым от властей избирателям заслуживают дополнительной проверки при обращении к индивидуальным данным, начатой, в частности, опросными экспериментами. В настоящей работе предпринимается попытка восполнения некоторых из отмеченных лакун.

ЗАДАЧИ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В представленном исследовании рассматривается проблема электорального участия российских граждан в выборах Государственной Думы РФ (ГД) 2016 г., предполагающая прояснение вопроса о том, кто и почему голосовал на этих выборах.

Явка на них оказалась самой низкой среди всех федеральных выборов постсоветской истории (официально 47,88 %) и сильно отличалась в регионах страны — очень высокие показатели были зафиксированы в национальных республиках и автономных округах, где отчетливо проявляется административное вмешательство, и невысокие — в областях и республиках, которые были менее ему подвержены, что обеспечило доминирование в ГД «Единой России» (54,2 % голосов, обеспечивших 76 % парламентских мест). Независимые эксперты полагают, что реальная явка и доля голосов за эту партию были существенно ниже, согласно оценкам С. Шпилькина, 36,9 и 40,5 % соответственно [Шпилькин 2016]. На результаты голосования, как отмечают исследователи [Мамонов, Гаврилов, Вядро 2019; Кунев 2017; Rogov 2016], существенное влияние оказали институциональные изменения электоральной системы, осуществленные властями между выборами. Невысокая явка стала следствием разнесения во времени избрания парламента и президента; сужения для избирателей возможностей политического выбора и влияния, вызванного изменением законодательства — возвращением смешанной избирательной системы, новыми требованиями по регистрации партий и кандидатов и контролю за волеизъявлением, не устранившими фальсификаций и позволившими ограничить пассивное избирательное право и отстранить противников режима. На снижение явки повлияла и слабая конкуренция между системными партиями, установившими неформальные альянсы с властями, и вялое проведение ими кампаний и обсуждения в СМИ на фоне широкой

общественной поддержки внешней политики и присоединения Крыма. Перенос срока на сентябрь также привел к демобилизации избирателей, особенно в городах, которые были настроены к властям более оппозиционно. При невысокой явке и демобилизации граждан, не склонных голосовать, складываются благоприятные условия для исследования интересующей нас проблемы политических неравенств — расслоение электората становится более отчетливым, чем при участии в выборах преобладающего большинства избирателей.

Теоретическими основаниями работы выступают описанные ранее западная модель электоральной активности, учитывающая ресурсные, мотивационные и мобилизационные факторы, и концепция мобилизации властями избирателей с помощью политических машин. Основные задачи предполагают, во-первых, проверку предположений о более вероятном участии в выборах избирателей, обладающих ресурсами, которые обеспечивают высокий социально-экономический статус и зрелый возраст, а также, возможно, другие особенности социальной демографии. Во-вторых, прояснение вопроса о том, как влияет на электоральную активность мотивация — снижается ли она при низком интересе людей к политике и отчуждении от нее вследствие недоверия властям и демократическим институтам и способствует ли участию партийная идентификация. В-третьих, анализ соображений о зависимости участия в голосовании от условий, способствующих мобилизации индивида, — его связей с организациями гражданского общества. При этом предполагается также выяснить, насколько правдоподобными при анализе данных индивидуального уровня являются соображения о задействовании властями политических машин — мобилизации зависимого от них и им подконтрольного электората, включая работников государственных секторов экономики и оказания услуг населению, сельских жителей и этнических меньшинств. Наконец, четвертая задача — соотнести полученные трактовки электорального участия в России с тем, как оно объясняется в Центральной, Восточной и Западной Европе, и установить, насколько политическое поведение в европейских странах обусловлено сходным набором факторов и какие из них и где являются определяющими. Для подтверждения предположений о мобилизации в нашей стране зависящего от властей электората посредством политических машин, предполагается выяснить, как такие избиратели ведут себя в других неконсолидированных и консолидированных демократиях — там, где можно предполагать существование политических машин и где электоральная политика определенно является программной.

Решение этих задач осуществлялось с помощью анализа данных репрезентативных национальных опросов, собранных по программе Европейского социального исследования (European Social Survey, ESS¹): Россия, где выборы Государственной Думы состоялись в сентябре 2016 г., рассматривалась по материалам восьмого раунда, опрос проводился через несколько месяцев после проведения выборов (в январе, феврале и отчасти в марте 2017 г.), а другие страны — по сведениям, полученным в девятом раунде в 2018–2019 гг.

С целью выяснения, кто участвовал в парламентских выборах, респондентам ESS предлагалось ответить на следующий вопрос анкеты: «Некоторые люди по разным причинам не принимают участие в выборах. Скажите, пожалуйста, вы голосовали на последних выборах в Госдуму [парламент (нижнюю палату)] в сентябре 2016 г. [дата]? 1). Да, 2). Нет, 3) Не имел(а) права голосовать». В настоящем исследовании рассматривается массив данных, характеризующий респондентов, имеющих право голоса. Основная зависимая переменная — это дихотомия, отделяющая тех, кто голосовал (значение «1»), от людей, не участвовавших в выборах (значение «0»).

Независимые переменные были представлены в соответствии с проверяемыми теоретическими представлениями следующими категориями:

ДЕМОГРАФИЯ И РЕСУРСЫ

1. Пол

0 — Женщины

1 — Мужчины

2. Возраст, измеренный в годах, а также укрупненно шестью градациями

1 — до 30 лет

2 — 30–39

3 — 40–49

4 — 50–59

5 — 60–69

6 — 70 лет и старше

3. Образование, в годах — сумма лет, в течение которых респондент учился в формальных образовательных учреждениях (школе, училище, колледже, институте, университете, аспирантуре и т.п.). Кроме того,

¹ URL: <https://www.europeansocialsurvey.org/> (дата обращения: 28.11.2022).

в семи градациях, соответствующих Международной стандартной классификации образования (версия ES-ISCED, International Standard Classification of Education, разработанная для Европейского социального исследования¹)

1 — Ниже неполного среднего (ES-ISCED I, less than lower secondary)

2 — Неполное среднее (ES-ISCED II, lower secondary)

3 — Среднее, нижний уровень (ES-ISCED IIIb, lower tier upper secondary)

4 — Среднее, верхний уровень (ES-ISCED IIIa, upper tier upper secondary)

5 — Продвинутое профессиональное (ES-ISCED IV, advanced vocational, sub-degree)

6 — Высшее, нижний уровень, степень бакалавра (ES-ISCED V1, lower tertiary education, BA level)

7 — Высшее, верхний уровень, степень магистра и выше (ES-ISCED V2, higher tertiary education, >= MA level)

4. Оценка уровня доходов, «Какое из высказываний на этой карточке наиболее точно описывает уровень дохода вашей семьи в настоящее время?»

1 — Живем на этот доход, не испытывая материальных затруднений

2 — Этого дохода нам в принципе хватает

3 — Жить на такой доход довольно трудно

4 — Жить на такой доход очень трудно

МОТИВАЦИИ

5. Интерес к политике, «Насколько вы интересуетесь политикой?»

1 — Совсем не интересуюсь

2 — Мало интересуюсь

3 — В некоторой степени интересуюсь

4 — Очень интересуюсь

6. Открытость политической системы влиянию граждан (external efficacy), индекс, среднее арифметическое значение шкальных оценок, соответствующих ответам на два анкетных вопроса: «В какой мере, на ваш взгляд, нынешняя политическая система в России позволяет таким людям, как вы, сказать свое слово в решении о том, в каком направлении действовать правительству?» и «В какой мере, на ваш взгляд,

¹ ESS8. Appendix A1: Education. 2016. URL: https://stessrelpubprodwe.blob.core.windows.net/data/round8/survey/ESS8_appendix_a1_e02_3.pdf (дата обращения: 28.11.2022).

нынешняя политическая система в России позволяет таким людям, как вы, влиять на политику?» с градациями ответов «1. Совсем нет, 2. Очень мало, 3. В некоторой степени, 4. Много, 5. Очень много».

7. Доверие парламенту, «Скажите, пожалуйста, насколько вы лично доверяете разным группам людей или организациям, которые я буду вам называть? Для ответа используйте шкалу от 0 до 10, представленную на этой карточке. «0» означает, что Вы совершенно не доверяете этой группе людей или организации, а «10» — что вы им полностью доверяете». <...> «Госдума России»

8. Партийная идентификация, «Есть ли такая политическая партия, которая вам ближе, чем все остальные партии?»

0 — Нет

1 — Есть

МОБИЛИЗАЦИЯ

9. Членство в профсоюзе

0 — Нет

1 — Да, состою сейчас

10. Работа в общественной организации, участие за последние 12 месяцев в работе политической партии, группы, движения или какой-либо другой общественной организации, объединения

0 — Нет

1 — Да

11. Место жительства (по описанию респондента)

1 — деревня, село, ферма или отдельный дом в сельской местности

2 — Небольшой город, поселок городского типа

3 — Крупный город, его пригороды

12. Место работы, «К какому из перечисленных здесь типов относится ваша организация?»

1 — Органы государственной власти или местного самоуправления

2 — Бюджетная организация или учреждение (например, школа, поликлиника и т.п.)

3 — Государственное коммерческое предприятие

4 — Работаю на себя/ индивидуальный предприниматель

5 — Частная компания

13. Принадлежность к этническим меньшинствам, «Принадлежите ли вы к какой-нибудь другой национальной группе, кроме русских?»

0 — Нет

1 — Да

Анализ влияния независимых переменных на электоральное участие проводился с помощью статистического метода множественной логистической регрессии. Номинальные и порядковые признаки рассматривались в соотношении с референтными категориями, а шкалы преобразовывались так, чтобы градации располагались между полюсами «0» и «1», вследствие чего регрессионные коэффициенты для них свидетельствуют о различиях электоральной активности между теми, кто обладает фиксируемым шкалой свойством в минимальной и в максимальной степени.

Дескриптивные статистики для анализируемых данных приводятся в таблицах 1a и 1b (для устранения ошибок выборки исходные данные взвешены, как рекомендуется в методологических указаниях Европейского социального исследования, переменной *dweight*; о взвешивании в ESS см.: [Kaminska 2020]). Некоторые особенности российского электората обращают на себя внимание. Он достаточно хорошо образован — лишь 8 % выборки составляют респонденты с неполным средним или еще более низким образованием, тогда как о среднем специальном и о высшем сообщают по трети опрошенных. Уровень жизни в восприятии наших сограждан оказался весьма низким: только 14 % говорят, что доходы позволяют им жить без материальных затруднений, а половина признается — на них трудно сводить концы с концами. Большинство проживает в крупных городах, и около четверти выборки — на селе. В частном секторе экономики занята большая часть работников (58 %), но многие работают и в государственных учреждениях (образование, медицина) (23 %), на государственных предприятиях (14 %) и в органах управления (5 %). Доля этнических меньшинств в выборке (17 %) близка к показателю для генеральной совокупности. Немногие респонденты сообщали о членстве в профсоюзах (12 %), еще меньше признавались, что работали в течение последнего года в добровольной общественной организации (7 %).

Невысокая явка на парламентских выборах в странах Центральной, Восточной Европы может свидетельствовать о неразвитости партийной идентификации, вызванной непродолжительным сроком существования демократической системы, затрудняющим партийную социализацию новых поколений, а также многочисленностью партий и краткостью существования многих из них, высоким уровнем недоверия политикам, партиям, парламентам. Действительно, опросы говорят о сравнительно низкой партийной идентификации в российском обществе по сравне-

Таблица 1а

Дескриптивная статистика: категориальные переменные

ПЕРЕМЕННЫЕ	N	%	ПЕРЕМЕННЫЕ	N	%
УЧАСТИЕ В ГОЛОСОВАНИИ	2258		МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА	2253	
Нет	996	44	Сельская местность	531	24
Да	1263	56	Небольшой город	754	33
ПОЛ	2258		Крупный город, пригороды	968	43
Женщины	1256	56	РАБОТА (СЕКТОР)	1982	
Мужчины	1003	44	Центральные, местные органы власти	89	5
ВОЗРАСТ	2258		Общественный (образование, медицина)	452	23
до 30 лет	455	20	Государственное предприятие	274	14
30–39	461	20	Самостоятельная занятость	127	6
40–49	419	19	Частная фирма	1041	52
50–59	390	17	ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ	2234	
60–69	304	14	Русские	1854	83
70 лет+	229	10	Меньшинства	381	17
ОБРАЗОВАНИЕ	2258		ЧЛЕНСТВО В ПРОФСОЮЗЕ	2244	
Не выше начального	31	1	Нет	1974	88
Неполное среднее	146	7	Да	270	12
Полное среднее	499	22	РАБОТА В ОБЩЕСТВ. ОРГАНИЗАЦИИ	2235	
Среднее специальное	780	35	Нет	2071	93
Высшее, бакалавриат	67	3	Да	164	7
Высшее, магистратура+	735	32	ПАРТИЯ, КОТОРАЯ БЛИЖЕ ДРУГИХ	2108	
ОЦЕНКА УРОВНЯ ДОХОДОВ	2178		Нет	1254	59
Живем без затруднений	306	14	Есть	854	41
Дохода хватает	779	36			
Трудно	943	43			
Жить очень трудно	150	7			

Таблица 1b

Дескриптивная статистика для непрерывных переменных

ПЕРЕМЕННЫЕ	N	Min	Max	Mean	Std. Dev.
ИНТЕРЕС К ПОЛИТИКЕ	2251	0	1	0.48	0.30
ОТКРЫТОСТЬ СИСТЕМЫ ВЛИЯНИЮ ГРАЖДАН	2232	0	1	0.22	0.20
ДОВЕРИЕ ПАРЛАМЕНТУ	2166	0	1	0.42	0.27

нию с развитыми демократиями (даже с учетом ее ослабления, начавшегося в 1970-е годы): после выборов ГД 2016 г. о поддержке политической партии сообщали только 27 % респондентов, в 2000-е годы этот показатель колебался между 20 и 30 % с небольшим, заметно опустившись с конца 1990-х, когда он достигал пятидесятипроцентного значения (Hutcheson, McAllister 2017: 460, fig. 2). Тем не менее, отмечается в указанной статье, от выборов к выборам наблюдалось постепенное формирование привычных способов голосования — за несколько месяцев до их проведения все больше избирателей знали, как будут голосовать.

Наш анализ опросов ESS 2018–2019 гг. свидетельствует, что показатели партийной идентификации (есть ли у респондента партия, которая ближе других, а не поддержка той или иной из них) в самом деле были невысокими во многих посткоммунистических странах — Литве (29 %), Латвии (32 %), Сербии (33 %), Черногории (35 %) и Польше (36 %). Россия со значением 41 % (существенно выше индикатора поддержки партии), а также Чехия, Эстония, Болгария и Венгрия, в которых этот показатель также был выше сорокапроцентной отметки, занимают середину ранжированного списка стран, тогда как наверху располагаются Швеция (74 %), Норвегия (68 %), Португалия (67 %), Швейцария (61 %), затем идут Испания (60 %), Финляндия, Нидерланды и Германия (по 56 %). Несмотря на заметные отличия между стабильными и новыми демократиями, в некоторых посткоммунистических странах у заметной части граждан все же сложились представления о близких им политических партиях. В России, хотя она и уступает по распространенности партийной идентификации западным демократиям, отличия от некоторых из них не такие большие, как можно было бы ожидать. Согласно сегодняшним теоретическим представлениям, для формирования партийной идентификации необязательно требуется длительный промежуток времени и смена нескольких поколений, как предполага-

лось в первоначальной трактовке этого понятия, связывающей ее с аффективной привязанностью к определенной политической партии, которая возникает в ходе семейной социализации [Campbell et al. 1980]. В теории рационального выбора признается, что идентификация может постепенно меняться по мере накопления опыта, отражающего ретроспективные оценки партийной политики [Fiorina 1981]. Как заключает обсуждение этой проблемы Р. Джонстон, партийная идентификация определяет мнения и ценности, восприятие результатов работы кандидатов и их оценку, а также голосование, и при этом сама она не остается неизменной, а сила ее влияния может варьировать [Johnston 2006]. На укрепление партийной приверженности в нашей стране повлияла, вероятно, и стабилизация в 2000-е годы партийной системы — в Государственной Думе и законодательных собраниях регионов были представлены, как правило, одни и те же четыре партии.

Дескрипции для мотивационных переменных, приведенные в таблице 1b, подтверждают факты, указывающие на политическую апатию и отчужденность наших сограждан. Так, по данным А. Левинсона, преобладающее большинство в России считают, что «они никак не могут повлиять на происходящее в стране» (68 %) и «не чувствуют никакой ответственности за то, что происходит в стране» (60 %), более половины признавались, что не интересуются политикой, а две трети — что мало о ней знают и не могут на нее повлиять [Levinson 2019: 43, 46]. Согласно нашим результатам, в России 49 % мало интересуются политикой, более 70 % считают, что политическая система лишь в очень незначительной степени позволяет гражданам влиять на политику, и меньше половины склонны хоть сколько-нибудь доверять Государственной Думе.

Получаемые в опросах сведения об участии в парламентских выборах, как правило, на несколько процентных пунктов превышают официальную статистику. Такое расхождение, как видно в таблице 1a, наблюдалось и в России — по данным ESS явка оказалась на 8 % выше, чем объявленная Центризбиркомом. Это искажение устранялось при анализе взвешиванием опросных данных с помощью сконструированной нами переменной, вводящей соответствующие весовые коэффициенты для респондентов, участвовавших в выборах и не голосовавших на них.

ВЫБОРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ: СОЦИАЛЬНО-СТРУКТУРНЫЕ НЕРАВЕНСТВА

Зависимости между участием в выборах Государственной Думы в 2016 г. и положением индивида в демографической и социальной структурах представлено в таблице 2, содержащей три логистические регрессионные модели. В первой для объяснения используются два демографических фактора — пол и возраст. Половые особенности мало сказываются на электоральном участии — доли мужчин и женщин, которые ходили голосовать, практически не различаются. Наблюдается отчетливое нарастание избирательной активности с возрастом, что согласуется с надежно установленными в других странах закономерностями. Самой низкой она была у респондентов из младшей возрастной категории — от 18 до 30 лет, самой высокой — среди 60–69-летних, а после 70 лет наблюдалось некоторое ее снижение. У этой модели достаточно скромные объяснительные возможности (Nagelkerke $R^2=0.08$).

Объяснение немного улучшается ($R^2=0.10$) во второй модели, где наряду с демографическим расслоением учитывались различия по социально-экономическому статусу. В согласии с ресурсным пониманием на выборы заметно чаще приходят образованные избиратели, получившие среднее специальное или высшее образование, и реже те, у кого оно было начальным или неполным средним (правда, эти категории немногочисленны). Несколько чаще голосовали также граждане с более высоким уровнем жизни, указавшие, что доходы позволяют им жить, не испытывая материальных затруднений.

Дополнительный набор структурных факторов, включающий различия мест жительства и работы, а также этнической идентичности, анализируется в модели 3 (показатель Nagelkerke еще немного улучшается, $R^2=0.13$). Наряду с регрессионными коэффициентами (столбец «а») приводятся и доли участвовавших в выборах респондентов, рассчитанные по модели для каждой из рассматриваемых социальных категорий (столбец «б»). Отмеченные выше различия оказались достаточно заметными. Так, после контроля всех структурных дифференциаций в младшей группе, включающей респондентов до 30-летнего возраста, на выборы ходили всего лишь 28 % имеющих право голоса, тогда как в старших категориях — в два раза больше, около 60 %. Только 27 % участвовали в голосовании среди немногочисленной группы получивших в лучшем случае начальное образование и 39 % среди тех, у кого

оно было неполным средним, а в категориях хорошо образованных, имеющих дипломы средних специальных училищ, техникумов, колледжей и вузов, их доля приближается к 60 %. При недостатке материальных ресурсов, когда жизнь становится очень трудной, показатель избирательной активности равняется 39 %, а среди тех, у кого доходы позволяют жить без материальных затруднений, он повышается до 58 %.

Таблица 2

Участие в выборах ГД: демографические и социальные различия

ПЕРЕМЕННЫЕ	Модель 1	Модель 2	Модель 3	
			а	б
Константа	0.35**	0.55**	-0.24	
ПОЛ				
Мужчины	0.07	0.07	0.02	0.47
Женщины				0.46
ВОЗРАСТ				
до 30 лет	-1.25***	-1.51***	-1.28***	0.28
30–39	-0.78***	-1.06***	-0.90***	0.37
40–49	-0.45**	-0.70***	-0.51**	0.46
50–59	-0.28	-0.50**	-0.42*	0.48
60–69	0.24	0.10	0.20	0.63
70 лет+				0.59
ОБРАЗОВАНИЕ				
Не выше начального		-0.96**	-1.27**	0.27
Неполное среднее		-0.56**	-0.73***	0.39
Полное среднее		-0.41***	-0.50***	0.45
Среднее специальное		-0.03	-0.01	0.57
Высшее, бакалавриат		0.10	0.04	0.58
Высшее, магистратура+				0.57
ОЦЕНКА УРОВНЯ ДОХОДОВ				
Живем без затруднений		0.62**	0.75***	0.58
Дохода хватает		0.26	0.36*	0.48

Трудно		0.08	0.07	0.41
Жить очень трудно				0.39
МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА				
Сельская местность			0.67***	0.55
Небольшой город			0.40***	0.48
Крупный город, пригороды				0.38
РАБОТА, СЕКТОР				
Центральные, местные органы власти			0.59*	0.56
Общественный сектор (образование, медицина)			0.35**	0.50
Государственное предприятие			0.40**	0.52
Самостоятельная занятость			-0.31	0.34
Частная фирма				0.42
ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ				
Меньшинства			-0.27*	0.43
Русский				0.50
Nagelkerke R Square	0.078	0.099	0.132	
N	2299	2214	1952	

В клетках таблицы — коэффициенты логистических регрессий (модели 1, 2, 3а) и доли избирателей по социальным срезам (вычисленные в модели 3б с помощью Generalized Linear Models). Зависимая переменная — участие (1) / неучастие (0) в выборах ГД 2016 г. (среди имеющих право голоса), независимые переменные — курсивом выделены референтные категории. Уровни значимости *** 0.001, ** 0.01, * 0.05

Рассмотрение в третьей модели дополнительных факторов позволяет косвенным образом судить о том, насколько обоснованными являются теоретические соображения о мобилизационном использовании политических машин. Регрессионные коэффициенты говорят о том, что жители крупных городов (при прочих равных условиях, определяемых переменными социальной демографии) были в меньшей степени склонны к участию в голосовании, чем избиратели в малых городах и особенно на селе. В больших городах это делали 38 % жителей, тогда как на селе 55 %. Возможное объяснение этого расхождения связано с предположением об использовании властями политических машин для мобилизации зависимого от них электората. Но есть и другие трактовки. Различия между городскими и сельскими избирателями обусловлены

изменением институционального контекста перед выборами ГД 2016 г. — неудобное для горожан время голосования в середине сентября. Кроме того, избирательная активность на селе может усиливаться вследствие больших социальной интеграции и социального контроля за соблюдением одобряемых гражданских норм.

С предположением о задействовании политических машин, как показывают коэффициенты для признака места работы, согласуются обнаруженные различия между работниками, с одной стороны, частного сектора экономики, менее склонных к участию в голосовании (самостоятельная занятость — голосовали 34 %, частная фирма — 42 %), и с другой — государственных предприятий, общественных учреждений и системы управления, которые чаще отправлялись на избирательные участки (52, 50 и 56 % соответственно). Возможно, такое структурирование было более выразительным в определенных регионах, однако рассматриваемые опросные данные не позволяют прояснить этот вопрос. В то же время электоральная активность зависящих от государства избирателей может стимулироваться не только машинной мобилизацией, но и их большей заинтересованностью принимаемыми политическими решениями — в силу самой этой зависимости.

Наконец, утверждение о задействовании политических машин применительно к этническим меньшинствам нашими результатами не подтверждается — вероятность участия в выборах их представителей оказалась даже меньшей (43 %), чем русского большинства (50 %). Любопытно, что дополнительный регрессионный анализ (результаты не приводятся) с включением в состав независимых факторов указания на проживание опрошенных в одном из федеральных округов также говорит о меньшей, а не большей явке в национальных республиках Северного Кавказа (по официальным сведениям, входящие в этот округ республики демонстрировали на думских выборах в 2016 г. уровень участия (см., например: [Turovsky, Korneeva 2018: 379–382, tabl. 2]), намного превышающий общероссийское значение: Дагестан — 88,0 %, Ингушетия — 81,4 %, Кабардино-Балкария — 90,1 %, Карачаево-Черкесия — 93,3 %, Республика Северная Осетия — Алания — 85,6 %, Чеченская республика — 94,9 %, и только в Ставропольском крае, тоже причисленному к этому административному образованию, этот показатель был низким, составляя 41,9 %, но доля его жителей — около 28 % от всего населения округа, так что средняя явка по Северному Кавказу должна быть выше, чем в других округах). Поскольку в общероссийском

опросе округа не репрезентировались, к представленным результатам следует относиться с большой осторожностью (среди опрошенных, например, могли преобладать жители Ставрополья). Тем не менее описанные факты, характеризующие этнический фактор, еще раз ставят вопрос о том, свидетельствуют ли высокие значения явки в национальных республиках о машинной политике или же они являются следствием масштабных фальсификаций, на что указывают представленные результаты.

На следующем шаге нам предстоит сопоставить социальное структурирование участия в парламентских выборах в России и некоторых странах Центральной, Восточной и Западной Европы и выяснить, есть ли между ними принципиальные отличия и чем это может быть обусловлено. В частности, осуществлялась дополнительная проверка тезиса о машинной политике, которая может проявляться и в других посткоммунистических странах, где демократический режим не является консолидированным. Предполагалось, что в таких странах, как и в России, политические машины могут использоваться для мобилизации сельских жителей и работников государственных секторов. По сведениям Freedom House [2022], к настоящему времени в категорию «переходные или гибридные режимы» входят (с самыми низкими значениями семибалльного индекса демократии среди участников ESS из Центральной и Восточной Европы) такие страны, как Венгрия (оценка демократии по семибалльной шкале 3.68), Сербия (3.79) и Черногория (3.82), а к разряду «консолидированные демократии» (с наибольшими значениями среди этой группы стран) — Чехия (5.54), Словакия (5.71) и Эстония (6.00). В консолидированных режимах, как ожидается, различия, связанные с участием в парламентских выборах по признакам места жительства и занятости в государственных секторах, проявляться не будут. Не должны они проявляться и в сложившихся западных демократиях, хотя их также имеет смысл подразделить на две группы — в одну войдут страны, в которых в недавнем прошлом обнаруживалась клиентелистская политика, а в другую — конкурентные демократии. Как отметил Г. Китшелъг, в отличие от большинства стабильных западных демократий, где электоральная политика характеризуется конкуренцией партийных программ, как это происходит, например, в скандинавских странах, в некоторых развитых капиталистических государствах, среди которых Италия, Австрия и Бельгия, на выборах второй половины прошлого столетия отчетливо проявлял-

ся клиентелизм, благоприятные условия для которого — политизация государственной интервенции в экономику и социальной защиты, однако в 1990-е годы он теряет свое значение вследствие уменьшения важности и эффективности «кооперативной» рыночной экономики и повышения либеральной [Kitschelt 2007]. В соответствии с этим указанием в нашей работе рассматривались Австрия и Италия, знакомые с клиентелизмом, а также западные страны с разными избирательными системами и уровнями участия в парламентских выборах, включая Швейцарию, Францию и представляющие скандинавские демократии Норвегию и Швецию.

Результаты регрессионного анализа с интересующим нас набором структурных переменных для шести посткоммунистических стран приводятся в таблице 3. Они во многом напоминают закономерности, описываемые западной теоретической моделью.

Так, половая дифференциация участия в выборах почти во всех странах существенного значения не имеет, хотя в Чехии и Венгрии мужчины чуть более активны, чем женщины. Повсюду выборы чаще игнорируют представители младшей возрастной категории, а приходят на них, как правило, избиратели зрелого и старшего возраста, причем в полудемократических странах такое структурирование выражено менее отчетливо, чем в консолидированных демократиях, где хорошо просматривается возрастной градиент участия — оно постепенно нарастает при переходе от одной возрастной категории к следующей. В сложившихся демократиях — Эстонии, Словении, Чехии — отчетливо виден и образовательный градиент — переход с одного образовательного уровня на более высокий последовательно повышает вероятность голосования. Напротив, в неустановившихся режимах, включая Сербию, Черногорию и Венгрию, различия по образованию оказались невыраженными, что, возможно, говорит о демобилизации образованного сегмента, недовольного тем, как работают в стране демократические институты, и мобилизации избирателей с невысоким образовательным уровнем вследствие материальной депривации или задействования клиентелистских механизмов. Материальное благополучие, как видно по воздействию на электоральную активность показателя воспринимаемого уровня жизни, способствует в ряде стран этой активности, но не в Черногории и Словении.

В отличие от России, на парламентские выборы в государствах Восточной и Центральной Европы ходят примерно в равных пропорциях

избиратели, проживающие на селе, в небольших и в крупных городах, исключая Эстонию, в которой жители крупных городов оказались более вовлечены в избирательный процесс, чем сельский электорат и проживающие в малых городах. Эти факты не согласуются с нашим предположением о том, что мобилизация властями сельских жителей с помощью клиентелистских средств будет проявляться в неустоявшихся демократиях. В то же время другое предположение, согласно которому о машинной мобилизации могут свидетельствовать повышенные показатели голосования в публичном секторе и на государственных предприятиях, отчасти находит подтверждение. Если в консолидированных режимах Словении и Чехии занятость в этих секторах не повышает электорального участия, то в Сербии и Черногории такие зависимости действительно можно обнаружить. В это предположение не вписываются, однако, отсутствие связи места работы с голосованием в Венгрии, а также повышенная активность в эстонском публичном секторе.

Регрессии для стран Западной Европы, включающие тот же набор переменных, представлены в таблице 4. Они лишний раз подтверждают известные зависимости, свидетельствуя об очень отчетливом социальном структурировании участия в парламентских выборах.

Половые отличия опять же являются несущественными, хотя в Швейцарии мужчины чуть более активны, чем женщины. А вот возрастной градиент выражен с полной определенностью в Австрии, Швейцарии, Франции и Норвегии. В Италии с большей выразительностью, чем в других странах, проявляется криволинейная связь возраста с голосованием — наиболее активными оказались люди старшего возраста (60–69 лет), а пожилые из следующей категории (70+ лет) заметно им уступают и ходят на выборы не чаще, чем представители младших возрастных групп. В Швеции, несмотря на постепенное повышение участия с возрастом, наиболее выразительными были расхождения между самой младшей когортой, менее склонной голосовать, и избирателями зрелого и старшего возраста. С хорошей отчетливостью проступают и образовательные дифференциации, демонстрирующие, что электоральная активность выше у граждан с достаточно высоким уровнем образования, и при его снижении участие постепенно сокращается. Менее выразительны различия по признаку воспринимаемого уровня жизни, тем не менее, в четырех странах с большей вероятностью примут участие в голосовании люди, которым доходы позволяют жить, не испытывая материальных затруднений, чем те, кому трудно живется на свои доходы.

Участие в выборах парламентов стран Центральной и Восточной Европы:
значение социальной структуры

ПЕРЕМЕННЫЕ	Сербия	Черногория	Венгрия	Эстония	Словения	Чехия
Константа	-0.21	1.27	0.48	1.18***	2.14***	1.28***
ПОЛ (М)	0.17	0.12	0.27*	-0.16	-0.11	0.27**
ВОЗРАСТ:						
до 30 лет	-0.94***	-1.47***	-0.64**	-1.42***	-1.95***	-1.80***
30-39	-0.40	-0.86*	-0.40	-0.45*	-1.41***	-1.35***
40-49	-0.30	-0.94*	-0.13	-0.22	-1.41***	-0.86***
50-59	-0.11	-0.85*	0.28	-0.43*	-0.68**	-0.97***
60-69	0.21	0.03	0.62***	-0.24	-0.18	-0.23
70+ лет						
ОБРАЗОВАНИЕ:						
Не выше нижнего среднего	0.24		-1.71**	-1.71***	-1.93***	
Нижнее среднее	0.21	0.37	-0.66	-1.42***	-1.81***	-0.85**
Нижн. уровень верхнего среднего	0.21	0.92	-0.58	-1.40***	-1.36***	-1.03***
Верх. уровень верхнего среднего	0.27	0.65	-0.26	-0.91***	-0.89**	-0.44*
Продвинутое профессиональное	0.71*	0.30	-0.00	-0.82***	-1.06**	-0.36
Высшее, бакалавриат	0.11	0.54	0.66	0.17	-0.41	0.00
Высшее, магистратура+						

ОЦЕНКИ УРОВНЯ ЖИЗНИ:									
Живем без загрождений	0.64**	-0.61	0.72*	0.78**	0.15	0.76***			
Дохода хватает	0.29	-0.48	0.86**	0.98***	0.09	0.56**			
Трудно	0.14	-0.52	0.23	0.39	0.07	0.31			
Жить очень трудно									
МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА									
Село, ферма	-0.09	0.43	-0.05	-0.30*	-0.26	0.21			
Малый город	-0.05	0.38*	-0.01	-0.39**	-0.27	-0.05			
Крупный город									
РАБОТА (СЕКТОР)									
Центр, местные органы власти	1.14***	1.00**	0.24	0.21	0.44	0.09			
Общественный сектор	0.50*	1.58***	-0.22	0.62*	0.19	0.03			
Государственное предприятие	0.29*	0.13	0.34	-0.04	0.04	-0.19			
Самостоятельная занятость	-0.02	-0.12	0.00	0.12	-0.07	-0.30			
Частная фирма									
Nagelkerke R Square	0.076	0.150	0.115	0.175	0.150	0.121			
N	1146	823	1378	1577	1102	2009			

В клетках таблицы — коэффициенты логистических регрессий, зависимая переменная — участие (1) / неучастие (0) в последних перед опросом национальных парламентских выборах (среди имеющих право голоса). Независимые переменные: курсив — референтные категории. Уровни значимости *** 0.001, ** 0.01, * 0.05.

Участие в парламентских выборах в Западной Европе: социальные различия

ПЕРЕМЕННЫЕ	Австрия	Италия	Швейцария	Франция	Норвегия	Швеция
Константа	2.09***	1.12**	0.18	0.36	2.89***	2.50**
ПОЛ (М)	0.20	0.16	0.34*	0.12	-0.21	-0.37
ВОЗРАСТ:						
до 30 лет	-1.58***	0.03	-1.73***	-2.47***	-1.35***	-1.29***
30-39	-1.12***	0.02	-1.67***	-1.91***	-1.51***	-0.67
40-49	-0.83***	0.18	-1.20***	-1.61***	-1.08***	-0.22
50-59	-0.35	0.42*	-0.82***	-1.26***	-0.66*	-0.33
60-69	0.19	0.75***	-0.06	-0.47*	0.32	-0.23
70+ лет						
ОБРАЗОВАНИЕ:						
Не выше нижнего среднего	-1.70**	-1.24***	-1.21*	-1.36***		-1.37**
Нижнее среднее	-1.73***	-1.15***	-1.35***	-1.11***	-2.18***	-1.89***
Нижн. уровень верхнего среднего	-0.97***	-1.06***	-0.92***	-1.08***	-1.00***	-0.57
Верх. уровень верхнего среднего	-0.44	-0.65*	-0.50	-0.82***	-1.27***	-0.29
Продвинутое профессиональное	-0.75*	-0.05	-0.46	-0.40	-1.50***	-0.60
Высшее, бакалавриат	-0.26	-0.24	-0.50	-0.42	-0.72*	-0.52
Высшее, магистратура+						

ОЦЕНКИ УРОВНЯ ЖИЗНИ:									
Живем без затруднений	1.01**	0.69**	1.38**	1.45***	0.49	1.31			
Дохода хватает	0.56	0.48*	0.98*	1.05**	0.16	0.59			
Трудно	0.05	-0.21		0.67	-0.31	0.08			
Жить очень трудно									
МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА									
Село, ферма	0.26	0.15	-0.03	0.60***	0.24	-0.15			
Малый город	-0.02	0.33*	-0.27	0.25	0.27	0.18			
Крупный город									
РАБОТА (СЕКТОР)									
Центр., местные органы власти	0.53*	0.26	0.89***	0.73***	0.45	-0.12			
Общественный сектор	0.71*	0.28	0.91***	0.67**	-0.15	-0.34			
Государственное предприятие	0.11	-0.00	0.08	0.49*	-0.28	-1.44***			
Самостоятельная занятость	0.27	-0.04	0.26	0.14	0.29	0.87			
Частная фирма									
Nagelkerke R Square	0.170	0.112	0.221	0.247	0.172	0.149			
N	2175	1796	1038	1628	1182	1266			

В клетках таблицы — коэффициенты логистических регрессий, зависимая переменная — участие (1) / неучастие (0) в последних перед опросом национальных парламентских выборах (среди имеющих право голоса). Независимые переменные: курсив — референтные категории. Уровни значимости *** 0.001, ** 0.01, * 0.05.

В Норвегии и Швеции коэффициенты для градаций этого признака оказались статистически незначимыми, что, возможно, связано с активностью менее обеспеченных избирателей, заинтересованных в усилении левоцентристских партий и укреплении сильного социального государства.

Разделение на горожан и сельских жителей, как нами и предполагалось, в западных демократиях не играло существенной роли — на селе доля голосующих была не выше, чем в городах, за одним исключением — во Франции она отличалась в большую сторону. В соответствии с нашими ожиданиями в половине изучавшихся стран дифференциация по месту работы была несущественной, а в Швеции работники государственных предприятий даже реже ходили голосовать, чем занятые в частных фирмах. Однако, вопреки предположениям, в трех других странах она оказалась связанной с голосованием. И не только в Австрии, знакомой в недавнем прошлом с клиентелизмом, где работников общественного сектора и управленческих структур можно было с большей вероятностью встретить на выборах, чем представителей частного сектора. Такие различия заметны и в Швейцарии, а также во Франции, в которой не только занятые в общественном и управленческом секторах, но и на государственных предприятиях проявляли повышенную электоральную активность. Хотя невысокая явка, характерная для этих двух стран (вследствие мажоритарной избирательной системы во Франции и слабого влияния в Швейцарии парламентских выборов на реальную политику, зависящую в большей мере от референдумов), могла побуждать власти к мобилизации зависимых от нее избирателей, такое понимание не согласуется с отсутствием в научной литературе указаний на клиентелизм применительно к этим странам. Вероятно, при общей низкой активности избирателей более рельефно начинают проступать различия, связанные с отстаиванием своих политических интересов социально-культурными специалистами — укрепляющегося в развитых западных странах профессионально-классового слоя, многие представители которого заняты в общественном секторе. При программных выборах в Западных демократиях электоральная активность тех или иных общественных слоев главным образом зависит от расстановки политических сил, представительства партиями позиций избирателей, остроты партийной конкуренции, значимости выборов и др., так что причины обнаруженных нами различий могут лежать совсем в иной плоскости, чем в нашей стране.

Таким образом, в России, как и в европейских странах, проявляются электоральные неравенства, обусловленные социальной демографией, причем в западных демократиях с большей отчетливостью, чем в странах Восточной и Центральной Европы, особенно тех, где демократический режим остается неконсолидированным. В согласии с теоретической моделью на парламентские выборы с большей вероятностью приходят избиратели зрелых и старших возрастов и гораздо реже — молодые люди, электоральному участию способствует также высокое образование. В нашей стране большую активность на выборах проявляют сельские жители и работники государственных предприятий и общественного сектора в отличие от тех, кто живет в крупных городах и работает в частных фирмах, что можно считать косвенным подтверждением тезиса о машинной мобилизации, хотя ему противоречит анализ этнических отличий. Попытка проверить этот тезис при обращении к странам Центральной, Восточной и Западной Европы приводит к неоднозначным результатам. Одни зависимости с ним согласуются, однако другие свидетельствуют об особенностях электорального структурирования, обусловленного, скорее всего, иными, не имеющими отношения к машинной мобилизации причинами.

МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ И МОТИВАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ УЧАСТИЯ В ВЫБОРАХ

Регрессионные решения, свидетельствующие о влиянии на участие в выборах ГД 2016 г. переменных, характеризующих связи опрошенных с добровольными организациями и их отношение к политике, представлены в таблице 5. Модель 4, служащая основой для сопоставлений, вновь дает возможность оценить значение демографических и социально-структурных факторов, описанных выше, но в ней они выражены непрерывными шкалами или дихотомиями. С возрастом, как уже нам известно, избирательная активность возрастает, однако включение в уравнение квадрата этой переменной с полной определенностью говорит о криволинейном характере зависимости между ними — в старости люди перестают активно голосовать. Подтверждаются зависимости, указывающие на неравенства по социально-экономическому статусу — вероятность участия в выборах повышается с ростом образования и материального благополучия, а также обнаруживаются отличия между

жителями крупных городов, менее вовлеченных в выборы, и избирателями из небольших населенных пунктов и сел.

К базовым факторам в модели 5 добавлены еще два, фиксирующие мобилизационные воздействия посредством учета вовлеченности респондентов в деятельность профсоюзов, работу политических партий и общественных организаций. Это приводит к некоторому улучшению объяснительных возможностей регрессии (Nagelkerke R^2 возрастает с 0.108 до 0.129), показывая, что избиратели, связанные с добровольными ассоциациями, заметно чаще приходят к избирательным урнам. Так, различия (рассчитанные с помощью Generalized Linear Models при средних значениях переменных социальной демографии) составляют по признакам членства в профсоюзе 56 и 72 %, а работы в партии или другой общественной организации — 54 и 72 %.

Результаты анализа мотивационного блока отражает модель 6, в которой набор независимых переменных расширяется благодаря включению в уравнение показателей интереса опрошенных к политике, их представлений о степени открытости политической системы влиянию граждан и доверия парламенту. Они играют важную роль (Nagelkerke R^2 существенно увеличивается — до значения 0.186), побуждая к голосованию тех, кого интересует политика, кто полагает, что политические институты в нашей стране позволяют людям влиять на принимаемые властями решения, и у кого ГД вызывает доверие. Объединив эти три индикатора в общий пятипозиционный индекс политической мотивации, указывающий на ее слабость у многих наших сограждан, можно рассчитать процентные значения голосования (вновь в Generalized Linear Models при средних значениях прочих переменных), которые на полюсах — при низкой и высокой мотивации голосования — равняются соответственно 44 и 81 %.

Дальнейшее значительное расширение объяснительных возможностей регрессии в модели 7 (значение Nagelkerke R^2 резко увеличивается — с 0.186 до 0.329) было связано с влиянием на электоральное участие признака партийной идентификации. На выборы ходили многие из тех, кто указал, что среди партий есть организация, которая им ближе других, тогда как люди, не идентифицирующие себя ни с какой из них, делали это гораздо реже. В процентном отношении это разделение оказалось одним из самых отчетливых среди рассмотренных ранее социальных дифференциаций и составляет (результаты Generalized Linear Models при средних значениях контролируемых переменных)

Таблица 5

Голосование на выборах ГД: мобилизация и мотивации

ПЕРЕМЕННЫЕ	Модель 4	Модель 5	Модель 6	Модель 7
Константа	-3.15***	-3.11***	-3.68***	-4.02***
Пол (М)	-0.09	-0.08	-0.24*	-0.25*
Возраст (лет; 0,1)	4.97***	4.77***	4.89***	4.51***
Возраст в квадрате	-2.84**	-2.52**	-3.06**	-3.20**
Образование (лет; 0,1)	2.06***	1.85***	1.46**	1.87***
Оценка доходов (как позволяют жить; 0,1)	0.60***	0.55***	0.23	0.37
Место жительства (малый город, село)	0.48***	0.46***	0.48***	0.57***
Членство в профсоюзе		0.70***	0.64***	0.56**
Работа в общ. организации, партии		0.78***	0.55**	0.26
Интерес к политике (0, 1)			1.11***	0.62***
Открытость системы влиянию граждан (0, 1)			1.07***	0.86**
Доверие парламенту (0, 1)			0.89***	0.47*
Есть партия, которая ближе других				1.75***
Nagelkerke R ²	0.108	0.129	0.186	0.329
N	2212	2187	2072	1955

В клетках таблицы — коэффициенты логистических регрессий, зависимая переменная — участие (1) / неучастие (0) в выборах ГД 2016 г. (среди имеющих право голоса). Уровни значимости *** 0.001, ** 0.01, * 0.05.

83 и 45 % соответственно. Отметим, что в седьмой модели заметно уменьшаются коэффициенты, характеризующие мотивационные факторы. Это говорит о достаточно тесной связи между этими факторами и партийной идентификацией, вероятно она способствует интересу к политике, уверенности в определенной открытости политической системы и доверию ГД и через их посредничество, как и напрямую, оказывает воздействие на решение об участии в голосовании.

Дополнительный анализ позволяет прояснить некоторые особенности избирателей, имеющих партийную идентификацию. Она довольно тесно связана с возрастом (Pearson's $R = 0.26$, $p < 0.000$): если в когорте молодых людей (до 30 лет) о существовании близкой им партии сообщили только 27 %, то этот показатель, постепенно повышаясь в последующих возрастных категориях, достигает среди самых старших (70+ лет) значения в 64 %. Среди тех, кто сумел указать близкую партию (напомним, их около двух пятых выборки), преобладающее большинство выбрали «Единую Россию» — 59 %, ЛДПР и КПРФ назвали по 14 %, «Справедливую Россию» — 5 %, а из остальных партий можно упомянуть разве только «Коммунистов России» — 3 % и «Яблоко» со значением менее двух процентов. Как видим, при выборах ГД наиболее активны те избиратели, которые идентифицируют себя с одной из парламентских партий, прежде всего с «Единой Россией».

Сравнение основных факторов электорального участия, определяемых теоретической моделью «ресурсы-мотивации-мобилизация», в четырех посткоммунистических странах, включая Россию, и четырех западных демократиях, позволяющее прояснить его особенности в нашей стране, представлено в таблице 6. Приведенные результаты логистического регрессионного анализа хорошо согласуются с этой моделью, свидетельствуя об общих для многих европейских стран закономерностях.

Так, регрессионные коэффициенты вновь указывают на незначительные отличия повсюду между мужчинами и женщинами и на повсеместное существование значительных возрастных различий — во всех странах избиратели младших возрастов намного реже ходят на парламентские выборы, чем представители старших категорий. Причем в Восточной и Центральной Европе, как и в России, зависимости голосования от возраста являются криволинейными — нарастание продолжается до определенной возрастной границы, после которой активность начинает снижаться. В западных демократиях такое снижение наблюда-

ется неотчетливо, статистически значимым коэффициент у квадрата возраста оказался в одной только Испании. Это, вероятно, объясняется активным долголетием избирателей в развитых западных странах, тогда как посткоммунистические общества отличаются от них более низкими показателями состояния здоровья, особенно среди пожилых людей (Русинова, Сафронов 2019: 148–150).

В разных частях Европы обнаруживаются также заметные образовательные неравенства — вероятность участия индивида в голосовании увеличивается по мере нарастания суммарного числа лет, в течение которых происходило его обучение в формальных образовательных учреждениях. В нескольких странах — России, Болгарии, Франции — жители крупных городов менее склонны к участию в выборах, чем избиратели из небольших населенных пунктов, но в других они, наоборот, более активны или же между теми и другими различия несущественны. Членство и работа в общественной организации способствуют мобилизации избирателей в развитых странах Европы, а среди посткоммунистических государств разве только в России, в какой-то мере — Болгарии, но не в Польше и Венгрии. Важную дифференцирующую роль, сходную в разных местах Европы, играют мотивационные факторы. Люди, не интересующиеся политикой, считающие, что политическая система не позволяет гражданам влиять на происходящее, и не доверяющие парламенту, гораздо реже голосуют при его избрании, чем те, кто придерживается противоположных взглядов. Наконец, электоральная активность во всех странах зависит от партийной идентификации — вероятность встретить на избирательных участках тех, кто способен указать близкую политическую партию, намного выше по сравнению с теми, кто этого сделать не может.

Таким образом, теоретическая модель электоральной активности, учитывающая влияние возрастных и образовательных различий, а также мотивационных факторов, включая и партийную идентификацию, в целом хорошо объясняет, кто в странах Центральной, Восточной и Западной Европы склонен голосовать на национальных парламентских выборах и кому такая активность не свойственна. Об этом говорят заметные значения Nagelkerke R^2 , в Венгрии равное 0.54, Болгарии — 0.40, Польше — 0.36 и 0.33 в России. В странах Западной Европы они, как правило, ниже, но также немаленькие — 0.20 в Испании, 0.27 во Франции, 0.29 в Германии и 0.39 в Финляндии. Причем в посткоммунистической Европе этот показатель заметно увеличивался как

Участие в выборах парламентов стран Восточной и Западной Европы: социальные и attitudные различия

ПЕРЕМЕННЫЕ	Россия	Болгария	Польша	Венгрия	Германия	Финляндия	Франция	Испания
Константа	-4.05***	-3.79***	-4.55***	-2.84***	-4.55***	-5.99***	-3.89***	-2.20***
Пол (М)	-0.20	-0.09	0.01	0.01	-0.46***	-0.19	-0.04	-0.08
Возраст (лет; 0,1)	4.38***	7.46***	4.88***	5.63***	3.07***	5.66***	4.03***	3.91***
Возраст в квадрате	-3.07**	-7.26***	-2.72	-5.47***	-1.03	-2.12	-1.00	-2.18*
Образование (лет; 0,1)	2.06***	1.87***	2.55***	2.33***	4.91***	3.14***	1.13**	0.69*
Место жительства (малый город, село=1)	0.57***	0.56***	0.14	-0.33*	0.13	-0.34*	0.27*	0.07
Связи с общественной организацией	0.49***	0.68	-0.00	-0.35	0.56***	0.78***	0.39**	0.47**
Индекс политических мотиваций (0,1)	2.05***	2.22***	3.81***	2.18***	3.24***	5.56***	3.12***	2.29***
Есть партия, которая ближе других	1.71***	2.49***	1.58***	6.09***	0.54***	0.57***	0.51***	0.99***
Nagelkerke R Square	0.329	0.404	0.355	0.539	0.294	0.387	0.265	0.196
N	2123	1754	1211	1469	2068	1543	1660	1376

European Social Survey (ESS) 2018–2019, Россия — 2016–2017. В клетках таблицы — коэффициенты логистических регрессий, зависимая переменная — участие (1) / неучастие (0) в последних перед опросом национальных парламентских выборах (среди имеющих право голоса). Уровни значимости *** 0.001, ** 0.01, * 0.05.

при включении в уравнение регрессии мотивационного фактора, так и — еще в большей мере — партийной идентификации, а в западных демократиях главным образом при учете мотиваций. Для участия в выборах в России и других странах Центральной и Восточной Европы избирателю особенно важно чувствовать близость с определенной политической партией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование затрагивает проблему активности российских граждан на выборах Государственной Думы РФ. Особенно низкий показатель участия в сентябре 2016 г. указывает на благоприятные условия для анализа факторов, способствующих и препятствующих электоральной активности. На невысокую явку повлияли институциональные изменения, вызвавшие демобилизацию избирателей, и это обострило социально-структурные неравенства и размежевания по политическим взглядам, отражающие решения наших сограждан об участии в думских выборах.

В предшествующих работах, посвященных электоральным неравенствам в России, рассматривались вопросы о причинах абсентеизма, которые анализировались с использованием данных представительных опросов, и завышенной явки на выборы во многих национальных республиках и других административных образованиях. Избирательная пассивность связывалась преимущественно со слабой мотивацией наших сограждан, не интересующихся политикой и не доверяющих политическим институтам, а высокие районные и региональные показатели объяснялись использованием властями политических машин для мобилизации зависимого от них электората. При этом недостаточно изученными оставались другие факторы, включенные в западную теоретическую модель, а предположение о машинной политике заслуживало дополнительной проверки при обращении к индивидуальным данным.

В работе представлена попытка прояснить эти вопросы с помощью анализа поведения российских избирателей на выборах ГД 2016 г., зафиксированного в репрезентативном опросе Европейского социального исследования (European Social Survey, ESS) в начале следующего года. Выявленные зависимости соотносятся с закономерностями, проявляющимися в ряде стран Центральной, Восточной и Западной Европы,

в которых также проводились национальные опросы по программе ESS. Результаты логистического регрессионного анализа показывают, что электоральная активность в России, как и в посткоммунистических европейских странах, хорошо объясняется с помощью ключевых переменных, составляющих базовую теоретическую модель, сформулированную в исследованиях западных демократий.

В голосовании, согласно полученным в нашей стране фактам, менее склонны участвовать молодые люди, и с повышением возраста активность постепенно нарастает, снижаясь затем в самых старших категориях. Более высокий образовательный уровень также составляет важное условие активности при голосовании. Возможности мобилизации избирателя, обусловленные связями индивида с добровольными ассоциациями, в свою очередь способствуют электоральной активности. Ключевые переменные, объясняющие индивидуальные различия между теми, кто ходит на выборы, и людьми, в них не участвующими, связаны, как отмечалось и в предшествующих работах, с мотивацией — участие предполагает, что человек интересуется политикой, уверен в открытости политической системы для влияния граждан и с доверием относится к Государственной Думе. Но самый важный фактор — это партийная идентификация. Голосовать ходят те, кто полагает, что среди политических партий есть организация, которая им ближе других. Преобладающее большинство идентификаций относится к «Единой России» и трем другим думским партиям (в пропорциях, примерно соответствующих отданным им голосам). О наличии близкой партии сообщают, как правило, люди старших возрастов, что связано, вероятно, с подчеркиванием властями важности политики, направленной на защиту уязвимых слоев населения, и ее реализацией в определенных пределах. Мотивационные факторы определяют активность избирателей и в других посткоммунистических европейских странах, причем партийная идентификация играет, как и у нас, очень важную роль. В западных демократиях описанные переменные также объясняют участие в парламентских выборах (хотя партийная идентификация здесь менее важна, чем в посткоммунистических демократиях), и все это подтверждает возможность общего теоретического объяснения электорального поведения в Европе.

В нашей стране, согласно проведенному анализу, повышенное участие в думских выборах, было характерно для жителей села и работников государственных предприятий, общественного сектора и управлен-

ческих структур, что подтверждает закономерности, выявленные при рассмотрении районной-региональной статистики и проведении опросных экспериментов. Такие различия можно трактовать как подтверждение теоретических представлений, объясняющих их электоральной мобилизацией властями зависимого населения. Однако предполагаемого влияния важнейшего в теории фактора, указывающего на принадлежность к этническим меньшинствам и регионам, обнаружить не удалось. За этим, скорее всего, стоят особенности рассматриваемых опросных данных, репрезентирующих страну и не позволяющих проанализировать расхождения между субъектами федерации. В то же время в повестке остается предположение о масштабном использовании властями не только машинной политики, но и фальсификаций. Сравнительный анализ России с переходными политическими режимами и консолидированными демократиями в Центральной, Восточной и Западной Европе также не приводит к убедительному подкреплению предположений о работе политических машин. Большая электоральная активность на селе и в государственном-общественном секторах проявлялась не только в некоторых полудемократических посткоммунистических режимах, но и в развитых западных странах, объяснение чему следует, вероятно, искать за рамками представлений о воздействии на политическое поведение машинной мобилизации.

Литература

Алексеев Р.А. Избирательные кампании парламентских выборов (1993–2016 гг.) и особенности электорального поведения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 3. С. 195–206. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2018-3-195-206>.

Алексеев Р.А., Абрамов А.В. Электоральный абсентеизм в России и способы его преодоления (на материалах президентских выборов 2000–2012 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. 2016. № 4 (1). [Электронный журнал]. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2016-4-1037>.

Алексеев Р., Абрамов А. Электоральный абсентеизм на президентских и парламентских выборах в России (избирательные кампании с 1993 по 2018 г.): причины, последствия, способы преодоления // Постсоветский материк. 2018. № 4. С. 43–57.

Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. Российские парламентские выборы: электоральный процесс при авторитарном режиме // Вестник общественного мнения. 2012. № 1. С. 5–31.

Кулагина Е.А. Политическая культура россиян: мотивация участия/неучастия в выборах // Мониторинг общественного мнения. 2007. № 4. С. 20–29.

Мамонов М., Гаврилов И., Вядро М. Эволюция политического поведения россиян в электоральном цикле 2016–2018 гг. // Выборы на фоне Крыма: электоральный цикл 2016–2018 гг. и перспективы политического транзита / под ред. Валерия Федорова. М.: ВЦИОМ, 2019. С. 15–104.

Милаева О.В., Сиушкин А.Е., Андросова Л.А. Модель «электорального бес-силія»: к вопросу об абсентеистском поведении россиян на выборах // Политика и Общество. 2017. № 7. С. 28–41. <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2017.7.20831>.

Русинова Н.Л., Сафронов В.В. Проблема социальных неравенств в здоровье: сравнительное исследование России в европейском контексте // Вестник Института социологии. 2019. № 28. С. 139–161. <https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.562>.

Сафронов В.В. Неравенства электорального участия в России: Обзор исследований в соотнесении с западными теоретическими моделями // Власть и элиты. 2022. Т. 9, № 2. С. 56–95. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.3>.

Сироткина Е.В., Карандашова С.А. Лояльность элит и выборы глав регионов: роль предвыборных конфликтов в исходе голосования // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 76–91. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.06>.

Шкель С.Н. Бастионы традиции: этнический фактор и политические машины в регионах России // Полис. Политические исследования. 2019. № 1. С. 49–70. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.01.05>.

Шкель С., Щербак А., Ткачева Т. Анатомия лояльности: механизмы формирования электорального сверхбольшинства в этнических республиках современной России // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21, № 1. С. 38–70. <https://doi.org/10.17323/1728-192x--2022-1-38-70>.

Шпилькин С. Двугорбая Россия // Троицкий вариант-Наука. 2016. № 214. URL: <https://trv-science.ru/2016/10/dvugorbaya-rossiya> (дата обращения: 25.11.2022).

Allina-Pisano J. Social contracts and authoritarian projects in post-Soviet space: The use of administrative resource // Communist and Post-Communist Studies. 2010. Vol. 43. P. 373–382. <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2010.10.001>.

Banducci S.A., Karp J.A. Electoral Systems, Efficacy, and Voter Turnout // The Comparative Study of Electoral Systems / ed. by H.-D. Klingemann. New York: Oxford University Press, 2009. P. 109–134.

Birch S. Elections and Voters // Developments in Central and East European Politics 5 / ed. by S. White, P.G. Lewis, J. Batt. Durham: Duke University Press, 2013. P. 156–170.

Birch S. Elections and Electoral Participation // The Routledge Handbook of East European Politics / ed. by A. Fagan, P. Kopecký. London; New York: Routledge, 2018. P. 157–168.

Blais A. What Affects Voter Turnout? // Annual Review of Political Science. 2006. Vol. 9. P. 111–125. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.9.070204.105121>.

Blais A. Turnout in Elections // *The Oxford Handbook of Political Behavior* / ed. by R.J. Dalton, H.-D. Klingemann. New York: Oxford University Press, 2007. P. 621–635. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199270125.003.0033>.

Blais A., Daoust J.-F. *The Motivation to Vote: Explaining Electoral Participation*. Vancouver: UBC Press, 2020. 156 p.

Blais A., Dassonneville R., Kostelka F. Political Equality and Turnout // *The Oxford Handbook of Political Representation in Liberal Democracies* / ed. by R. Rohrschneider, J. Thomassen. New York: Oxford University Press, 2020. P. 396–412.

Campbell A., Converse P.E., Miller W.E., Stokes D.E. *The American Voter*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1980 [1960]. 576 p.

Cancela J., Geys B. Explaining Voter Turnout: A Meta-Analysis of National and Subnational Elections // *Electoral Studies*. 2016. Vol. 42. P. 264–275. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2016.03.005>.

Colton T.J. *Transitional Citizens: Voters and What Influences Them in the New Russia*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000. 336 p.

Dalton R.J. *The Participation Gap: Social Status and Political Inequality*. New York: Oxford University Press, 2017. 280 p. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198733607.001.0001>.

Dalton R.J. Party Identification and Its Implications // *Oxford Research Encyclopedia of Politics* / Ed. by W.R. Thompson. 2021. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.72>.

Dinas E. The Acquisition of Voting Habits // *The Routledge Handbook of Elections, Voting Behavior and Public Opinion* / ed. by J. Fisher, E. Fieldhouse, M.N. Franklin, R. Gibson, M. Cantijoch, C. Wlezien. London and New York: Routledge, 2018. P. 108–119.

Fiorina M.P. *Retrospective Voting in American Elections*. New Haven: Yale University Press, 1981. 249 p.

Franklin M.N. with assistance from van der Eijk C., Evans D., Fotos M., Hirczy de Mino W., Marsh M., Wessels B. *Voter Turnout and the Dynamics of Electoral Competition in Established Democracies since 1945*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 277 p.

Freedom House. *Nations in Transit 2022: From Democratic Decline to Authoritarian Aggression*. 2022. URL: https://freedomhouse.org/sites/default/files/2022-04/NIT_2022_final_digital.pdf (дата обращения: 15.12.2022).

Frye T., Reuter O.J., Szakonyi D. Political Machines at Work: Voter Mobilization and Electoral Subversion in the Workplace // *World Politics*. 2014. Vol. 66, no. 2. P. 195–228. <https://doi.org/10.1017/S004388711400001X>.

Frye T., Reuter O.J., Szakonyi D. Hitting Them with Carrots: Voter Intimidation and Vote Buying in Russia // *British Journal of Political Science*. 2019a. Vol. 49, no. 3. P. 857–881. <https://doi.org/10.1017/S0007123416000752>.

Frye T., Reuter O.J., Szakonyi D. Vote Brokers, Clientelist Appeals, and Voter Turnout: Evidence from Russia and Venezuela // *World Politics*. 2019b. Vol. 71, no. 4. P. 710–746. <https://doi.org/10.1017/S0043887119000078>.

Gallego A. Unequal Political Participation Worldwide. New York: Cambridge University Press, 2015. 252 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139151726>.

Gandhi J., Lust-Okar E. Elections under Authoritarianism // Annual Review of Political Science. 2009. Vol. 12. P. 403–422. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.11.060106.095434>.

Geys B. Explaining Voter Turnout: A Review of Aggregate-Level Research // Electoral Studies. 2006. Vol. 25, no. 4. P. 637–663. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2005.09.002>.

Golosov G.V. Machine Politics: The Concept and Its Implications for Post-Soviet Studies // Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization. 2013. Vol. 21, no. 4. P. 459–480.

Goodnow R., Moser R.G., Smith T. Ethnicity and Electoral Manipulation in Russia // Electoral Studies. 2014. Vol. 36. P. 15–27. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2014.05.005>.

Hale H.E. Explaining Machine Politics in Russia's Regions: Economy, Ethnicity, and Legacy // Post-Soviet Affairs. 2003. Vol. 19, no. 3. P. 228–263. <https://doi.org/10.2747/1060-586X.19.3.228>.

Hale H.E. Correlates of clientelism: Political economy, politicized ethnicity, and post-communist transition // Patrons, clients, and policies: Patterns of democratic accountability and political competition / ed. by H. Kitschelt, S. I. Wilkinson, Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 227–250.

Hutcheson D., McAllister I. Putin versus the Turnout? Mapping the Kremlin's Presidential Election Support // Russian Politics. 2018. No. 3. P. 333–358. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00303002>.

Johnston R. Party Identification: Unmoved Mover or Sum of Preferences? // Annual Review of Political Science. 2006. Vol. 9. P. 329–351. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.9.062404.170523>.

Kaminska O. Guide to Using Weights and Sample Design Indicators with ESS Data. 2020. URL: https://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/ESS_weighting_data_1_1.pdf (дата обращения: 29.11.2022).

Kitschelt H. The Demise of Clientelism in Affluent Capitalist Democracies // Patrons, Clients, and Policies: Patterns of Democratic Accountability and Political Competition / ed. by H. Kitschelt, S.I. Wilkinson. New York: Cambridge University Press, 2007. P. 298–321.

Kitschelt H., Wilkinson S.I. (eds.). Patrons, Clients, and Policies: Patterns of Democratic Accountability and Political Competition. New York: Cambridge University Press, 2007. 392 p.

Kittilson M.C., Anderson C.J. Electoral Supply and Voter Turnout // Citizens, Context, and Choice: How Context Shapes Citizens' Electoral Choices / ed. by R.J. Dalton, C.J. Anderson. New York: Oxford University Press, 2011. P. 33–54.

Kostadinova T. Voter Turnout Dynamics in Post-Communist Europe // European Journal of Political Research. 2003. Vol. 42, no. 6. P. 741–759. <https://doi.org/10.1111/1475-6765.00102>.

Kostelka F. The State of Political Participation in Post-Communist Democracies: Low but Surprisingly Little Biased Citizen Engagement // *Europe-Asia Studies*. 2014. Vol. 66, no. 6. P. 945–968. <https://doi.org/10.1080/09668136.2014.905386>.

Кунев А. How the Electoral Policy of the Russian State Predetermined the Results of the 2016 State Duma Elections // *Russian Politics*. 2017. Vol. 2. P. 206–226. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00202002>.

Levinson A. Public Attitudes to Politics in Russia // *Russian Politics*. 2019. No. 4. P. 42–75. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00401003>.

Martinez M.D. Why is American Turnout so Low, and Why Should We Care? // *The Oxford Handbook of American Elections and Political Behavior* / ed. by J.E. Leighley. New York: Oxford University Press, 2010. P. 107–124. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199235476.003.0007>.

McAllister I. Partisanship and Political Participation // *Research Handbook on Political Partisanship* / ed. by H. Oscarsson, S. Holmberg. Cheltenham, UK, and Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing, 2020. P. 266–280. <https://doi.org/10.4337/9781788111997>.

McAllister I., White S. Demobilizing Voters: Election Turnout in the 2016 Russian Election // *Russian Politics*. 2017. Vol. 2, iss. 4 (Special Issue: Analyzing the 2016 State Duma Election). P. 411–433. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00204002>.

Moser R.G., White A.C. Does electoral fraud spread? The expansion of electoral manipulation in Russia // *Post-Soviet Affairs*. 2017. Vol. 33, no. 2. P. 85–99. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2016.1153884>.

Myagkov M., Ordeshook P.C. Russian Elections: An Oxymoron of Democracy. Seattle, WA: The National Council for Eurasian and East European Research, 2008. 31 p. URL: https://www.ucis.pitt.edu/nceeer/2008_822-11_Ordeshook.pdf (дата обращения: 16.11.2022).

Northmore-Ball K. Increasingly Unequal Turnout in Eastern European New Democracies: Communist and Transitional Legacies versus New Institutions // *Electoral Studies*. 2016. Vol. 42. P. 188–200. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2016.01.012>.

Pacek A.C., Pop-Eleches G., Tucker J.A. Disenchanted or Discerning: Voter Turnout in Post-Communist Countries // *The Journal of Politics*. 2009. Vol. 71, no. 2. P. 473–491. <https://doi.org/10.1017/S0022381609090409>.

Panov P., Ross C. Explanatory Factors for Electoral Turnout in the Russian Federation: The Regional Dimension // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. 2016. Vol. 24, no. 3. P. 351–370.

Plutzer E. Demographics and the Social Bases of Voter Turnout // *The Routledge Handbook of Elections, Voting Behavior and Public Opinion* / ed. by J. Fisher, E. Fieldhouse, M.N. Franklin, R. Gibson, M. Cantijoch, C. Wlezien. London; New York: Routledge, 2018. P. 69–82.

Rogov K. Russia's 2016 Duma Elections: Ambiguous Triumph and New Challenges for the Regime // *FIIA (The Finnish Institute of International Affairs)*

Briefing Paper. 2016. № 205. URL: https://www.fiaa.fi/wp-content/uploads/2017/04/bp205_russia_s_2016_duma_elections.pdf (дата обращения: 16.11.2022).

Saikkonen I.A.-L. Electoral Mobilization and Authoritarian Elections: Evidence from Post-Soviet Russia // *Government and Opposition*. 2017. Vol. 52, no. 1. P. 51–74. <https://doi.org/10.1017/gov.2015.20>.

Smets K., van Ham C. The Embarrassment of Riches? A Meta-Analysis of Individual-Level Research on Voter Turnout // *Electoral Studies*. 2013. Vol. 32, no. 2. P. 344–359. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2012.12.006>.

Solt F. Economic Inequality and Democratic Political Engagement // *American Journal of Political Science*. 2008. Vol. 52, no. 1. P. 48–60. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2007.00298.x>.

Stockemer D. What Affects Voter Turnout? A Review Article/Meta-Analysis of Aggregate Research // *Government and Opposition*. 2017. Vol. 52, no. 4. P. 698–722. <https://doi.org/10.1017/gov.2016.30>.

Tkacheva T., Golosov G.V. United Russia's Primaries and the Strength of Political Machines in the Regions of Russia: Evidence from the 2016 Duma Elections // *Europe-Asia Studies*. 2019. Vol. 71, no. 5. P. 824–839. <https://doi.org/10.1080/09668136.2019.1613515>.

Turovsky R., Korneeva E. The Institutional Impact on Voter Turnout: The Case of Russia and Its Regions (2011–2016) // *Russian Politics*. 2018, no. 3. P. 372–395. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00303004>.

Wass H., Blais A. Turnout // *The SAGE Handbook of Electoral Behaviour*. Vol. 1 / ed. by K. Arzheimer, J. Evans, M.S. Lewis-Beck. London: Sage, 2017. P. 459–487.

White A.C., Saikkonen I.A.-L. More Than a Name? Variation in Electoral Mobilisation of Titular and Non-Titular Ethnic Minorities in Russian National Elections // *Ethnopolitics*. 2017. Vol. 16, no. 5. P. 450–470. <https://doi.org/10.1080/17449057.2016.1221186>.

PARTICIPATION IN THE STATE DUMA ELECTIONS: SOCIAL INEQUALITIES, MOTIVATIONS AND MOBILIZATION

V. V. Safronov

(vsafonov@list.ru)

Sociological Institute,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Citation: Safronov V. Uchastiye v vyborah Gosudarstvennoy Dumy: sotsial'nyye neravenstva, motivatsii i mobilizatsiya [Participation in the State Duma Elections: Social Inequalities, Motivations and Mobilization]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2023, 10 (2): 121–169. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.6>

EDN ANXPUL

Abstract. *The problem of the activity of Russian citizens in the elections of the State Duma in 2016 is considered. The study is based on theoretical ideas about the dependence of electoral participation of individuals on resources-motivation-mobilization, and increased turnout in administrative units — on the mobilization of voters by political machines. Empirical data collected in the Russian representative survey under the European Social Survey program (ESS, January-March 2017) are investigated using statistical methods of logistic regression analysis. The results are compared with patterns seen in a number of countries in Central Eastern and Western Europe, which also conducted national surveys under the ESS program (Round 9). According to the revealed facts, electoral activity in Russia, as in other post-communist European countries, is well explained with the help of key variables that make up the basic theoretical model formulated in studies of Western democracies. Thus, the activity in the Duma elections increases with age, decreasing among the oldest, and with an increase in the educational level, it is higher among voters with ties to voluntary associations. Political motivations play an important role, encouraging people interested in politics, confident in the openness of the political system to the influence of citizens and trusting the State Duma to participate. The strongest factor is party identification. Those who are able to single out an organization close to them among the political parties go to vote. In addition, in our country, increased participation in the Duma elections was characteristic of rural residents and employees of state enterprises, the public sector and government structures, which confirms the theoretical assumptions*

about the mobilization of the dependent population by the authorities. However, the supposed influence of the most important factor in the theory indicating belonging to ethnic minorities and regions could not be detected. At the same time, greater electoral activity in rural areas and in the state-public sectors can be found not only in some semi-democratic post-communist regimes, but also in developed Western countries, an explanation for which should probably be sought beyond the framework of ideas about the impact of machine mobilization on political behavior.

Keywords: electoral participation, Russia, elections of the State Duma, social inequalities, motivations, party identification, mobilization, European Social Survey (ESS).

References

Alekseev R.A. Izbiratel'nyye kampanii parlamentskikh vyborov (1993–2016 gg.) i osobennosti elektoral'nogo povedeniya [Electoral campaigns of parliamentary elections (1993–2016) and features of electoral behavior]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and political sciences], 2018, 3, pp. 195–206. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2018-3-195-206>. (In Russian)

Alekseev R.A., Abramov A.V. Elektoral'nyy absenteizm v Rossii i sposoby yego preodoleniya (na materialakh prezidentskikh vyborov 2000–2012 gg.) [The Electoral Absenteeism in Russia and Ways to Overcome It (On materials of the 2000–2012 presidential elections)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of Moscow Region State University], 2016, 4 (1) [Electronic resource]. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2016-4-1037>. (In Russian)

Alekseev R., Abramov A. Elektoral'nyy absenteizm na prezidentskikh i parlamentskikh vyborakh v Rossii (izbiratel'nyye kampanii s 1993 po 2018 g.): prichiny, posledstviya, sposoby preodoleniya [Electoral absenteeism in the presidential and parliamentary elections in Russia (election campaigns from 1993 to 2018): causes, consequences, ways to overcome]. *Postsovetskiy materik* [Post-Soviet Continent], 2018, 4, pp. 43–57. (In Russian)

Allina-Pisano J. Social contracts and authoritarian projects in post-Soviet space: The use of administrative resource, *Communist and Post-Communist Studies*, 2010, 43, pp. 373–382. <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2010.10.001>.

Banducci S.A., Karp J.A. Electoral Systems, Efficacy, and Voter Turnout. *The Comparative Study of Electoral Systems*. Ed. by H.-D. Klingemann. New York: Oxford University Press, 2009, pp. 109–134.

Birch S. Elections and Voters. *Developments in Central and East European Politics* 5. Ed. by S. White, P.G. Lewis, J. Batt. Durham: Duke University Press, 2013, pp. 156–170.

Birch S. Elections and Electoral Participation. *The Routledge Handbook of East European Politics*. Ed. by A. Fagan, P. Kopecký. London and New York: Routledge, 2018, pp. 157–168.

Blais A. What Affects Voter Turnout? *Annual Review of Political Science*, 2006, 9, pp. 111–125. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.9.070204.105121>.

Blais A. Turnout in Elections. *The Oxford Handbook of Political Behavior*. Ed. by R.J. Dalton, H.-D. Klingemann. New York: Oxford University Press, 2007, pp. 621–635. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199270125.003.0033>.

Blais A., Daoust J.-F. *The Motivation to Vote: Explaining Electoral Participation*. Vancouver: UBC Press, 2020. 156 p.

Blais A., Dassonneville R., Kostelka F. Political Equality and Turnout. *The Oxford Handbook of Political Representation in Liberal Democracies*. Ed. by R. Rohrschneider, J. Thomassen. New York: Oxford University Press, 2020, pp. 396–412.

Campbell A., Converse P.E., Miller W.E., Stokes D.E. *The American Voter*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1980 [1960]. 576 p.

Cancela J., Geys B. Explaining Voter Turnout: A Meta-Analysis of National and Subnational Elections. *Electoral Studies*, 2016, 42, pp. 264–275. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2016.03.005>.

Colton T.J. *Transitional Citizens: Voters and What Influences Them in the New Russia*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000. 336 p.

Dalton R.J. *The Participation Gap: Social Status and Political Inequality*. New York: Oxford University Press, 2017. 280 p. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198733607.001.0001>.

Dalton R.J. Party Identification and Its Implications. *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. Ed. by W.R. Thompson. 2021. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.72>.

Dinas E. The Acquisition of Voting Habits. *The Routledge Handbook of Elections, Voting Behavior and Public Opinion*. Ed. by J. Fisher, E. Fieldhouse, M.N. Franklin, R. Gibson, M. Cantijoch, C. Wlezien. London; New York: Routledge, 2018, pp. 108–119.

Fiorina M.P. *Retrospective Voting in American Elections*. New Haven: Yale University Press, 1981. 249 p.

Franklin M.N. with assistance from van der Eijk C., Evans D., Fotos M., Hirczy de Mino W., Marsh M., Wessels B. *Voter Turnout and the Dynamics of Electoral Competition in Established Democracies since 1945*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 277 p.

Freedom House. *Nations in Transit 2022: From Democratic Decline to Authoritarian Aggression*. 2022. Available at: https://freedomhouse.org/sites/default/files/2022-04/NIT_2022_final_digital.pdf (accessed: 15.12.2022).

Frye T., Reuter O.J., Szakonyi D. Political Machines at Work: Voter Mobilization and Electoral Subversion in the Workplace. *World Politics*, 2014, 66(2), pp. 195–228. <https://doi.org/10.1017/S004388711400001X>.

Frye T., Reuter O.J., Szakonyi D. Hitting Them with Carrots: Voter Intimidation and Vote Buying in Russia. *British Journal of Political Science*, 2019a, 49(3), pp. 857–881. <https://doi.org/10.1017/S0007123416000752>.

Frye T., Reuter O.J., Szakonyi D. Vote Brokers, Clientelist Appeals, and Voter Turnout: Evidence from Russia and Venezuela. *World Politics*, 2019b, 71(4), pp. 710–746. <https://doi.org/10.1017/S0043887119000078>.

Gallego A. *Unequal Political Participation Worldwide*. New York: Cambridge University Press, 2015. 252 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139151726>.

Gandhi J., Lust-Okar E. Elections under Authoritarianism. *Annual Review of Political Science*, 2009, 12, pp. 403–422. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.11.060106.095434>.

Geys B. Explaining Voter Turnout: A Review of Aggregate-Level Research. *Electoral Studies*, 2006, 25(4), pp. 637–663. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2005.09.002>.

Golosov G.V. Machine Politics: The Concept and Its Implications for Post-Soviet Studies, *Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*, 2013, 21(4), pp. 459–480.

Goodnow R., Moser R.G., Smith T. Ethnicity and Electoral Manipulation in Russia. *Electoral Studies*, 2014, 36, pp. 15–27. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2014.05.005>.

Gudkov L., Dubin B., Zorkaya N. Rossiyskiye parlamentskiye vybory: elektoral'nyy protsess pri avtoritarnom rezhime [Russian parliamentary elections: electoral process under an authoritarian regime]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya* [The Russian Public Opinion Herald], 2012, 1, pp. 5–31. (In Russian)

Hale H.E. Explaining Machine Politics in Russia's Regions: Economy, Ethnicity, and Legacy. *Post-Soviet Affairs*, 2003, 19(3), pp. 228–263. <https://doi.org/10.2747/1060-586X.19.3.228>.

Hale H.E. Correlates of clientelism: Political economy, politicized ethnicity, and post-communist transition. *Patrons, clients, and policies: Patterns of democratic accountability and political competition*. Ed. by H. Kitschelt, S.I. Wilkinson. Cambridge: Cambridge University Press, 2007, pp. 227–250.

Hutcheson D., McAllister I. Putin versus the Turnout? Mapping the Kremlin's Presidential Election Support. *Russian Politics*, 2018, 3(3), pp. 333–358. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00303002>.

Johnston R. Party Identification: Unmoved Mover or Sum of Preferences? *Annual Review of Political Science*, 2006, 9, pp. 329–351. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.9.062404.170523>.

Kaminska O. Guide to Using Weights and Sample Design Indicators with ESS Data. 2020. Available at: https://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/ESS_weighting_data_1_1.pdf (accessed: 29.11.2022).

Kitschelt H. The Demise of Clientelism in Affluent Capitalist Democracies. *Patrons, Clients, and Policies: Patterns of Democratic Accountability and Political*

Competition. Ed. by H. Kitschelt, S.I. Wilkinson. New York: Cambridge University Press, 2007, pp. 298–321.

Kitschelt H., Wilkinson S.I. (eds). *Patrons, Clients, and Policies: Patterns of Democratic Accountability and Political Competition*. New York: Cambridge University Press, 2007. 392 p.

Kittilson M.C., Anderson C.J. Electoral Supply and Voter Turnout. *Citizens, Context, and Choice: How Context Shapes Citizens' Electoral Choices*. Ed. by R.J. Dalton, C.J. Anderson. New York: Oxford University Press, 2011, pp. 33–54.

Kostadinova T. Voter Turnout Dynamics in Post-Communist Europe. *European Journal of Political Research*, 2003, 42(6), pp. 741–759. <https://doi.org/10.1111/1475-6765.00102>.

Kostelka F. The State of Political Participation in Post-Communist Democracies: Low but Surprisingly Little Biased Citizen Engagement. *Europe-Asia Studies*, 2014, 66(6), pp. 945–968. <https://doi.org/10.1080/09668136.2014.905386>.

Kulagina E.A. Politicheskaya kul'tura rossiyan: motivatsiya uchastiya/neuchastiya v vyborah [Political culture of Russians: motivation for participation / non-participation in elections]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Public Opinion Monitoring], 2007, 4, pp. 20–29. (In Russian)

Kynev A. How the Electoral Policy of the Russian State Predetermined the Results of the 2016 State Duma Elections. *Russian Politics*, 2017, 2(2), pp. 206–226. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00202002>.

Levinson A. Public Attitudes to Politics in Russia, *Russian Politics*, 2019, 4(1), pp. 42–75. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00401003>.

Martinez M.D. Why is American Turnout so Low, and Why Should We Care? *The Oxford Handbook of American Elections and Political Behavior*. Ed. by J.E. Leighley. New York: Oxford University Press, 2010, pp. 107–124. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199235476.003.0007>.

Mamonov M., Gavrilov I., Vyadro M. Evolyutsiya politicheskogo povedeniya rossiyan v elektoral'nom tsikle 2016–2018 gg. [The evolution of the political behavior of Russians in the electoral cycle of 2016–2018]. *Vybory na fone Kryma: elektoral'nyy tsikl 2016–2018 gg. i perspektivy politicheskogo tranzita* [Elections against the backdrop of Crimea: the electoral cycle of 2016–2018. and prospects for political transit]. Ed. by V. Fedorova. Moscow: VTSIOM, 2019, pp. 15–104. (In Russian)

McAllister I. Partisanship and Political Participation. *Research Handbook on Political Partisanship*. Ed. by H. Oscarsson, S. Holmberg. Cheltenham, UK, and Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing, 2020. P. 266–280. <https://doi.org/10.4337/9781788111997>.

McAllister I., White S. Demobilizing Voters: Election Turnout in the 2016 Russian Election. *Russian Politics*, 2017, 2(4), pp. 411–433. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00204002>.

Milayeva O.V., Siushkin A.E., Androsova L.A. Model' «elektoral'nogo bessiliya»: k voprosu ob absenteistском povedenii rossiyan na vyborah [Model of “electoral

impotence”: on the issue of absentee behavior of Russians in elections]. *Politika i Obshchestvo* [Politics and Society], 2017, 7, pp. 28–41. <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2017.7.20831>.

Moser R.G., White A.C. Does electoral fraud spread? The expansion of electoral manipulation in Russia. *Post-Soviet Affairs*, 2017, 33(2), pp. 85–99. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2016.1153884>.

Myagkov M., Ordeshook P.C. *Russian Elections: An Oxymoron of Democracy*. Seattle, WA: The National Council for Eurasian and East European Research, 2008. 31 p. Available at: https://www.ucis.pitt.edu/nceer/2008_822-11_Ordeshook.pdf (accessed: 16.11.2022).

Northmore-Ball K. Increasingly Unequal Turnout in Eastern European New Democracies: Communist and Transitional Legacies versus New Institutions. *Electoral Studies*, 2016, 42, pp. 188–200. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2016.01.012>.

Pacek A.C., Pop-Eleches G., Tucker J.A. Disenchanted or Discerning: Voter Turnout in Post-Communist Countries. *The Journal of Politics*, 2009, 71(2), pp. 473–491. <https://doi.org/10.1017/S0022381609090409>.

Panov P., Ross C. Explanatory Factors for Electoral Turnout in the Russian Federation: The Regional Dimension. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, 2016, 24(3), pp. 351–370.

Plutzer E. Demographics and the Social Bases of Voter Turnout. *The Routledge Handbook of Elections, Voting Behavior and Public Opinion*. Ed. by J. Fisher, E. Fieldhouse, M.N. Franklin, R. Gibson, M. Cantijoch, C. Wlezien. London; New York: Routledge, 2018. P. 69–82.

Rogov K. Russia's 2016 Duma Elections: Ambiguous Triumph and New Challenges for the Regime. *FIIA (The Finnish Institute of International Affairs) Briefing Paper*, 2016, 205. Available at: https://www.fiia.fi/wp-content/uploads/2017/04/bp205_russia_s_2016_duma_elections.pdf (accessed: 16.11.2022).

Rusinova N.L., Safronov V.V. Problema sotsial'nykh neravenstv v zdorov'ye: sravnitel'noye issledovaniye Rossii v yevropeyskom kontekste [The Problem of Social Inequalities in Health: A Comparative Study of Russia in the European Context]. *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 2019, no. 28, pp. 139–161. <https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.562>. (In Russian)

Safronov V.V. Neravenstva elektoral'nogo uchastiya v Rossii: Obzor issledovaniy v sootnesenii s zapadnymi teoreticheskimi modelyami [Inequalities of electoral participation in Russia: A review of research in relation to Western theoretical models]. *Vlast' i elity* [Power and elites], 2022, 9(2), pp. 56–95. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.3>. (In Russian)

Saikkonen I.A.-L. Electoral Mobilization and Authoritarian Elections: Evidence from Post-Soviet Russia. *Government and Opposition*, 2017, 52(1), pp. 51–74. <https://doi.org/10.1017/gov.2015.20>.

Shkel' S.N. Bastiony traditsii: etnicheskii faktor i politicheskiye mashiny v regionakh Rossii [Bastions of tradition: the ethnic factor and political machines in

the regions of Russia]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political studies], 2019, 1, pp. 49–70. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.01.05>. (In Russian)

Shkel' S., Shcherbak A., Tkacheva T. Anatomiya loyāl'nosti: mekhanizmy formirovaniya elektoral'nogo sverkhbol'shinstva v etnicheskikh respublikakh sovremennoy Rossii [Anatomy of Loyalty: Mechanisms for the Formation of an Electoral Supermajority in the Ethnic Republics of Modern Russia]. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Sociological Review], 2022, 21(1), pp. 38–70. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-1-38-70>. (In Russian)

Shpilkin S. Rossiya s dvumya gorbami [Russia with two humps], *Troitskiy variant-Nauka* [Trinity variant-Science], 2016, 214. Available at: <https://trv-science.ru/2016/10/dvugor-baya-rossiya> (accessed: 25.11.2022). (In Russian)

Sirotkina E.V., Karandashova S.A. Loyāl'nost' elit i vybory glav regionov: rol' predvybornykh konfliktov v iskhode golosovaniya [Elite loyalty and elections of heads of regions: the role of pre-election conflicts in the outcome of voting]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political studies], 2017, 6, pp. 76–91. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.06>. (In Russian)

Smets K., van Ham C. The Embarrassment of Riches? A Meta-Analysis of Individual-Level Research on Voter Turnout. *Electoral Studies*, 2013, 32(2), pp. 344–359. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2012.12.006>.

Solt F. Economic Inequality and Democratic Political Engagement. *American Journal of Political Science*, 2008, 52(1), pp. 48–60. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2007.00298.x>.

Stockemer D. What Affects Voter Turnout? A Review Article/Meta-Analysis of Aggregate Research. *Government and Opposition*, 2017, 52(4), pp. 698–722. <https://doi.org/10.1017/gov.2016.30>.

Tkacheva T., Golosov G.V. United Russia's Primaries and the Strength of Political Machines in the Regions of Russia: Evidence from the 2016 Duma Elections. *Europe-Asia Studies*, 2019, 71(5), pp. 824–839. <https://doi.org/10.1080/09668136.2019.1613515>.

Turovsky R., Korneeva E. The Institutional Impact on Voter Turnout: The Case of Russia and Its Regions (2011–2016). *Russian Politics*, 2018, 3(3), pp. 372–395. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00303004>.

Wass H., Blais A. Turnout. *The Sage Handbook of Electoral Behaviour. Vol. 1*. Ed. by K. Arzheimer, J. Evans, M.S. Lewis-Beck. London: Sage, 2017, pp. 459–487.

White A.C., Saikkonen I.A.-L. More Than a Name? Variation in Electoral Mobilisation of Titular and Non-Titular Ethnic Minorities in Russian National Elections. *Ethnopolitics*, 2017, 16(5), pp. 450–470. <https://doi.org/10.1080/17449057.2016.1221186>.

ФАКТОР ЗЮГАНОВА В ПАРТИЙНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ КПРФ

Л.А. Фадеева¹, Д.А. Думлер

(lafadeeva2007@yandex.ru)

Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Пермь, Россия

Цитирование: Фадеева Л.А., Думлер Д.А. Фактор Зюганова в партийной трансформации КПРФ // Власть и элиты. 2023. Т. 10, № 2. С. 170–182.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.7>
EDN ATYUXU

Аннотация. Авторы предлагают оценить фактор Зюганова как лидера КПРФ в партийной трансформации и в процессе поиска российской национально-государственной идентичности. На основе публикаций и выступлений Зюганова выстроена система предлагаемых им ценностей, приоритетов и оснований российской идентичности как державы и цивилизации. Хронологический принцип анализа позволяет представить эту систему не как простое приспособление оппозиционного лидера и возглавляемой им партии к политическому режиму, а как предложение собственных ценностных координат, которые могут быть поставлены в основание российской национально-государственной идентичности. Это делает возможным вывод о том, что фактор Зюганова не только сказался на партийной трансформации КПРФ, но и повлиял на формирование государственной политики идентичности — конструирование национально-государственной идентичности России как державы и цивилизации.

Ключевые слова: Зюганов, Коммунистическая партия Российской Федерации, КПРФ, идентичность, трансформация, держава, цивилизация, государственная политика идентичности.

ЛИЧНОСТНО-СИТУАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ ЛИДЕРСТВА ЗЮГАНОВА

Интерес к КПРФ в политической науке, как российской, так и зарубежной, был активным на этапе постсоветского партийного строи-

¹ Автор для связи.

тельства, когда исследователи сравнивали КПРФ и КПСС, давали характеристики идеологической принадлежности КПРФ, определяли факторы ее электоральных успехов и промахов [Коргунюк, Заславский 1996; Hanson 1995]. При этом лидерский фактор Геннадия Зюганова на протяжении 20 лет существования КПРФ не подвергается сомнению как в организационном, так и в идейно-политическом плане. Такого мнения придерживаются и политологи, и политики: «Труды Зюганова... содержат тезисы и аргументацию, которые в дальнейшем становятся партийной идеологией, а не остаются исключительно личным мнением лидера КПРФ» [Николенко 2015: 9]; «лидер КПРФ действительно является выразителем интересов большинства коммунистов, а не наоборот» [КПРФ: вчера, сегодня, завтра... 2007].

«Зюганов соединил коммунизм с национальными историческими, культурными и духовными ценностями», — замечает К. Мэлфлит, но тут же утверждает, что «КПРФ нельзя квалифицировать как оппозиционную партию в прямом смысле этого слова, но скорее как посредника в ее адаптации режима» [Malfliet 2011: 55]. Адаптивность КПРФ и ее лидера, встраивание партии в политическую систему путинской России, ее опора «на исторические традиции, далекие от коммунистического движения» [Кагарлицкий 2005]¹, оппортунизм во всех смыслах этого слова — общепринятые характеристики КПРФ. Правда, Кирилл Николенко, объясняя консервацию КПРФ после выборов 2011 г., обеспечившую партии комфортное существование, роняет фразу: «Консервация была вызвана тем, что озвучиваемая идеология власти становилась все более схожей с идеями государственничества, патриотизма, национализации, которые исповедует современная Компартия» [Николенко 2015: 47].

Представляется важным определить фактор Зюганова в разработке идей, имевших значение не только для партийной идентификации КПРФ, но и для государственного курса, государственной политики идентичности в современной России. Двадцать монографий Зюганова, его многочисленные статьи и выступления, основательные телевизионные интервью, которые лидер КПРФ охотно, но избирательно дает разным каналам, предоставляют достаточный эмпирический материал для такого исследования. Критика Зюганова его оппонентами включает и такой компонент, как сомнение в авторстве работ, предположение,

¹ Б. Кагарлицкий признан иностранным агентом в 2023 г.

что на Зюганова работает команда, мозговой трест. Специалисты в политической психологии отмечают умение Зюганова подбирать команду, которая работает на него, но в то же время отмечают его обширную эрудицию, сильную логику, умение и желание учиться, интеллектуальную активность [Ракитянский 2004: 210, 217, 219]. Все его публикации и выступления содержат систему аргументации и стилистику, присущие и его многочисленным интервью, в том числе телевизионным, и соответствуют личностным характеристикам.

Биограф Зюганова Анатолий Житнухин не без основания утверждает, что его герой вошел в большую политику весной 1991 г., когда опубликовал открытое письмо А.Н. Яковлеву «Архитектор у развалин» [Житнухин 2007]. Этот текст не столько известен и значительно реже упоминается в исследованиях КПРФ, нежели «письмо Нины Андреевой». Между тем Зюганов характеризовал ситуацию в стране как «раздор, развал, распад, разложение», утверждал, что строительство правового государства на деле «обернулось всеобщим бесправием, расколом общества, парадом непристойностей и полной утерей государственного достоинства», упрекал власть в увеличении через СМИ дозы «ядовитой дезинформации, исподволь отравляющей сознание читателей, зрителей, слушателей, приучающей их не морщась глотать, воспринимать как норму и беспардонную историческую ложь, моральное уродство. Главное — лишить человека способности отличить истину, добро и красоту от лжи, зла и безобразия» [Зюганов 1991].

РАЗРАБОТКА ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРИЕНТИРОВ КПРФ

Когда после сложных политико-правовых перипетий 23 марта 1993 г. КПРФ была зарегистрирована Министерством юстиции РФ и Зюганов избран председателем ЦИК, партия определилась с ролью оппозиции, действующей в рамках закона. «Наша страна исчерпала лимит на революции и прочие потрясения. Мы абсолютно не приспособлены сейчас к борьбе. И слава Богу», — заявил Зюганов в изданной в 1993 г. книге «Драма власти» [Зюганов 1995: 77]. В другой работе с определяющим его мировоззрение названием «Держава» он резюмировал, что «своевременное смещение идеологии Коммунистической партии Российской Федерации в область государственного патриотизма не позволило сделать из нашей партии пугало “экстремистов-большевиков”» [Зюганов 1994: 8]. В этих работах и в деятельности по организации партии в пол-

ной мере проявилась «логика целеустремленности и целесообразности, логика не для философского умствования, а для поиска кратчайшего пути к власти», зафиксированная в портретологии Н. Ракитянского, который отмечал в отношении Зюганова: «...чем опаснее ситуация, тем он решительнее и собраннее. <...> Он не актер и не режиссер. Он организатор» [Ракитянский 2004: 214]. В принятом на II съезде партии (13–14 февраля 1993 г.) политическом заявлении говорилось о приверженности КПРФ «идеям социализма и народовластия». Своими задачами КПРФ ставила «воспрепятствование капитализации страны», «прекращение насильственной приватизации», но лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» в риторике не был сохранен, что вызвало критику со стороны других левых компартий в программном «оппортунизме» [Коргунюк, Заславский 1996]. Один из главных оппонентов Зюганова Александр Тарасов называл КПРФ эрзац социал-демократией [Тарасов 2008].

В новой ситуации лидеру КПРФ надо было определиться с идеологическим основанием партии, что собою представляет русский социализм. Его ответ сформулирован в тезисах «Русский социализм — ответ на русский вопрос» [Зюганов 2006]. Он расшифровывает его через понятие русской идеи, чертами которой называет «самобытность, преемственность, устремленность в будущее, духовность и народность», а политической силой, мировоззрение которой впитало эти черты, называет КПРФ и «широкое народно-патриотическое движение», впитавшее «боль за поруганное Отечество» [Зюганов 2006].

Аналитики называют идеи Зюганова о русском социализме вариантом левого национализма (Борис Кагарлицкий), фашистским национализмом (Стефен Хансон), лево-евразийским популизмом (Александр Дугин) [Дугин 2002]. Основное внимание уделяется зюгановской «аргументации о евразийской России, свободной от западного, особенно американского, влияния» [Malfliet 2011: 55]. Они отмечают глубокое погружение Зюганова в идеи Льва Гумилева и Николая Данилевского, Константина Леонтьева и Николая Бердяева.

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИИ В ИДЕЯХ ЗЮГАНОВА

Ключевые идеи об особом цивилизационном месте России он выразил в книге «Уроки жизни», изданной в 2003 г. Прежде всего он от-

вечает на обвинения России в великодержавном шовинизме, которые называет «волнениями мировой закулисы» [Зюганов 2003]. В действительности, по мнению Зюганова, Россия очнулась, начала осознавать свои подлинные национально-государственные интересы и стремится восстановить «свое естественное положение великой мировой державы». «Устранение Советского Союза в результате “перестроечной” диверсии не дало западной цивилизации ожидаемого преимущества, поставив ее в результате крушения биполярного мира лицом к лицу с целым рядом сложнейших мировых проблем», — замечает он и призывает задуматься о стратегии развития России. «Мы видим в России особый мир, целый “социальный космос” со своими специфическими историческими, геополитическими, мировоззренческими, национальными и экономическими чертами, в которых по-особому преломляются общие закономерности общественного развития». Однако «попытка капиталистической реставрации, подрывающая материальные и духовные основы общества и государства... показала сущностную несовместимость западной буржуазной цивилизации и цивилизации российской». Русскую идею Зюганов называл внутренне присущим народу жизненным качеством, доказывает, что Россия является не государством, а цивилизацией, носителем самостоятельного «культурно-исторического типа». К. Мэлфлит справедливо отмечает, что Зюганов «использовал идею Льва Гумилева об этносе и Николая Данилевского о культурно-историческом типе и усилил их представлением об антагонистической природе международных отношений в духе столкновения цивилизаций Самуэля Хантингтона» [Malflit 2011: 55]. Тарасов яростно восклицал: «Зюганов, являющийся формальным теоретиком партии, тоже не коммунист. Если почитать его книги, вы обнаружите, что в них Зюганов обильно ссылается на Библию и отцов церкви, русских религиозных философов начала XX в. и на идеологов “новой правой” — от Льва Гумилева до Фрэнсиса Фукуямы, но ни в коем случае не на Маркса и Ленина. Рядовые избиратели, голосующие за коммунистов, впрочем, книг Зюганова не читали, а во времена предвыборных кампаний КПРФ паразитирует на протестных и патриотических настроениях и старается не напоминать избирателям, что, по Зюганову, “в России лимит революций исчерпан”» [Тарасов 2002]. Он объясняет поддержку КПРФ на выборах аккумуляцией голосов трех разных категорий избирателей: во-первых, сторонников коммунистических и социалистических идей, во-вторых, тех, кто просто ностальгирует по СССР и жаждет стабильности «как

при Брежнев», а в-третьих, прямо пострадавших от реформ, т.е. собственно протестного электората [Тарасов 2002]. Александр Янов объясняет историческое обоснование позиции Зюганова: «Заговор Запада против России начался не вчера. Еще в XIX веке во время Крымской войны Запад всем скопом навалился на Россию за то, что она своей независимой политикой разоблачила его лицемерие и самоотверженно вступилась за традиционные христианские ценности, давно утраченные Западом. Но в XX веке заговор этот уже перешел все мыслимые границы: Запад внедрил в высшее руководство страны своего резидента Горбачева и его руками разрушил Великую Россию» [Янов 2016: 156].

Зюганов доказывал: «Геополитическая роль России — это роль хранителя уникального многоцветия сообщества народов и государств. Не что иное, как геополитические особенности российской цивилизации предопределили тот факт, что Россия из века в век оказывалась главным препятствием на пути всех без исключения попыток завоевания мирового господства». Он призывал «не просто встать с колен, но и проявить лучшие качества национального характера: доблесть, упорство, терпение» [Зюганов 2003].

ВЗГЛЯДЫ ЛИДЕРА И ПРОГРАММНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПАРТИИ

Одиннадцатый съезд КПРФ 29 октября 2005 г. принял очередную редакцию Устава партии, политический режим в России был назван бонапартистским. 9 февраля 2006 г. Г. Зюганов представил меморандум «О задачах борьбы против империализма и о необходимости международного осуждения его преступлений» с неприятием американского варианта глобализации. В мае 2008 г. на заседании Думы коммунистическая фракция оказалась единственной, проголосовавшей против назначения В. Путина на должность Председателя Правительства РФ из-за несогласия с его курсом. На выборах 2011 г. экономические и социальные вопросы были сформулированы во втором и третьем блоке политической повестки. Первое место заняли международные дела: повышение роли ООН, противодействие блоку НАТО, воссоздание Союза, сотрудничество со странами, где у власти стоят левые силы (Китай, Вьетнам, Латинская Америка).

Предвыборное обещание Зюганова было озаглавлено «Вставайте, люди русские!» В Программе КПРФ 2008 г. слово «русский» встречалось

семь раз. Зюганов развил идеи русского социализма, включив важность православного компонента. В интервью он говорил: «Мы русскую тему специально на пленуме исследуем. Называется она “Защити русскую культуру как основу единства”. Неготовность участвовать в протестных акциях он объяснял предпочтением объединять настроение всех площадей, а не разжигать страсти и сталкивать лбами одних с другими. Я давно пошел на контакт со всеми, кому дорога страна. Для меня это главная партия России». Либеральный Илья Пономарев еще в 2003 г. выражал мнение, что «Зюганов инстинктивно боится любых революционных потрясений и вообще любых потрясений, для него государство — это высшая ценность. Он хороший человек из Орловской глубинки, он реально любит Россию, березки, русских, уважает национальную культуру, поет народные песни — неплохой мужик. Просто к коммунизму, к классовой борьбе он не имеет никакого отношения». И хотя Пономарев язвительно сравнил позицию КПРФ при Кремле как Киса Воробьянинов при Остапе Бендере, но заметил, что «при этом КПРФ, вопреки мнению многих, едва ли не самая здоровая партия из всех действующих в России. В ней присутствует реальная, а не показная внутрипартийная демократия».

Исследования общественного мнения показали, что «самое важное в его образе, что позволяет ему столько лет играть роль лидера в российской политике, — это его ощущение гражданами как человека, органичного нашей культуре и традициям: он воспринимается как очень “свой” 67,5 % опрошенных» (Власть и лидеры... 2019: 536). Если в 1996 г. избиратели обращали внимание на внешние черты — мужественность, манеру говорить, способность нравиться людям, то «в период между парламентскими и президентскими выборами 2011–2012 более чем вдвое увеличилось число тех, кто одобряет его политические взгляды (с 13 до 27,1 %) [Власть и лидеры... 2019: 543], обнаруживает наличие у Зюганова как кандидата стратегии и идеологии».

В 2012 г. Зюганов выступил с призывом «Защитим наши национальные ценности и святыни!», утверждая, что «наша партия во многом является представителем православного мира в делах политики. Она всегда защищала и будет защищать интересы верующих. Мы не раз поднимали и будем поднимать свой голос в защиту наших национальных православных святынь, как и святынь всех других традиционных российских конфессий» [Никто не должен спать спокойно... 2012].

К этому времени Зюганов стал одним из самых узнаваемых лидеров страны, имеющим имидж уверенного и целеустремленного человека,

который никогда не теряет присутствия духа [Власть и лидеры...2019: 204, 205]. Его сдержанность в эмоциональном плане со временем стала восприниматься как проявление силы, а не отсутствие харизмы. Сохранились качества руководителя, учитывающего все возможности и трудности в деятельности КПРФ как элементе политической системы, важность внутренней дисциплины в партии.

В программе КПРФ отмечены как основополагающие ценности «общинность, коллективизм и патриотизм, теснейшая взаимосвязь личности, общества и государства. Отсюда вытекает стремление народа к воплощению высших идеалов правды, добра и справедливости, к равноправию всех граждан независимо от национальных, религиозных и других различий. Эти качества явились важной предпосылкой восприятия массами освободительных и революционных идей» [Программа КПРФ]. Риторика эмансипации остается элементом партийного дискурса, однако основное внимание лидера уделено другим идеям.

ИДЕИ ЗЮГАНОВА В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Основные идеи Зюганова, определенные им еще 20 лет назад, — это Россия как держава и цивилизация, которая должна противодействовать Западу и сохранять независимость и самобытность. С начала своей политической деятельности он характеризует как величайшее преступление развал Советского Союза. Сталин в его системе координат — государственный имперец, антизападник. Александр Дугин резюмирует, что у Зюганова «по меньшей мере есть вектор. Этот вектор, правда, не его. Он его позаимствовал у евразийства, но это второстепенно. <...> Он делает сегодня максимум, что может. И баланс в целом положителен. Напрасно сетуют некоторые, что КПРФ занимает чужое место. Да, занимает. Но если вы сильнее, придите и сбросьте Зюганова с трибуны. А если вы не способны, то не скулите и не нойте. Политика — дело сильных и решительных мужчин» [Дугин 2002].

Многие из выдвинутых Зюгановым идей и ценностей оказываются в мейнстриме политического дискурса. Уже в 2005 г. в Послании Президента Федеральному собранию крушение Советского Союза было признано «крупнейшей геополитической катастрофой века» [Путин 2012]. Впоследствии В.В. Путин неоднократно повторял и обосновывал эту мысль: «Наши национальные и миграционные проблемы напрямую

связаны с разрушением СССР. С распадом страны мы оказались на грани, а в отдельных известных регионах — и за гранью гражданской войны» [Послание Президента РФ... 2023]. Государственная политика идентичности основывается на положении о том, что «Россия — открытая страна, и при этом самобытная цивилизация. В этом утверждении нет никакой претензии на исключительность и превосходство. Но эта цивилизация — наша, вот что главное. Ее нам передали предки, а мы должны сохранить ее для наших потомков и передать дальше» [Послание Президента РФ... 2023].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фактор Зюганова обычно оценивается в плане представленности в парламенте (57 членов парламентской фракции КПРФ в Государственной Думе VIII созыва), в органах региональной власти и местного самоуправления (8569 депутатов на 2021 г.) [Доклад Председателя ЦК КПРФ... 2021]. В декабре 2021 г. в докладе на первом этапе XVIII съезда КПРФ Зюганов записал в заслугу КПРФ конституционные поправки: «Мы потребовали четко определить в Конституции, что президент, правительство и парламент обязаны проводить политику национальных интересов. Партия призвала ясно обозначить государствообразующую роль русского народа в многонациональной семье равноправных народов, ибо слом стержня Державы губителен для всех, кто ее населяет» [Доклад Председателя ЦК КПРФ... 2021]. В то же время он говорил об очередном перепутье для российского политического класса: «Сейчас главный вопрос для Путина — куда идти и с кем идти. Если в глубине души он со своим окружением еще надеется пойти в будущее в обнимку с дядей Сэмом, то удушат и страну и его лично. <...> В Кремле мечтают. Временами представляется, что Путин готов строить геополитический противовес НАТО. Но локомотивом здесь может являться только Китай».

И в официальных обращениях, и в телевизионных интервью Зюганов определяет как ключевые для него как лидера и личности ценности державу и справедливость. Последовательность Зюганова в отстаивании державных ориентиров дает основание полагать, что фактор Зюганова сказался не только на партийной идентификации КПРФ, но и на государственной политике идентичности в современной России.

Литература

Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993–2018) / отв. ред. Е.Б. Шестопал. М.: Весь мир, 2019. 656 с.

Дугин А. КПРФ и евразийство // Евразия. 24.05.2002. URL: <http://evrazia.org/modules.php?file=article&name=News&sid=368> (дата обращения: 05.09.2023).

Житнухин А.П. Геннадий Зюганов. М.: Молодая гвардия, 2007. 368 с.

Кагарлицкий Б.Ю.¹ Управляемая демократия: Россия, которую нам навязали. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. 576 с.

Коргунюк Ю.Г., Заславский С.Е. Российская многопартийность: становление, функционирование, развитие. М.: Фонд ИНДЕМ, 1996. 239 с.

Николенко К.Д. Идеология и практика КПРФ: проблема исторической преемственности и поиск новой политической идентичности. М.: Алисторус, 2015. 220 с.

Ракитянский Н.М. Портретология власти. М.: Наука, 2004. 264 с.

Янов А.Л. Русская идея. От Николая I до Путина. Книга четвертая (2000–2016) М.: Новый хронограф, 2016. 320 с.

Hanson S.E. The Leninist Legacy, Institutional Change, and Post-Soviet Russia // Liberalization and Leninist Legacies: Comparative Perspectives on Democratic Transitions / ed. by B. Crawford, A. Lijphart. Berkely: University of California, 1995. P. 228–252.

Ishiyama J.T. Red Phoenix? The Communist Party in Post-Soviet Russian Politics // Party Politics. 1995. Vol. 2, no. 2. P. 147–173 (Revue d'études comparatives Est-Ouest. 2011/1. N 42).

Malfliet K. The Communist Party of the Russian Federation: not Communist per se // Dans Revue d'études comparatives Est-Ouest. 2011. Vol. 1, no. 42. P. 37–63. <https://doi.org/10.3917/receo.421.0037>.

Seligson A.L., Nucher J.A. Voting for Ex-authoritarian Rulers in Russia and Bolivia // Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization. 2005. No. 13(1). P. 11–44.

Источники

Доклад Председателя ЦК КПРФ Г.А. Зюганова. 04.12.2021. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/201822.html> (дата обращения: 03.09.2023).

Зюганов Г.А. Держава. М.: Информпечать, 1994. 136 с.

Зюганов Г.А. Драма власти. М.: Палея, 1995. 208 с.

Зюганов Г.А. Защитим наши национальные ценности и святыни! 2012. URL: https://kprf.ru/rus_soc/108469.html (дата обращения: 03.09.2023).

Зюганов Г.А. Открытое письмо Зюганова А.Н. Яковлеву. «Архитектор у развалин» // Советская Россия. 1991. 7 мая.

¹ Б. Кагарлицкий признан иностранным агентом в 2023 г.

Зюганов Г.А. Россия — родина моя. Идеология государственного патриотизма. М.: Информпечать, 1996. 336 с.

Зюганов Г.А. Русский социализм — ответ на русский вопрос // URL: <https://kprf.ru/news/articles/we/40891.html> (дата обращения: 02.09.2023).

Зюганов Г.А. Русский стержень Державы. 2020. // URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/194458.html> (дата обращения: 02.09.2023).

Зюганов Г.А. Строитель Державы. К 125-летию со дня рождения И.В. Сталина. 2004. URL: <https://kprf.ru/personal/zyuganov/zarticles/29118.html> (дата обращения: 03.09.2023).

Зюганов Г.А. Уроки жизни. 2003. URL: <https://kprf.ru/personal/zyuganov/zbooks/6486.html> (дата обращения: 02.09.2023).

КПРФ: вчера, сегодня, завтра. В преддверии выборов. Интервью с И. Пономаревым. Часть 1. 21.08.2007. URL: <https://polit.ru/articles/analitika/kprf-vchera-segodnya-zavtra-v-preddverii-vyborov-2007-08-21/> (дата обращения: 12.09.2023).

Никто не должен спать спокойно. Геннадий Зюганов рассказал, как победить 4 марта // Lenta.ru. 23.02.2012. URL: <https://lenta.ru/articles/2012/02/23/zyuganov/> (дата обращения: 07.09.2023).

Послание Президента Российской Федерации от 21.02.2023 г. б/н (Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина с Посланием Федеральному Собранию Российской Федерации). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49010/page/3> (дата обращения: 10.09.2023).

Программа КПРФ. 1995, с поправками 2008. URL: <https://kprf.ru/party/program> (дата обращения: 08.09.2023).

Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23.01.2012. URL: https://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения: 10.09.2023).

Тарасов А. КПРФ, эрзац социал-демократии. 17–18.04.2008. URL: http://scsepsis.net/library/id_1998.html (дата обращения: 12.09.2023).

Тарасов А.Н. Политическая импотенция неизлечима, или Кремль трогательно заботится о престиже своей карманной оппозиции. 07.04.2002. URL: <https://saint-juste.narod.ru/kprf.html> (дата обращения: 12.09.2023).

Указ Президента РФ от 06.12.2018 г. № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43843> (дата обращения: 10.09.2023).

THE ZYUGANOV FACTOR IN THE PARTY TRANSFORMATION OF THE COMMUNIST PARTY OF THE RUSSIAN FEDERATION

L.A. Fadeeva, D.A. Dumler

(lafadeeva2007@yandex.ru)

Perm State National Research University
Perm, Russia

Citation: Fadeeva L.A., Dumler D.A. Faktor Zyuganova v partiynoy transformatsii KPRF [The Zyuganov factor in the party transformation of the Communist Party of the Russian Federation]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2023, 9 (2): 170–182. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.7>
EDN ATYUXU

Annotation. *The authors propose to evaluate the factor of Zyuganov as the leader of the Communist Party of the Russian Federation in party transformation and in the process of searching for Russian national-state identity. Based on the analysis of Zyuganov's publications and speeches, the article represents a system of values, priorities and foundations of Russian identity as a power and civilization that he proposes. The chronological principle of analysis allows to present this system not as a simple adaptation of the opposition leader and the party he leads to the political regime, but as a proposal of its own value coordinates, which can be placed at the basis of the Russian national-state identity. This allows us to conclude that the Zyuganov factor affected not only the party transformation of the Communist Party of the Russian Federation, but influenced the formation of state identity policy — the construction of the national-state identity of Russia as a power and civilization.*

Keywords: *Zyuganov, Communist Party of the Russian Federation, identity, transformation, power, civilization, state identity policy.*

References

Dugin A. KPRF I evraziystvo [The CPRF and Eurasianism]. *Evrazia*. 24.05.2002 Available at: <http://evrazia.org/modules.php?file=article&name=News&sid=368> (accessed: 05.09.2023). (In Russian)

Hanson S.E. The Leninist Legacy, Institutional Change, and Post-Soviet Russia. In: *Liberalization and Leninist Legacies: Comparative Perspectives on Democratic Transitions*. Ed. by Beverly Crawford and Arendt Lijphart. Berkely: University of California, 1995.

Ishiyama J.T. Red Phoenix? The Communist Party in Post-Soviet Russian Politics. *Party Politics*, 1995, 2 (2), pp. 147–173 (Revue d'études comparatives Est-Ouest 2011/1, no. 42).

Kagarlitsky B.Yu.¹ *Upravlyaemaya demokratiya: Rossiya, kotoruyu nam navyazali* [Guided democracy: Russia, which was imposed on us]. Ekaterinburg: Ultra. Kultura Publ., 2005. 576 p. (In Russian)

Korguniuk Yu.G., Zaslavsky S.E. *Rossiyskaya mnogopatiynost: stanovlenie, funktsionirovanie, razvitie* [Russian multi-party system: formation, functioning, development]. Moscow: Fond INDEM Publ., 1996. 239 p. (In Russian)

KPRF: *vchera, segodnya, zavtra. V preddverii vyiborov. Intervyu s I. Ponomarevyim*. Chast 1. 21.08.2007. [CPRF: yesterday, today, tomorrow. On the threshold of the elections. Interview with Ponomarev I. Part 1. 21.08.2007.] Available at: <https://polit.ru/articles/analitika/kprf-vchera-segodnya-zavtra-v-preddverii-vyiborov-2007-08-21/> (accessed: 12.09.2023). (In Russian)

Malfliet K. The Communist Party of the Russian Federation: not Communist per se. *Dans Revue d'études comparatives Est-Oues*, 2011, 1(42), pp. 37–63. <https://doi.org/10.3917/receo.421.0037>.

Nikolenko K.D. *Ideologiya I praktika KPRF: problema istoricheskoy preemstvennosti I poisk novoy politicheskoy identichnosti* [Ideology and practice of the Communist Party of the Russian Federation: the problem of historical continuity and the search for a new political identity]. Moscow: AlistorusPubl., 2015. 220 p. (In Russian)

Rakityansky N.M. *Portretologiya vlasti* [Portraitology of power]. Moscow: Nauka Publ., 2004. 264 p. (In Russian)

Seligson A.L., Nucher J.A. Voting for Ex-authoritarian Rulers in Russia and Bolivia. *Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*, 2005, 13(1), pp. 11–44.

Tarasov A. *KPRF, ersatz sotsial-demokratii* [Communist Party of the Russian Federation, ersatz of social democracy]. 17–18.04.2008. Available at: http://scepis.net/library/id_1998.html (accessed: 12.09.2023). (In Russian)

Vlast i lideryi v vospriyatii rossiyskikh grazhdan. Chetvert veka nablyudeniy (1993–2018) [Power and leaders as perceived by Russian citizens. A quarter of a century of observations (1993–2018)]. Ed. by E.B. Shestopal Moscow: Ves' mir Publ., 2019. 656 p. (In Russian)

Yanov A.L. *Russkaya ideya. Ot Nikolaya I do Putina. Kniga chetvertaya (2000–2016)* [Russian idea. From Nicholas I to Putin. Book four (2000–2016)]. Moscow: Noviy hronograf Publ., 2016. 320 p. (In Russian)

Zhitnukhin A.P. *Gennady Zyuganov* [Gennady Zyuganov]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2007. 368 p. (In Russian)

¹ Б. Кагарлицкий признан иностранным агентом в 2023 г.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ И ПРОТЕСТЫ

ЛЮДИ НЕ ПРЕКРАЩАЮТ БУНТОВАТЬ: АКТОРЫ, СТРАТЕГИИ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ УРОКИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОТЕСТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ

Н.Ю. Лапина

(lapina_n@mail.ru)

Институт научной информации
по общественным наукам РАН
Москва, Россия

Цитирование: Лапина Н.Ю. Люди не прекращают бунтовать: акторы, стратегии, политические уроки социального протеста в современной Франции // Власть и элиты. 2023. Т. 10, №. 2. С. 183–210.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.8>
EDN AYYAYB

Аннотация. *Вступление стран мира в эпоху экономической глобализации сопровождалось ростом нового социального неравенства и массовых протестов. За последние полвека во Франции наблюдались три типа протестных движений. До 1968 г. преобладали традиционные для индустриального общества выступления; 1970–1990-е годы были отмечены появлением новых социальных движений; с начала 2000-х годов Франция стала свидетельницей социальных движений нового поколения, в основе которых лежит борьба за расширение индивидуальных свобод. Наряду с протестными движениями, которые поддаются классификации, во Франции происходили выступления, которые не относятся ни к традиционным, ни к новым социальным движениям (движение «желтых жилетов», городские восстания). Протестная активность рассматривается в рамках концепции разделенных обществ. Задача исследования состояла в том, чтобы показать, что социальные протесты становятся более многооб-*

разными по мере того, как возникают новые общественные расколы. Анализируются мотивация социальных акторов, антикризисные стратегии власти и влияние протестной активности на фрагментацию политического пространства в современной Франции.

Ключевые слова: протестная активность, социальные движения, разделенные общества, фрагментация политического пространства, политическая радикализация, Франция, Э. Макрон, М. Ле Пен, Ж.-Л. Меланшон.

В 1970 г. в США вышла ставшая классической книга социолога Теда Роберта Гарра «Почему люди бунтуют», в ней анализировались причины и суть социальных протестов. С тех пор люди во всем мире бунтовать не перестали. Для Франции социальный протест — тема исключительно острая. О «непокорных галлах» в I в. до н.э. писал Юлий Цезарь, на «невосприимчивых к изменениям галлов» в XXI в. жалуется президент Франции Эмманюэль Макрон.

Через всю историю страны проходят мощные движения протеста, и в этом отношении XXI век не стал исключением. За последние два десятилетия Франция столкнулась с разнообразными протестными движениями. Их движущими силами были разные социальные категории, они различались по интенсивности и избранной протестующими стратегии.

Во французской общественной науке социальным движениям¹ уделяется видное место. Историки изучают преемственность социальных движений, их интересует, как социальный протест развивался в историческом контексте [Histoire des mouvements... 2014]. Политологи стремятся дифференцировать новые социальные движения и социальные движения нового поколения [Бурмо 2021]. С 1970–1980-х годов изучением социальных движений занимаются социологи, представляющие школу Алена Турена. В работах Турена социальные движения рассматривались как ведущая сила общественно-исторического развития. Его интересовали субъекты социального протеста, наличие у них общественного проекта, их способность и готовность к действию. К основным признакам социального движения Турен относил: принцип оппозиционности — социальное движение направлено на изменение общественного порядка; наличие у движения общественного проекта и социальных акторов, готовых этот проект осуществить [Touraine 2005]. Взгляд на социальное движение, сформулированный Туреном,

¹ В российской науке чаще используется понятие «общественные движения».

получил развитие в работах его учеников — Мишеля Вивьорки, Мануэля Кастельса, Франсуа Дюбе.

Российских исследователей всегда интересовала наполненная яркими эпизодами и социальными потрясениями история Франции. В политическом отношении Франция — своеобразная «социальная лаборатория» человечества. В этой стране, как отмечал известный франковед В.П. Смирнов, «рождались такие идеи и начинались такие общественные преобразования, которые потом распространялись в других странах» [Смирнов 2001: 7]. В советское время важнейшими направлениями исследований французской истории были революционные движения.

В постсоветский период классовая борьба перестала рассматриваться как движущая сила исторического развития. О социальных протестах и революциях на время было забыто. Однако сама тема не переставала напоминать о себе. Вступление стран мира в эпоху экономической глобализации сопровождалось ростом нового социального неравенства и массовых протестов. «Движения протеста, пишет историк В.В. Дамье, становятся всякий раз реакцией части общества на определенные кризисные явления той или иной формы экономического развития и политического регулирования и предлагают свои варианты методов и путей разрешения возникших проблем» [Дамье 2015]. Концепцию «революционных волн» в XXI в. сформулировал коллектив авторов, ими были описаны и проанализированы три волны революционных движений в новом столетии [Голдстоун, Гринин, Коротаев 2022].

Исследования протестного движения во Франции чаще всего появляются вслед за очередной волной протестов [Обичкина 2019; Рубинский 2018; Биссон 2019]. В 2023 г. в Институте научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН) вышел номер научного журнала «Актуальные проблемы Европы» (№ 3), посвященный социальным протестам в Европе и мире. В своем понимании протестного движения авторы шли от «опыта отдельных стран к глобальной проблематике, выявляя национальную специфику и движущие силы протеста» [Лапина 2023: 8]. Большое внимание в выпуске уделено французскому опыту [Вивьорка 2023; Чернега 2023].

Протестная активность в статье рассматривается в рамках концепции разделенных обществ [Семененко, Лапкин, Пантин 2021]. Наша задача состояла в том, чтобы показать, что социальные протесты становятся более многообразными по мере того, как в обществе возникают новые расколы. Анализируются мотивация социальных акторов,

антикризисные стратегии власти и влияние протестной активности на фрагментацию политического пространства в современной Франции.

ТРИ ВОЛНЫ ДВИЖЕНИЙ ПРОТЕСТА

Разговор о протестных движениях в современной Франции, как правило, начинается со студенческих выступлений 1968 г. За более чем полвека, прошедшие с тех событий, во Франции наблюдались три типа протестных движений. До 1968 г. преобладали традиционные для индустриального общества выступления. События 1968 г. символизировали исторический переход от индустриального к постиндустриальному обществу, который был отмечен развитием новых социальных движений. С начала 2000-х годов Франция стала свидетельницей социальных движений нового поколения, в основе которых лежит борьба за расширение индивидуальных свобод.

Первая волна — это протесты индустриальной эпохи. В них нашел отражение центральный конфликт индустриальной эпохи — между трудом и капиталом; основной темой этих выступлений было отношение человека к труду, а требования протестующих в основном касались социально-экономических вопросов. Организаторами движений в индустриальную эпоху были профсоюзы, а главной движущей силой — рабочий класс. В последние десятилетия в связи с вовлечением Франции в глобальную экономику; деиндустриализацией, когда предприятия во Франции закрывались, а производство переносилось в другие страны; стабильно высоким уровнем безработицы стало все сложнее выдвигать требования увеличения заработной платы и улучшения условий труда. С конца XX в. у трудящихся Франции было крайне мало социальных побед. Однако это не означает, что традиционные протестные выступления исчезли. Наряду с забастовками к традиционным можно отнести движение против пенсионной реформы, которая изменяла возраст выхода на пенсию с 62 до 64 лет.

Зимой 2023 г. обсуждение пенсионной реформы проходило на фоне массовых протестов. Улица активно пыталась оказать давление на парламент. В выступлениях принимали участие миллионы французов, поскольку пенсионная реформа затрагивает интересы всех категорий граждан. С начала года крупнейшие профсоюзы организовали 13 всеобщих дней действий. Протесты охватили не только самые крупные, но и средние и малые города. Против реформы выступало большинство

французов (70 %). В марте премьер-министр Элизабет Борн объявила об использовании ст. 49.3 Конституции, позволяющей принимать закон без голосования в парламенте. С этого момента протестующие выдвинули политическое требование: проведение референдума по вопросу о пенсиях. Тем не менее закон был принят и с 1 сентября вступил в силу.

Вторая волна протестов — это новые социальные движения. Они возникли в постиндустриальную эпоху и отражали новые общественные расколы. В 1960–1970-е годы средний класс занял центральное место в социальной структуре французского общества, материальное положение его представителей значительно улучшилось. В этих условиях людей стали интересовать не только материальные, но и социальные проблемы: равенство прав женщин и мужчин; состояние экологии и поддержание биоразнообразия; безопасное использование атомной энергии; сохранение языка и культуры отдельных регионов страны. Главными субъектами новых социальных движений были представители среднего класса. Новые движения социального протеста способствовали разрушению традиционных представлений и утверждению новой культуры и большей индивидуальной свободы. Во Франции судьбы новых социальных движений сложились по-разному: одни сохранились и получили дальнейшее развитие (женское и экологическое); другие «растворились», как это произошло с антиядерным движением, которое влилось в экологическое; третьи заглохли (регионалистское) [Вивьорка 2023].

Экологическое движение имеет широкую общественную поддержку. В современной Франции существует множество экологических организаций, которые стремятся внести свой вклад в «зеленый переход». Они регулярно проводят различные по форме выступления — от акций гражданского неповиновения до захвата земли, порчи имущества и экоатак на произведения искусства в музеях. Многие из французских активистов руководствуются идеями шведского эколога Андреаса Мальма, который призывает к Великой октябрьской экологической революции, считая, что добиться успеха в области защиты окружающей среды можно только применяя насилие.

Во втором десятилетии XXI в. недалеко от Нанта, в Нотр-Дам-де-Ланд экологи и местные жители выступили против строительства аэропорта. Активисты прибегли к самозахвату территории, создали на ней «охраняемую зону». На этой территории они попытались реализовать альтернативный образ жизни, основанный на свободе [Бурмо 2021:118].

В 2022 г. в Сен-Солин (департамент Deux Sèvres) было начато строительство искусственных резервуаров, предназначенных для ирригации крупных сельскохозяйственных угодий. В конце 2022 г., а затем в марте 2023 г. здесь проходили выступления, в которых участвовали тысячи человек: фермеры, представители профсоюзов, местные жители. Тон в этих выступлениях задавали радикально настроенные активисты. Вооруженные горючей смесью («коктейлями Молотова») «экотеррористы», как их назвал министр внутренних дел Ж. Дарманен, противостояли силам порядка.

В свою очередь, французские сторонники международной экологической организации Extension Rebellion («Восстание против вымирания») используют ненасильственные формы сопротивления. В 2019 г. они оккупировали центр Парижа — площадь Шатле. Аналогичную акцию экологи провели в апреле 2022 г., развернув на Больших бульварах экологический лагерь. Движение транспорта в этой части Парижа было перекрыто, на Больших бульварах люди занимались йогой, устраивали концерты музыкантов, вместе со специалистами обсуждали проблемы изменения климата. Задача протестующих состояла в том, чтобы привлечь внимание политиков к проблемам экологии.

Третья волна протестов связана с развитием социальных движений нового поколения. Они стали результатом появления нового общественного раскола между сторонниками дальнейшей либерализации нравов, расширения индивидуальных прав и свобод граждан и теми, кто отстаивает status quo в этой сфере. С начала 2000-х годов «открылись новые пути эмансипации»: возникло новое понимание прав человека, связанное с его индивидуальной свободой [Gauchet 2021: 189]. Среди движений нового поколения: новое феминистское движение, в лице движения женщин Me Too (#MeToo); движение в поддержку ЛГБТ-сообщества, в поддержку эвтаназии и смены пола. Как и в новых социальных движениях, главными акторами этих движений являются выходцы из средних классов. Вместе с тем существует отличие: в движениях нового поколения широко представлены высшие социально-профессиональные категории.

Традиционно феминистское движение выступало за равенство прав мужчин и женщин, многие из этих требований в современной Франции удовлетворены. Новый феминизм отличается от традиционного феминизма тем, что обосновывает особые мужскую и женскую идентичности, культивирует в мужчинах чувство вины за то, что они мужчины и уже

в силу этого агрессивны. Этому движению удалось привлечь внимание общества к проблемам насилия в семье, сексуального насилия в обществе, и в этом его несомненная заслуга.

Аналогичная ситуация складывается в новом антиколониальном движении, которое пришло во Францию из США. Его сторонники культивируют в белых людях чувство вины за века колонизации. В их понимании белый человек виновен уже тем, что родился белым. Это движение, как и новый феминизм, крайне агрессивно. Во французских университетах создаются ассоциации, объединяющие людей по цвету кожи, белым французам членство в них закрыто, а если они и присутствуют на заседаниях, то не имеют права голоса. Молодые специалисты, выходцы из этих кругов, полагают, что белые французы не имеют права работать по темам, касающимся колонизации.

Социальные движения в поддержку нового феминизма, трансгендера, ЛГБТ-сообщества нацелены на расширение индивидуальных свобод. Однако парадокс заключается в том, что в отстаивании новых свобод участники движений используют агрессивные методы: исключают возможность дискуссии со своими противниками, а всех, кто не разделяет их взгляды, именуют «врагами человечества» и даже преследуют. Все это создает враждебную атмосферу в обществе, в частности в университетской среде, где эти проблемы широко обсуждаются. По своей форме движения нового поколения сетевые. Их участники ориентированы на проведение отдельных акций, перформансов, которые мгновенно распространяются в соцсетях по всему миру. Социальные выступления принято оценивать с точки зрения численности их участников и интенсивности протестов. Число участников движений нового поколения невелико, но сами движения имеют большой общественный резонанс и широкую поддержку в СМИ.

Наряду с протестными движениями, которые поддаются классификации, во Франции происходили выступления, которые не относятся ни к традиционным, ни к новым социальным движениям, но, как и описанные выше, порождены общественными размежеваниями.

ДВИЖЕНИЕ «ЖЕЛТЫХ ЖИЛЕТОВ»

Принято считать, что социальные протесты являются реакцией на рост неравенства и бедности в обществе. Экономисты, измеряя неравенство, анализируют абсолютные цифры — уровень доходов, соот-

ношение между самыми высокими и самыми низкими доходами. Вместе с тем в современном обществе все чаще возникает новое индивидуализированное понимание материального и социального неблагополучия. В исследовании новых аспектов неравенства ученые обращаются к концепции социальной депривации [Яковлева, Яковлев 2023].

Франция по соотношению между самыми высокими и самыми низкими доходами занимает медианное положение среди стран Еврозоны [Income... 2023]. Тем не менее значимая часть современных французов остро ощущает социальную депривацию — растущий разрыв между социально-экономическими ожиданиями и возможностями их реализации. Две трети из них считают, что в материальном отношении живут хуже родителей. В основе движения «желтых жилетов» лежало осознание протестующими не только социально-экономического неравенства, но и социальной депривации. Это движение, считает географ К. Гиллюи, сформулировавший концепцию «периферийной Франции» [Guilluy 2015], стало протестом людей, которые остались в стороне от модернизации последних десятилетий, связанных с вступлением в глобальную экономику и мир информационных технологий [Лапина 2021b]. Не самые бедные, они много работают, но получают все меньше; страдают от того, что лишены необходимого набора социальных услуг, устали от скудных условий существования и отсутствия перспектив социального роста для себя и своих детей. Прежде молчаливые «обычные люди», вышли из «культурного гетто» и громко заявили о себе.

С ноября 2018 г. протестующие на протяжении более года занимали перекрестки на выезде из городов, блокировали автотрассы и заправочные станции. Движение возникло как реакция на повышение акцизов на бензин и дизельное топливо. Но за этим скрывались острее стоящие социально-экономические проблемы периферийной Франции. В движении наряду с рабочими и служащими участвовали представители низшей страты среднего класса — наемные работники и мелкие предприниматели, самозанятые и пенсионеры. По мере развития движения протестующие, наряду с социально-экономическими (изменение налоговой системы, повышение покупательной способности низких пенсий и зарплат), выдвинули требования политические — проведение референдума по инициативе граждан, отставка правительства и уход президента в отставку.

Движение «желтых жилетов» подпадает под определение «революционных движений без революции» [Голдстоун, Гринин, Коротаяев 2022:

111]. В нем нашел отражение раскол, основанный на социально-экономическом неравенстве в его новой внеклассовой и индивидуализированной версии. Это был массовый протест, который, невзирая на интенсивность и продолжительность, не ставил своей целью свержение существующего политического режима. Движение получило широкую общественную поддержку и в значительной степени способствовало легитимации идеи протеста во французском обществе.

СОВРЕМЕННЫЕ ГОРОДСКИЕ ВОССТАНИЯ

Еще одним протестным движением, которое не вписывается в перечисленные ранее, стали выступления в неблагополучных кварталах французских городов. Во Франции их называют *quartiers sensibles*, или кварталы, требующие повышенного внимания. Хорошо запомнились протесты 2005 г., когда погибли преследуемые полицией подростки. Тогда пригороды столицы полыхали в течение трех недель, было объявлено чрезвычайное положение, более четырех тысяч человек арестованы.

Летом 2023 г. Франция в очередной раз была охвачена городскими восстаниями. Начало им было положено смертью Наэля, 17-летнего француза арабского происхождения, который, находясь за рулем машины, не последовал приказу полицейского остановиться и был убит. Первая манифестация, «белый марш» под лозунгом «Справедливость для Наэля», прошла в Нантере, где он жил. Мирная демонстрация быстро переросла в городское восстание.

Большую роль играл эмоциональный фактор: участников восстания переполняли чувства гнева и несправедливости, они протестовали против полицейского произвола и проявлений расовой дискриминации. В первые два-три дня в пригородах Парижа и Лиона горели государственные учреждения, мэрии, школы, библиотеки. События стали ярким свидетельством делегитимации государственных институтов, пишут исследователи, анализирувавшие городские восстания 2023 г. [Oberti, Guillaume Le Gall 2023]. Тезис о том, что городские восстания являются свидетельством неприятия институтов Республики, поддерживали ведущие политические партии Франции. По данным министерства внутренних дел, были подожжены 105 мэрий, 168 школ стали объектами нападений, были разрушены 273 здания, принадлежавшие силам правопорядка. Большую роль играли социальные сети, которые распространяли яркие картинки с мест: столкновения полицейских с мо-

лодыми людьми на фоне полыхающих зданий. Был в этом протесте, считают специалисты, элемент игры: молодые люди вели себя как дети, играющие в компьютерные игры.

«Коллективная эйфория» способствовала расширению географии массовых выступлений. Вслед за неблагополучными кварталами самых крупных городов Франции восстания охватили мелкие и средние города, преимущественно те, в которых есть свои неблагополучные кварталы и где в 2018 г. имели место выступления «желтых жилетов». Погромы и поджоги сопровождались грабежами магазинов [Émeutes... 2023]. Ущерб, нанесенный экономике, оценивался в 1,5 млрд евро. Немалую роль в событиях лета 2023 г. сыграли криминальные элементы. Они, по мнению специалистов, представляли наиболее организованную силу, претендующую на «контроль» над определенной территорией [Groupuscules... 2023].

Городские восстания летом 2023 г. отличались спонтанностью протеста, скоростью, с которой распространялись, географическим охватом — наряду с пригородами больших городов пылали малые и средние города (всего протестами были охвачены 66 департаментов по сравнению с 25 в 2005 г.), возрастом участников, который по сравнению с 2005 г. снизился с 17 до 14–15 лет. При всей агрессивности участники не стремились к захвату власти, у них не было идеологических или политических требований [Émeutes... 2023].

ВЛАСТЬ В КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЯХ

Социальный кризис — это всегда свидетельство сбоя в механизме урегулирования конфликтов (подробнее см.: [Дука 2022]). В свою очередь, задача власти состоит в поддержании общественного порядка и в конечном счете сохранении устойчивости политической системы. Социальные конфликты повторяются во Франции с завидным постоянством. За прошедшие годы правящая политическая элита научилась урегулировать кризисные ситуации. Э. Макрон — президент, свободный от идеологических ограничений и партийных обязательств. В кризисной ситуации он использовал различные стратегии: от «умиротворения» протестующих, «самоустранения», «поддержки», поддержания порядка/подавления до поиска общественного консенсуса.

Стратегия «умиротворения». Движение «желтых жилетов» (2018–2019), начавшееся через полтора года после прихода к власти Макрона,

стало для него глубоким потрясением. В ситуации, к которой глава государства был не готов, он выжидал, обдумывая дальнейшие действия. В начале декабря было объявлено о серии мер, направленных на удовлетворение части требований протестующих. Ставку сделали на увеличение покупательной способности граждан: повысили самые низкие пенсии и гарантированный минимум оплаты труда, предпринимателям было рекомендовано выплатить рабочим и служащим годовую премию из доходов предприятия¹. Был отменен дополнительный налог на топливо. В целом государство потратило, по разным данным, от 10 до 17 млрд евро [Todd 2020: 277]. Начавшаяся в 2020 г. и продлившаяся два года пандемия COVID-19 положила конец движению «желтых жилетов».

Стратегия «самоустранения». Эту стратегию глава государства избирал неоднократно: в самом начале движения «желтых жилетов», позже в процессе обсуждения пенсионной реформы и после городских восстаний 2023 г. Осенью 2018 г. «разруливать» острую социальную ситуацию было поручено премьер-министру Э. Филиппу. Обсуждение пенсионной реформы с социальными партнерами и затем в парламенте возложили на плечи премьер-министра Элизабет Борн и министра труда Оливье Дюссопа. Именно они встречались с социальными партнерами, вели переговоры с политиками. Им же предстояло стать объектами общественного негодования, когда в январе 2023 г. во Франции начались массовые выступления против реформы.

Президент в дискуссиях о пенсионной реформе участия не принимал, ссылаясь на то, что не вправе нарушать принцип разделения властей. Всякий раз, когда во Франции проходили организованные профсоюзами дни действий, глава государства находился за рубежом. Это была продуманная линия поведения, с тем чтобы не оставаться лицом к лицу с народным протестом. В политической культуре Франции переговоры воспринимаются как слабость. Они начинаются, по мнению политолога П. Труд-Шастене лишь после того, как уже вспыхнули социальные протесты [Труд-Шастене 2014]. В 2023 г. переговорный процесс, по сути, был заблокирован, и пенсионная реформа утверждалась без голосования в парламенте.

¹ Премия не облагается налогом, из нее не делаются социальные вычеты. В 2024 г. ежегодные премии будут распространены на все категории предприятий, которые получили доходы в истекшем году.

Стратегия «поддержки» распространяется прежде всего на социальные движения нового поколения. Не будучи в состоянии предложить эффективные меры, направленные на устранение социально-экономического неравенства и создание работающей системы социальных лифтов, власть концентрирует усилия на предоставлении новых индивидуальных свобод. Социальные движения нового поколения увенчиваются успехом, поскольку пользуются поддержкой политических, интеллектуальных, медийных элит. Чтобы в этом убедиться, достаточно взглянуть на законы последних лет, расширяющие индивидуальные права граждан. В 2013 г. был принят закон об однополых браках. В последующие годы во Франции разрешили смену пола и использование процедуры вспомогательной репродукции для союзов двух женщин или одиноких женщин. В 2020 г. принят закон, позволяющий регистрировать детей, рожденных за границей от суррогатных матерей, хотя в самой Франции суррогатное материнство под запретом. Идя на уступки обществу в вопросах гендера, сексуальности, свободы распоряжаться своим телом, «правящий класс отказывается обсуждать вопрос о том, как можно изменить сложившуюся модель доминирования» [Бурмо, Лапина 2019: 46].

Вместе с тем не все так однозначно. Президент скептически относится к распространению «инклюзивной культуры» и перспективам внедрения «гендерно справедливого» языка, который учитывает гендерное разнообразие. В этом вопросе его поддерживают культурные и политические элиты. Французская академия, в задачи которой входит разработка норм современного французского языка, критически относится к «инклюзивному языку» и принятию третьего пола в качестве языковой нормы. Осенью 2023 г. Сенат проголосовал против модификации юридических актов с учетом требований сторонников «инклюзивного языка».

Стратегия поддержания порядка/подавления. Государство обязано поддерживать общественный порядок и для осуществления этой функции имеет право использовать легитимное насилие. В случае разрешенных протестных акций кортежи манифестантов следуют в установленные часы в запланированном направлении, а полиция сопровождает колонны, чтобы не допустить возможных столкновений. В этом отношении спокойно в течение зимы-весны 2023 г. проходили организованные ведущими профсоюзами всеобщие дни действий.

В отношении несистемных движений все обстоит несколько иначе. Когда движение «желтых жилетов» только начиналось, власти на них

не отреагировали. И только когда протестующие оказались в Париже и устроили не без участия ультралевых сил под названием «черный блок» (black bloc) погром в центре столицы (1 декабря 2018 г. пострадал музей Триумфальной Арки), полиция использовала силу. Столкновения «желтых жилетов» с силами порядка имели тяжелые последствия: к январю 2019 г. 144 «желтых жилетов» и 92 журналиста получили тяжелые ранения, в том числе в результате применения против демонстрантов особых стрелковых систем, которые в ряде европейских странах запрещены. Полиция, отмечал историк Э. Тодд, явно злоупотребила применением силовых методов в противостоянии с «желтыми жилетами» [Todd: 279].

С появлением радикально настроенных акторов и новых форм протеста полиции становится все сложнее обеспечивать безопасность граждан. Самая сложная в этом отношении ситуация сложилась летом 2023 г., когда во Франции вспыхнули городские восстания. Практически с самого начала протест вылился в акты насилия. На подавление беспорядков власти бросили беспрецедентное число полицейских и жандармов (45 тыс.). В результате городских восстаний пострадали 723 полицейских, два человека погибли [Cousin, Alexandre 2023]. Обычно французы жалуются на длительность судебных процедур и мягкость наказаний в отношении погромщиков. Новым в сложившейся ситуации стала быстрая работа судов. За одну неделю во Франции было задержано более 4000 участников погромов, из них 3847 в короткий срок были привлечены к уголовной ответственности [Émeutes... 2023].

Поиск общественного консенсуса во Франции всегда сложен, но это не означает, что попытки в этом направлении не предпринимаются. Макрон — прагматик, он умеет маневрировать, оттягивая время, чтобы взять ситуацию под свой контроль. У президента сложился особый стиль поведения в кризисных ситуациях: он уходит из публичного пространства, берет паузу, за ней следуют неожиданные решения, которые должны позволить «начать все с нуля»¹.

В начале 2019 г. несколько недель после того, как началось движение «желтых жилетов», Макрон объявил о проведении Больших дебатов, проехал по стране, встречаясь главным образом с представителями

¹ Нечто подобное в истории Пятой республики уже происходило. Во время майских событий 1968 г. Ш. де Голль отказался от публичных выступлений, в конце мая покинул страну, возложив на премьер-министра Ж. Помпиду урегулирование социального конфликта.

местной власти, тем самым демонстрируя, что готов к диалогу. Еще одной составляющей тактики президента стало создание консультативных структур. Весной 2019 г. президентом было объявлено о формировании Гражданского конвента по вопросам климата, в работе которого приняли участие избранные методом жеребьевки граждане. После переизбрания Макрона в 2022 г. глава государства объявил о создании другого консультативного органа — Национального совета по перестройке (НСП), в который было предложено войти представителям политических партий, профсоюзов, общественных организаций. У политиков и экспертов новые институты вызывают большие сомнения, поскольку они лишены легитимности и, по сути, дублируют деятельность представительных институтов власти. Их результативность невысока: лишь немногие из предложений Конвента по климату и НСП легли в основу законопроектов.

В течение всего периода обсуждения пенсионной реформы глава государства оставался в тени. После того как реформа была принята, Макрон заявил, что начинается новый период «100 дней умиротворения, единства и действий». Президент обещал согражданам проведение социальных реформ. Однако вместо «умиротворения» во Франции начались городские восстания. Глава государства вновь выдержал паузу, его традиционное выступление в день национального праздника 14 июля было отменено. И лишь в конце июля Макрон дал первое большое интервью французскому телевидению, в котором содержалась оценка произошедших событий. Президент подчеркивал, что главной задачей является «восстановление порядка». Это слово повторялось многократно, имелся в виду не только общественный порядок, но и восстановление авторитета школы, воспитателей, семьи. Было также объявлено, что государство в ближайшем будущем выделит миллиарды для осуществления политики «зеленого транзита». Эти слова были явно адресованы экологистам и всем тем, кто обеспокоен проблемами окружающей среды и изменения климата. Одновременно глава государства обещал французам снижение в будущем цен на энергию за счет развития атомной энергетики [L'ordre... 2023].

В конце лета была озвучена новая инициатива главы государства: объявлено о начале консультаций с руководителями партий, представленных в парламенте. Первая такая встреча состоялась в Сен-Дени 30 августа, на ней наряду с премьер-министром и председателями двух палат парламента присутствовали руководители всех парламентских

партий. Встреча планировалась как попытка выйти из политического тупика, в котором оказались президент и его правительство, лишенные парламентского большинства. Она должна была засвидетельствовать, что страна после бурных летних событий «успокоилась» и политические акторы готовы к компромиссу. Это была очередная акция Макрона в области коммуникации, пишет газета «Ле Монд». Президенту было важно выиграть время, продемонстрировав обществу, что он готов к сотрудничеству с политической оппозицией [Royer 2023]. Результат встречи оказался скромным: удалось договориться о проведении Социальной конференции по вопросам низкой заработной платы и условиям труда.

На второй встрече в Сен-Дени (17 ноября 2023 г.) планировалось обсудить возможность внесения изменений в Конституцию, чтобы расширить перечень вопросов, которые могут быть вынесены на референдум, в частности вопрос об иммиграции. Но и эта встреча не принесла ожидаемого результата. Руководители ряда политических партий не приняли в ней участия, ссылаясь на то, что организованные президентом консультации способствуют сохранению «монархического стиля» управления и являются попыткой «обойти» парламент. Однако подлинную причину отказа следует искать в другом. В июне 2024 г. должны состояться выборы в Европейский парламент, в этом контексте все политические партии заинтересованы не в поиске компромисса с президентом, который не сможет переизбраться в 2027 г., а в том, чтобы упрочить собственные позиции на политической арене.

ПРОТЕСТНАЯ АКТИВНОСТЬ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАДИКАЛИЗАЦИИ

Общественные расколы проецируются на политическую жизнь [Макаренко 2022]. Протестная активность, как мы могли в этом убедиться, также является отражением общественных расколов и, в свою очередь, оказывает воздействие на расстановку политических сил. Анализируя логику трансформации партийно-политической системы Пятой республики, Ю.И. Рубинский отмечал, что она подчинена принципу движения маятника: центростремительные тенденции сменяются центробежными. В первом случае в условиях «поиска умеренными “системными” партиями общего знаменателя» происходит ослабление экстремистских крайних партий, тогда как во втором — усиливаются

радикальные партии [Франция... 2007: 322]. Если принять эту логику, то становится очевидно, что во втором десятилетии XXI в. вторая тенденция стала преобладающей.

Крах системных партий, находившихся у власти в течение 40 лет, и появление на политической арене Макрона с его центристским проектом способствовали фрагментации политического пространства. За последние годы во Франции окрепли на правом фланге праворадикальное «Национальное объединение» (НО) во главе с Марин Ле Пен и созданная накануне президентских выборов 2022 г. партия Эрика Земмура «Реконкиста», на левом — «Непокоренная Франция» (НФ) во главе с бывшим троцкистом Жаном-Люком Меланшоном [Лапина 2019]. Протестная активность еще больше углубляет общественные размежевания, а политические силы, прежде всего радикальные, пытаются использовать протест в своих интересах.

Особенно отчетливо противостояние правых и левых проявилось в момент городских восстаний летом 2023 г. Для «Непокоренной Франции» это был удобный повод громко заявить о себе. В самом начале, когда проходил «белый марш» под лозунгом «Справедливость для Наэля», сторонники партии вышли под лозунгом «Полиция убивает», а Меланшон в многочисленных заявлениях дискредитировал силы порядка, заявляя, что полицейские — откровенные расисты. Лидер партии квалифицировал городские восстания как форму классовой борьбы, реакцию на социально-экономическую несправедливость, видел в них возможное преддверие революции. Меланшонисты готовы использовать любой массовый протест, чтобы превратить его в социальный взрыв. Задача у них одна — свержение Пятой республики и установление парламентской Шестой республики. За этой линией поведения скрывается прямой политический расчет. За Меланшона голосуют французские мусульмане, жители неблагополучных кварталов, которые, как утверждают в партии, являются представителями «нового пролетариата». С их помощью Меланшон рассчитывает набрать дополнительные голоса на президентских выборах 2027 г.

Лидер «Непокоренной Франции» — один из немногих французских политиков, кто в летние дни не призвал погромщиков к порядку. На этой почве в партии и внутри блока левых сил возникли серьезные противоречия. Французская социалистическая партия и Французская коммунистическая партия осудили Меланшона, а рейтинг «Непокоренной Франции» резко снизился. Осенью 2023 г. 57 % опрошенных фран-

цузов считали, что партия представляет угрозу для демократии, 60 % полагали, что НФ «разжигает ненависть» в стране [Timsit 2023]. Радикализация позиций лидера «Непокоренной Франции», полагают эксперты, может быть продуманной стратегией. Ведь чем радикальнее взгляды Меланшона, тем больше ему уделяют внимание средства массовой информации [Politique... 2023].

Партии правого спектра по традиции не участвуют в движениях социального протеста. Для правых популистов ситуация, сложившаяся летом 2023 г. во Франции, как и для левых, явилась хорошим поводом для продвижения собственных идей. Городские восстания должны были подтвердить их основную идею, что центральной проблемой современной Франции является неконтролируемая иммиграция, сопровождающаяся притоком во Францию миллионов людей, представляющих иную культуру и религию, и не стремящихся или неспособных интегрироваться во французское общество. На протяжении летне-осенних месяцев 2023 г. праворадикальные политики стали особенно заметны в медийном пространстве. В многочисленных выступлениях Земмур подчеркивал, что во Франции разворачивается гражданская война на этнической и религиозной почве. А городские восстания — яркий пример войны цивилизаций, которая распространяется на всю Европу. Чтобы покончить с беспределом и остановить рост преступности, политик предлагал остановить прием иммигрантов («иммиграция нулевого уровня»), резко ограничить прием беженцев и процедуру воссоединения семей.

Близкую, но не идентичную интерпретацию событий предложила М. Ле Пен. Она не разделяет тезис по поводу гражданской войны на этнической почве, не поддерживает, по крайней мере на словах, концепцию войны цивилизаций и не считает, что ислам несовместим с Французской республикой. Ле Пен — прагматик, она рассчитывает в ходе выборов на получение голосов части французских мусульман и жителей неблагополучных кварталов. В момент городских восстаний лидер «Национального объединения» главным образом критиковала власть за мягкую политику в отношении нарушителей общественного спокойствия, призывала объявить военное положение и принять самые жесткие меры в отношении погромщиков.

«Национальное объединение» не участвовало в социальных протестах последнего десятилетия, но парадоксальным образом именно эта партия сумела воспользоваться протестной активностью и упрочить

свои позиции. Ле Пен — единственный французский политик, кто вынес серьезные уроки из движения «желтых жилетов». В ходе президентской кампании 2022 г. она сфокусировала внимание на проблемах труда, социальной депривации и моральной униженности простых людей, которые чувствуют, что их труд недооценен. Две трети избирателей Ле Пен поддержали это движение. «Национальное объединение» стало партией, которая выразила «стремление общества к справедливости и уважению человеческого достоинства», превратившись в партию «желтых жилетов», — писал социолог Л. Рубан [Rouban 2022:11, 38]. Эта тактика дала свои плоды: во втором туре президентских выборов за Ле Пен проголосовали 41,4 % избирателей, она получила 13 млн голосов, что на 2,6 млн больше, чем в 2017 г. (10,6 млн). «Национальное объединение» перестало вызывать страха у французов. Осенью 2023 г. опросы, проведенные социологической службой Elabe, показали, что 61 % французов допускают, что Ле Пен может победить на президентских выборах 2027 г. [Orange 2023] и что она лучше, чем другие политики, смогла бы справиться с террористической угрозой [Sondage 2023].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За прошедшие десятилетия социальные протесты во Франции стали еще более многообразными, расширился состав их участников, диверсифицировались требования и мотивы протестующих. Принято считать, что по мере развития общества старые расколы (религиозность — светскость; город — деревня) уходят в прошлое или смягчаются (как, например, социально-экономические расколы), уступая место новым [Макаренко 2022]. В реальности система общественно-политических размежеваний более сложная. Конфликт, в основе которого лежат противоречия социально-экономического характера под влиянием мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. и ухудшения положения жителей «периферийной» части страны, обострился, но при этом его восприятие гражданами стало индивидуализированным. Протестные движения, в основе которых лежат социально-экономические требования, с новой силой возрождаются в странах Запада, примером чему служит опыт США, где в последние несколько лет выросло число забастовок и усиливалось влияние профсоюзов [Травкина]. Схожей динамикой отличается «старый» конфликт между принципами светскости и религиозности, который приобрел в современной Франции новые

очертания и превратился в одну из самых сложноразрешимых общественно-политических проблем [Лапина 2021a].

Движения нового поколения еще больше углубляют конфликт между светским государством, религиозными сообществами и праворадикальными политиками, многие из которых являются противниками расширенного толкования индивидуальных свобод. Ведущим конфликтом в современном мире является глобальный конфликт между силами, которые в национальном и транснациональном измерении выступают в защиту экологии, за сохранение природных ресурсов и биоразнообразия и безопасное использование атомной энергетики, и теми, кто не намерен предпринимать усилий в этом направлении. Острейшей проблемой, которая усиливает старые и новые размежевания в обществе, является массовая и в значительной степени неконтролируемая иммиграция. Различные социальные протесты, новые и ново-старые, наслаиваются один на другой, но не пересекаются.

У современных социальных протестов есть свои особенности. В последние десятилетия протестная активность носит преимущественно внеинституциональный характер. Все реже протестующие в ходе борьбы за свои права обращаются к партиям и профсоюзам (это не относится к социальным протестам индустриального типа). Возросшая протестная активность проявляется в самоорганизации: участники массовых выступлений поддерживают горизонтальную форму взаимоотношений, не стремятся создавать собственную организацию и не выдвигают из своей среды лидеров. У значительной части протестующих отсутствует опыт участия в социальной борьбе.

Есть и еще одна черта, которая объединяет протесты — все чаще массовые выступления сопровождаются насильственными действиями. Американский социолог Т.Р. Гарр связывал политическое насилие с социальной и политической депривацией граждан, их глубокой фрустрацией, когда они не находят других методов, кроме насилия, чтобы заявить о себе [Гарр 2005]. С начала 2000-х годов во Франции усилились крайне-левые и крайне-правые группировки, готовые использовать насилие в качестве политического инструмента [Чернега 2023]. Частыми стали угрозы в адрес народных избранников, нападения на мэров и депутатов.

В условиях глобализации становится все сложнее удерживать социальный протест в национальных границах. Многие современные протесты, возникшие на национальном уровне, являются ответом на гло-

бализацию экономики, как это было с движением «желтых жилетов». Другие, зародившись в одной стране, «разносятся» по планете, порождая новые волны протестной активности. В этом случае важен демонстрационный и коммуникативный эффект. Транснациональные протестные движения «захватывают» цифровое пространство, главным инструментом мобилизации в них являются социальные сети, позволяющие мгновенно распространять информацию и создающие «виртуальную общность». Объединение национального с транснациональным, пишет политолог Д. Бурмо, «приводит к трансформации исходной идейной основы путем ассимиляции/импорта элементов, заимствованных извне» [Бурмо 2021: 126, 132].

Транснациональной логике более всего соответствует движение в защиту экологии, объединяющее протестующих в разных странах и регионах мира. Транснациональный характер приобрело движение против произвола полиции, начавшееся США в связи с убийством полицейским афроамериканца Дж. Флойда. Протест в считанные часы «пересек» Атлантический океан и нашел поддержку в Европе. Летом 2020 г. по Франции прокатились протесты под лозунгом «Жизни чернокожих имеют значение». Эти выступления были очень эмоциональными, в знак солидарности протестующие, среди них были и полицейские, ложились на землю, тем самым напоминая, что лежавшего на земле Флойда в течение нескольких минут душил полицейский. Американский лозунг автоматически был перенесен во Францию, хотя французский исторический и политический контекст принципиально отличается от американского. «Трансфер идей обеспечивается не только благодаря тому, что социальные сети облегчают коммуникацию. Они также подбивают потребность самостоятельно мыслить» [Бурмо 2021: 126]. Транснациональную протестную активность отличает мерцательная динамика: протесты вспыхивают, распространяются в пространстве, а затем затухают, чтобы вспыхнуть вновь.

Все большее влияние на социальные протесты в глобальном мире оказывают внешние и международные факторы. В литературе уже отмечалось, что внешние акторы в лице НКО оказали влияние на «цветные революции» в начале 2000-х годов [Голдстоун, Гринин, Коротаев 2022]. Иная ситуация сложилась во Франции осенью 2023 г. Военный конфликт между Израилем и Хамас расколол французское общество. В стране, которая традиционно оказывала поддержку Палестине и палестинцам, начались массовые выступления против израильской агрес-

сии. Особое место в них принадлежало представителям «Непокоренной Франции» и лично Ж.-Л. Меланшону. Внешнее военное противостояние привело во Франции к росту числа нападений и оскорблений в адрес евреев. По данным министерства внутренних дел, за один лишь месяц начиная с 7 октября, когда начался военный конфликт, их число достигло 1040 [Actes... 2023]. В ответ на эти акции во Франции проводились манифестации против антисемитизма, в которых участвовали представители разных партий, в том числе «Национального объединения» во главе с Ле Пен.

Во Франции традиционно существует раскол между обществом и элитой. Он еще больше усиливается из-за непонимания властями того, что больше всего волнует граждан. Антикризисная правительственная политика традиционно направлена на то, чтобы залить социальный протест государственными деньгами. При этом экзистенциальные проблемы протестующих — качество образования, труда, условия проживания, доступ к жилью, социальная мобильность — десятилетиями не решаются. В современном мире раскол между элитой и обществом приобретает новое, культурно-религиозное измерение. Элиты, а вместе с ними высшие страты среднего класса высказываются за предоставление все больших индивидуальных свобод гражданам, тогда как большинство французов (68 %) считают, что Франции нужны не новые свободы, а сильная власть и порядок [Baromètre... 2023].

Системное взаимное непонимание, сложившееся между обществом и политической элитой, растущие расколы внутри общества, радикализация и фрагментация политического пространства создают объективные условия для нарастания протестной активности. Когда летом 2023 г. также неожиданно, как начались, завершились городские восстания, многие эксперты задавали вопрос: где могут вспыхнуть новые социальные протесты и кто станет их основным актором? Ответ на этот вопрос отсутствует.

Литература

Биссон Л.С. Движение «желтых жилетов» как определяющий элемент социально-политической жизни Франции // Европейская аналитика 2019 / отв. ред. К.Н. Гусев. М.: ИЕ РАН, 2019. С. 46–55. <https://doi.org/10.15211/978-5-98163-143-6.06>.

Бурмо Д., Лапина Н.Ю. Движение «желтых жилетов»: взгляд из России и Франции // Россия и современный мир. 2019. № 3. С. 37–63. <https://doi.org/10.31249/ape/2021.03.03>. EDN MYFZSG.

Бурмо Д. Две Франции через призму социальных движений // Актуальные проблемы Европы. 2021. №3. С.113–135. <https://doi.org/10.31249/ape/2021.03.03>. EDN PQBUXC.

Вивьорка М. Социальные движения во Франции (1968–2023) // Актуальные проблемы Европы. 2023. №3. С. 55–74. <https://doi.org/10.31249/ape/2023.03.03>. EDN JZUGTP.

Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005. 464 с.

Голдстоун Дж. А., Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Волны революций XXI столетия // Полис. Политические исследования. 2022. № 4. С. 108–119. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.09>. EDN DVNOBV.

Дамье В.В. Социальные движения протеста в начале XXI века // Социальные движения и социальная политика в XX веке / отв. ред. В.В. Дамье. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 214–258.

Дука А.В. Элиты в кризисном обществе // Власть и элиты. 2022. Т. 9, № 1. С. 5–36. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.1.1>. EDN NHCUYD.

Лапина Н.Ю. Контуры нового политического лидерства // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 2. С.8–20. <https://doi.org/10.31249/ape/2019.02.01>. EDN YVYKQP.

Лапина Н.Ю. (а) «Исламский фактор» и общественно-политическая дискуссия по вопросам иммиграции в современной Франции // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 11. С. 97–105. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-11-97-105>. EDN YVNNLQ.

Лапина Н.Ю. (b) Общество утраченных иллюзий // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 3. С.85–112. <https://doi.org/10.31249/ape/2021.03.04>. EDN ZAGXOE.

Лапина Н.Ю. Социальный протест в глобальном мире // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 3. С.7–31. <https://doi.org/10.31249/ape/2023.03.01>. EDN KWCTFP.

Макаренко Б.И. Фрагментация партийных систем: причины, сценарии, следствия // Мировая экономика и международные отношения. 2022. № 12. С. 16–26. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-12-16-26>. EDN ZRJOGR.

Обичкина Е.О. Социально-политический кризис во Франции: «желтые жилеты» и завершение «первой фазы» правления Э. Макрона // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 2 (65). С. 101–135. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-2-65-101-135>. EDN MQYRKK.

Рубинский Ю.И. Приметы времени. Т. 3 Франция на новых рубежах. М.: ИЕ РАН, 2018. 383 с.

Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 56–77. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.07>. EDN DTBRYE.

Смирнов В.П. Франция в XX веке. М.: Дрофа, 2001. 350 с.

Труд-Шастене П. Социальные движения протеста во Франции (интервью с профессором политических наук Университета Бордо П. Труд-Шастене) // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 6. С. 124–125. EDN SHLUET.

Франция. В поисках новых путей / отв. ред. Ю.И. Рубинский. М.: Весь мир, 2007. 624 с.

Чернега В.Н. Проблема насилия в протестных движениях // Актуальные проблемы Европы. 2003. № 3. С. 173–193. <https://doi.org/10.31249/ape/2023.03.09>. EDN SUCSMB.

Яковлева Н.М., Яковлев П.П. Латинская Америка: гражданский активизм и протестный потенциал общества // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 3. С. 238–255. <https://doi.org/10.31249/ape/2023.03.12/>. EDN LLBVLР.

Gauchet M., Conan E., Azouvi F. Macron, les leçons d'un échec. Comprendre le malheur français II. Paris: Ed. Stock, 2021. 303 p.

Guilluy Ch. La France périphérique: Comment on a sacrifié les classes populaires. Paris: Flammarion, 2015. 192 p.

Histoire des mouvements sociaux en France de 1814 à nos jours / ed. by M. Pigenet, D. Tartakowsky. Paris : La Découverte, 2014 800 p.

Oberti M., Guillaume Le Gall M. Analyse comparée et socio-territoriale des émeutes de 2023 en France. URL: <https://www.sciencespo.fr/com/news/article-analyse-emeutes-2023-marco-oberti-maela-guillaume-le-gall.pdf> (дата обращения: 20.10.2023).

Sondage ELABE pour BFMTV “L’Opinion en direct”: Les Français favorables à des mesures plus fermes pour faire face à la menace terroriste. URL : <https://e.mail.ru/newsletters/0:17018853292096616214:500013/> (дата обращения: 6.12.2023).

Rouban L. *La vraie victoire du RN*. Paris, Les Presses de Sciences Po, 2022. 131 p.

Todd E. *Les luttes de classes en France au au XX-e siècle*. Paris: Seuil, 2020. 373 p.

Touraine A. *Un nouveau paradigme. Pour comprendre le monde d'aujourd'hui*. Paris: Fayard, 2005. 315 p.

Источники

Травкина Н.М. Доклад ««Возвращение к забастовочным формам борьбы за социально-экономические права в США». Общероссийская конференция «Социальный протест в современном мире», 16 ноября 2023, ИНИОН РАН. URL: <http://inion.ru/ru/about/news/?category=4> (дата обращения: 20.11.2023).

Actes antisémites : ces chiffres qui montrent leur “explosion” en 2023. URL: <https://www.lexpress.fr/societe/antisemitisme-en-france-ces-chiffres-qui-montrent-une-inquietante-progressionMUOMENUBU5DZLKSERMLQM26B4/#:~:text=Se lon> (дата обращения: 8.11.2023).

Baromètre de la confiance politique. 2023. Vague 14. Available at: [https://www.sciencespo.fr/cevipof/sites/sciencespo.fr/cevipof/files/Barometre%20de%201a%20confiance%20en%20politique%20-%20vague%2014%20-%20Fevrier%202023%20-%20vFR.pdf%20\(1\).pdf](https://www.sciencespo.fr/cevipof/sites/sciencespo.fr/cevipof/files/Barometre%20de%201a%20confiance%20en%20politique%20-%20vague%2014%20-%20Fevrier%202023%20-%20vFR.pdf%20(1).pdf) (дата обращения: 5.03.2023).

Cousin V. et Alexandre V. “Interpellations, voitures brûlées, bâtiments dégradés... Les émeutes en chiffres, nuit par nuit” // *Le Parisien*, 3 juillet. 2023. URL: <https://www.leparisien.fr/faits-divers/interpellations-voitures-brulees-batiments-degrades-les-emeutes-en-chiffres-nuit-par-nuit-03-07-2023-S7M7QZT5TBC63IC6AAC7XTBETQ.php> (дата обращения: 4.07.2023).

Émeutes de l'été 2023: premiers constats sur les profils des personnes interpellées. URL: <https://www.vie-publique.fr/en-bref/291096-violences-urbaines-premier-rapport-sur-les-emeutes-de-lete2023> (дата обращения: 20.11.2023).

Emeutes: Revivez l'audition de Gérald Darmanin au Sénat. URL: <https://www.publicsenat.fr/actualites/politique/emeutes-suivez-en-direct-laudition-de-gerald-darmanin-au-senat> (дата обращения: 5.07.2023).

Groupuscules violents lors des manifestations : audition d'Alain Bauer. Assemblée Nationale, 6. 07.2023. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5V8h8U22xjI> (дата обращения: 16.07.2023).

«L'ordre, l'ordre, l'ordre», «un prof devant chaque classe», des «milliards» verts... Ce qu'il faut retenir de l'interview d'Emmanuel Macron // *Libération*. P. 2023 24 juillet. URL: https://www.liberation.fr/politique/ordre-ordre-ordre-prof-devant-chaque-classe-et-milliards-verts-ce-quil-faut-retenir-de-linterview-demmanuel-macron-20230724_XN5W5EFPDVBZXO2RAH2WGP5JY4/ (дата обращения: 15.07.2023).

Politique: Les partis fracturés par la guerre à Gaza. C'est dans l'air, 31 oct. 2023. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BbIYGbBncaU> (дата обращения: 5.11.2023).

Pour 61 % des Français, Marine Le Pen “peut gagner en 2027”, selon un sondage Elabe/BFMTV. URL: <https://actu.orange.fr/videos/politique/pour-61-des-francais-marine-le-pen-peut-gagner-en-2027-selon-un-sondage-elabe-bfmtv-CNT0000027lc63.html> (дата обращения: 10.12.2023).

Royer de S. Certains pointeront le décalage entre le caractère spectaculaire des Rencontres de Saint-Denis et ce sur quoi elles ont abouti // *Le Monde*. 1 sept. 2023. URL: https://www.lemonde.fr/politique/article/2023/09/01/la-nuit-de-saint-denis-au-miroir-des-paradoxes-d-emmanuel-macron_6187377_823448.html (дата обращения: 2.09.2023).

Timsit J. La France Insoumise perçue comme plus dangereuse pour la démocratie que le RN, selon un sondage // *Le Figaro*. 11.10 2023. URL: <https://www.lefigaro.fr/politique/la-france-insoumise-percue-comme-plus-dangereuse-pour-la-democratie-que-le-rn-selon-un-sondage-20231011> (дата обращения: 26.10.2023).

PEOPLE DO NOT STOP REBELLING: ACTORS, STRATEGIES, POLITICAL LESSONS FROM SOCIAL PROTESTS IN MODERN FRANCE

N.Y. Lapina

(lapina_n@mail.ru)

Institute of Scientific Information on Social Sciences,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

Citation: Lapina N. Lyudi ne prekrashchayut buntovat': aktery, strategii, politicheskiye uroki aktivnogo protesta v sovremennoy Frantsii [People do not stop rebelling: actors, strategies, political lessons from social protests in modern France], *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2023, 10 (2): 183–210. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.8>

EDN AYYAYB

Abstract. *The entry of the countries of the world into the era of economic globalization was accompanied by the growth of new social inequality and mass protests. Over the past half century, France has seen three types of protest movements. Until 1968, traditional speeches for industrial society prevailed; 1970–1980s. were marked by the development of new social movements; since the early 2000s, France has witnessed a new generation of social movements based on the struggle for greater individual freedoms. Along with protest movements that can be classified, there have been protests in France that do not belong to either traditional or new social movements (the “yellow vest” movement, urban uprisings). Protest activity is considered within the framework of the concept of divided societies. The aim of the study was to show that social protests are becoming more diverse as new cleavages emerge in society. The motivation of social actors, anti-crisis strategies of the authorities and the influence of protest activity on the fragmentation of political space in modern France are analyzed.*

Keywords. *Protest activity, social movements, divided societies, fragmentation of political space, political radicalization, France, E. Macron, M. Le Pen, J.-L. Mélenchon.*

References

Bisson L. Dvizhenie «zheltyh zhiletov» kak opredelyayushchij element social'no-politicheskoy zhizni Francii [The «yellow jackets» movement as the determining element of social and political life of France]. *Evropejskaya analitika 2019* [European

analytics 2019]. Ed. by K.N. Gusev. Moscow: Institute of Europe Russian Academy of Sciences, 2019, pp. 46–55. <https://doi.org/10.15211/978-5-98163-143-6.06>. (In Russian)

Bourmaud D. Dve Frantsii cherez prizmu sotsialnih dvizheniy [Two France through the prism of social movements]. *Aktual'nye problemy Evropy* [Current problems of Europe], 2021, 3, pp.113–135. <https://doi.org/10.31249/ape/2021.03.03>. EDN PQBUXC. (In Russian)

Bourmaud D., Lapina N.Yu. Dvizhenie «zheltyh zhiletov»: vzglyad iz Rossii i Francii [Movement of “Yellow Vests”: View from Russia and France]. *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the contemporary world], 2019, 3, pp. 37–63. <https://doi.org/10.31249/rsm/2019.03.03>. EDN MYFZSG. (In Russian)

Chernega V.N. Problema nasiliya v protestnykh dvizheniyah [The problem of violence in protest movements]. *Aktual'nye problemy Evropy* [Current problems of Europe], 2023, 3, pp. 173–193. <https://doi.org/10.31249/ape/2023.03.09>. EDN SUCSMB. (In Russian)

Damier V.V. Social'nye dvizheniya protesta v nachale XXI veka [Social protest movements at the beginning of the XXI century]. In: *Social'nye dvizheniya i social'naya politika v XX veke* [Social movements and social policy in the XXth century]. Ed by V.V. Damier. Moscow: Institute of World history Russian Academy of Sciences, 2015, pp. 214–258. (In Russian).

Duka A.V. Elity v krizisnom obshchestve [Elites in a crisis society]. *Vlast' i elity* [Power and Elites]. 2022, 9(1), pp. 5–36. (In Russian)

Franciya. V poiskah novykh putej [France. In search of new paths]. Ed. by Yu.I. Rubinsky. Moscow: Ves' mir Publ., 2007. 624 p. (In Russian)

Garr T.R. *Pochemu lyudi buntuyut* [Why people rebel]. St. Petersburg: Piter Publ., 2005. 464 p. (In Russian)

Gauchet M. avec Conan E. et Azouvi F. *Macron, les leçons d'un échec. Comprendre le malheur français II*. Paris: Ed. Stock, 2021. 303 p.

Goldstoun Dzh. A., Grinin L.E., Korotaev A.V. Volny revolyucij XXI stoletiya [Waves of revolutions in the 21 st century], *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2022, pp. 108–119. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.09>. EDN_DVNOBB. (In Russian)

Guilluy Ch. *La France périphérique: Comment on a sacrifié les classes populaires*. Paris: Flammarion, 2015. 192 p.

Histoire des mouvements sociaux en France de 1814 à nos jours. Ed. by M. Pigenet, D. Tartakowsky. Paris: La Découverte, 2014. 800 p.

Lapina N. Yu. Kontury novogo politicheskogo liderstva [The contours of the new political leadership]. *Aktual'nye problemy Evropy* [Current problems of Europe], 2019, 2, pp. 8–20. <https://doi.org/10.31249/ape/2019.02.01>. EDN YVYKQP. (In Russian)

Lapina N. Yu. (a) «Islamskij faktor» i obshchestvenno-politicheskaya diskussiya po voprosam immigracii v sovremennoj Francii [“Islamic factor” and socio-political debate on immigration in modern France]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye*

otnosheniya [World economy and international relations], 2021, 65(11), pp. 97–105. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-11-97-105>. EDN YVNNLQ. (In Russian)

Lapina N.Yu. (b) Obshchestvo utrachennyh illyuzij [Society of lost illusions]. *Aktual'nye problemy Evropy* [Current problems of Europe], 2021, 3, pp. 85–112. <https://doi.org/10.31249/ape/2021.03.04>. EDN ZAGXOE. (In Russian)

Lapina N.Yu. Social'nyj protest v global'nom mire [Social protest in the global world], *Aktual'nye problemy Evropy* [Current problems of Europe], 2023, 3, pp. 7–31. <https://doi.org/10.31249/ape/2023.03.01>. EDN KWCTFP. (In Russian)

Makarenko B.I. Fragmentaciya partijnyh sistem: prichiny, scenarii, sledstviya [Fragmentation of European party systems: prerequisites, scenarios, sequences]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations], 2022, 66(12), pp. 16–26. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-12-16-26>. EDN ZRJOGP. (In Russian)

Oberti M., Guillaume Le Gall M. *Analyse comparée et socio-territoriale des émeutes de 2023 en France*. Available at: <https://www.sciencespo.fr/com/news/article-analyse-emeutes-2023-marco-oberti-maela-guillaume-le-gall.pdf> (accessed: 20.10.2023).

Obichkina E.O. Social'no-politicheskij krizis vo Francii: «zheltye zhilye» i zavershenie «pervoj fazy» pravleniya E. Makrona [Political Crisis in France: “Gilets Jaunes” and the End of the “First Period” of the Emmanuel Macron’s Governance]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], 2019, 2, pp. 101–135. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-2-65-101-135>. EDN MQYPPK. (In Russian)

Rouban L. *La vraie victoire du RN*. Paris: Les Presses de Sciences Po, 2022. 131 p.

Rubinsky Yu.I. *Primety vremeni. T.3 Franciya na novyh rubezhah* [Signs of the times. Vol. 3. France at new frontiers]. Moscow: IE RAN Publ., 2018. 383 p. (In Russian)

Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I. Social'nye razmezhevaniya I politicheskie protivostoyanie v nauchnom diskurse: kriterii ocenki I klassifikacii [Social divisions and political confrontations in scientific discourse : evaluation and classification criteria]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2021, 5, pp. 56–77. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.07>. EDN DTBRYE. (In Russian)

Smirnov V.P. *Franciya v XX veke* [France in the 20th century]. Moscow: Drofa Publ., 2001. 350 p. (In Russian)

Todd E. *Les luttes de classes en France au au XX-e siècle*. Paris: Seuil, 2020. 373 p.

Touraine A. *Un nouveau paradigme. Pour comprendre le monde d'aujourd'hui*. Paris: Fayard, 2005. 315 p.

Troude-Chastenet P. Social'nye dvizheniya protesta vo Francii [The Social Movement of Protest in France]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations], 2014, 6, pp. 124–125. EDN SHLUET. (In Russian)

Wieviorka M. Social'nye dvizheniya vo Francii (1968–2023) [Social movements in France (1968–2023)]. *Aktual'nye problemy Evropy* [Current problems of Europe], 2023, 3, pp. 55–74. <https://doi.org/10.31249/ape/2023.03.03>. EDN JZUGTP. (In Russian)

Yakovleva N.M., Yakovlev P.P. Latinskaya Amerika: grazhdanskij aktivizm i protestnyj potencial obshchestva [Latin America: civic activism and protest potential of the society]. *Aktual'nye problemy Evropy* [Current problems of Europe], 2023, 3, pp. 238–255. <https://doi.org/10.31249/ape/2023.03.12>. EDN LLBVL. (In Russian)

ЭТАПЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ В ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНОЙ РОССИИ

О.Д. Цепилова

(tsepilova@mail.ru)

Социологический институт ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Цепилова О.Д. Этапы институционализации экологического протестного движения в постперестроечной России // Власть и элиты. 2023. Т 10, № 2. С. 211–233.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.9>
EDN BCGYBR

Аннотация. *В рамках мобилизационного и институционального подходов проводится анализ развития протестного экологического движения постперестроечной России. Специальное внимание уделяется роли государственных и политических структур в побуждении и сдерживании экологической протестной активности. Выделяются шесть этапов развития движения, имеющих различия в использовании институциональных практик. Оценивается укорененность и эффективность использования этих практик для достижения поставленных целей. В ходе исследования выявлено, что в России процесс институционализации экологического протестного движения был фрагментарным, не имеющим устойчивых характеристик. Между тем вовлеченность в различные институциональные практики на всех без исключения этапах развития движения с начала перестройки до настоящего времени способствовала формированию экологического протестного сообщества в единое целое, укрепила консолидацию его участников и в конечном итоге помогла ядру зеленого движения выжить. Сегодня протестное экологическое движение, пытаясь сохранить свою идентичность и базовые ценности, находится в поиске новых форм существования, эффективных тактик и долговременной стратегии развития.*

Ключевые слова: *экологическое протестное движение, мобилизация, институционализация, неправительственные общественные организации (НПО), политическая повестка.*

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретической основой исследования является теория мобилизации ресурсов [McCarthy, Zald 1977; Edwards, McCarthy, Mataic 2018; Gamson 2011; Tilly 2005; Zald 2005]. Важно отметить, что исследователи, придерживающиеся этого подхода, считают крайне важным анализ социальных, экономических и политических структур, давая прогнозы вероятного возникновения движения либо анализируя конкретные характеристики его развития. Важным исследовательским срезом в рамках названной теории является анализ институциональных форм развития протестного общественного движения. Принципиальным в данном исследовании автор считает акцент на значительном внимании приверженцев теории к анализу социально-политического и экономического контекста, в котором зарождается и развивается протестное движение, к роли государственных и политических структур в побуждении либо ограничении протестной активности, к формам взаимодействия движения с официальными структурами.

Наиболее важные для настоящего исследования положения теории мобилизации ресурсов были впоследствии развиты в теории структуры политических возможностей [Klandermans, 2017; Offe, 2017; Rucht, 2017]. В частности, в рамках названного теоретического подхода рассматривались характерные черты институционализации общественных движений, когда социальные практики протестного движения в определенных формах становились институциональными. Здесь наиболее существенными представляются организационные формы протестного движения, уровень консолидации, степень профессионализация и коммерциализации движения, включение в институциональную деятельность движения в целом или отдельных его членов, внесение требований протестующих в повестку дня официальной политики, взаимодействие движения либо отдельных его представителей с легальными политическими партиями и иными политическими организациями.

Среди отечественных и зарубежных исследований различных аспектов развития экологического протестного движения в современной России выделим следующие работы: [Давыдова, Усачева 2009; Халий 2010; Доусон, Цепилова 1993; Цепилова 2002; Цепилова, Гольбрайх 2020; Яницкий 2009; Henry 2014].

Основные результаты и выводы, обсуждаемые в статье, получены на основе двух серий углубленных интервью с член-корреспондентом РАН, лидером общественного экологического движения России А.В. Яблоковым (2013, 2016 гг.), двадцати углубленных интервью с лидерами ведущих экологических неправительственных организаций (НПО) России, анализа официальных документов, электронных и сетевых ресурсов (в том числе экологические рассылки green_mov@seu.ru, seu_discuss@seu.ru, enwl@enw.net.ru).

ЭТАПЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ

Подъем

1986–1991 гг. (инициальная фаза). Отправной точкой развития массового экологического движения в СССР и далее в России (после распада СССР в 1991 г.) становится конкретное общественно-политическое экологически релевантное событие — Чернобыльская катастрофа 26 апреля 1986 г. С одной стороны, после чернобыльской трагедии стало невозможно игнорировать и замалчивать в публичном дискурсе экологические проблемы общества. С другой стороны, официальные власти уже были не в состоянии сдерживать назревшие политические изменения в стране и вынуждены открывать некоторые каналы «выхода» с трудом сдерживаемого недовольства населения. Структура политических возможностей находилась в состоянии постоянного изменения. Демократизация и гласность, заявленные как направления политики обновления социализма, создали условия для возникновения и легализации в 1986 г. ряда организаций общественных движений [Доусон, Цепилова 1993: 117]. «Ряд юридических норм (Положение о любительских объединениях 1986 г.; Закон о выборах 1988 г.; в некотором отношении Закон о забастовках 1989 г.) легитимировал общественные движения и протестные коллективные действия» [Доусон, Цепилова, 1993: 118]. Препятствуя на первых порах перестройки созданию протестных политических объединений, структур и неформальных организаций, власть вынужденно создавала условия для создания НПО в эколого-культурной сфере.

Активную роль в формировании общественных экологических НКО в начале перестройки сыграли известные ученые, писатели, журналисты, деятели культуры. Организационное ядро протестного экологического

движения первых лет перестройки формировалось на базе доперестроечных институций, таких формально зарегистрированных общественных организаций, подконтрольных политической власти, как дружины охраны природы (ДОП), активно создаваемые еще в СССР на базе высших учебных заведений (факультета почвоведения Московского государственного университета, Московского физико-технологического института, Московского областного педагогического института), наиболее известные были в Москве, но работали в масштабах всей страны [Степаницкий 2019]; бригады общественных инспекторов Всероссийского общества охотников и рыболовов; сотрудники и активисты Всероссийского общества охраны природы (ВООП); государственные инспектора рыбоохраны; сотрудники охотоведческих структур; ветераны-чернобыльцы.

В середине 1980-х годов экологическое движение в СССР становится массовым. В начале перестройки эколого-культурные НПО были единственным разрешенным оппозиционным движением. В тот период к экологическим активистам примкнули самые разные оппозиционеры, в первую очередь те, кто выступал за политические реформы в стране. Высоким был и протестный потенциал общества в целом. Масштабы экологического движения тех лет представляются сегодня невероятными. Так, в небольшом промышленном городе Кириши Ленинградской области с населением 55 тысяч человек движение против выпуска белково-витаминных концентратов (БВК) на биохимическом заводе (БХЗ) имело активную и деятельную поддержку большинства горожан. В 1987–1988 гг. в Киришах прошли общегородские митинги, каждый из которых собирал до 25 тыс. жителей. На митингах присутствовали представители протестного экологического движения из многих регионов страны, известные журналисты, деятели культуры. В 1989 г. на основании выводов комиссии, созданной лично М.С. Горбачевым, Верховный Совет СССР принял решение о закрытии и перепрофилировании всех восьми заводов данного профиля к 1 января 1991 г. [Цепилова 2002].

Наиболее ярким примером всероссийского экологического протеста тех лет является волна экологических митингов против строительства канала «Волга — Чограй», прошедших 11–12 февраля 1989 г. в десятках городов Советского Союза. На митинги против строительства Министерством водного хозяйства СССР канала «Волга — Чограй» через Калмыкию и соленые пески вышло в разных городах СССР 350 тысяч человек. Реализация экологически опасного проекта была остановлена.

Идеологический спектр протестного экологического движения первого этапа перестройки имел полную палитру политических предпочтений: экоанархисты («Хранители радуги»), экосоциалисты различных ориентаций, государственники, национал-патриоты (экологическая комиссия общества «Память»).

В этот период известный эколог А.В. Яблоков становится заместителем председателя Комитета по экологии Верховного совета СССР и лидером зарождающегося общественного экологического движения. Он формирует вокруг себя команду единомышленников (опытные ученые-экологи Н.Н. Воронцов, В.Н. Данилов-Данильян, лидер неформального экологического движения С.И. Забелин). Комитет по экологии переживает реформу изнутри. По инициативе Яблокова и его коллег запускается процесс рассекречивания информации по состоянию окружающей среды в СССР. Начинается «инвентаризация» наиболее острых экологических проблем, которые предаются гласности и становятся известны публике. Так, в 1989 г. под напором набирающего силу антиядерного движения в России были организованы первые в СССР парламентские слушания по проблеме уральской радиационной катастрофы 1957 г. На сессии Верховного Совета впервые прозвучало официальное признание взрыва на ядерном комбинате «Маяк», далее были проведены слушания по этому вопросу на совместном заседании Комитета по экологии и Комитета по здравоохранению. В 1991 г. был подготовлен и в 1992 г. опубликован первый государственный доклад «О состоянии окружающей природной среды Российской Федерации в 1991 году». В обсуждении и согласовании государственных, в том числе международных, документов в сфере экологической политики в те годы участвовали не только признанные эксперты, представители научной общественности, но и лидеры российских экологических НПО, которые с ними непосредственно взаимодействовали.

Этот этап развития протестного экологического движения можно охарактеризовать в первую очередь как институционализацию самой экологической идеи, поддержанной в то время на уровне государственной политики, получившей массовую поддержку населения и вовлекшей в движение многих оппозиционеров разной идеологической и тематической направленности. Между тем очевидные черты институционализации экологического движения не носили устойчивого характера.

В 1992–1995 гг. начинается работа по созданию нового российского экологического законодательства. Эта работа в первую очередь шла

под напором «сверху» (А.В. Яблоков и команда экспертов-экологов работают в законодательной и исполнительной власти). Но эта деятельность имела всестороннюю поддержку и «снизу» (экологические НПО, инициативные экологические протестные группы, широкая экологическая общественность). По мнению экспертов (ученых-экологов, лидеров НПО), Закон об охране окружающей среды (декабрь 1991), Закон об экологической экспертизе (1995) были среди самых передовых природоохранных законов в мире. В эти годы вполне работающей была и практика правоприменения природоохранных законов. Это были не мертвые законы. Эксперты утверждают, что особенно эффективно в те годы работал недавно учрежденный на правовом уровне институт экологической экспертизы. Серьезная заслуга в эффективном использовании законодательных механизмов в деле охраны природы принадлежала общественным экологическим организациям, в состав которых в этот период входило много специалистов — ученых-экологов (академических и прикладных), юристов. В стране в эти годы стала налаживаться независимая от других ветвей власти судебная система. Экологи эффективно использовали судебные механизмы на пути улучшения экологической ситуации в стране. «Превратить поток экологических жалоб в поток судебных исков» — основной слоган экологического протестного движения тех лет.

В эти же годы представители экологических НПО и инициативных групп начинают продвигать свою повестку на уровне законодательной власти и активно участвуют в региональных и местных выборах. В ряде городов и областей в органах законодательной власти удавалось создавать экологические фракции, вносить в политическую повестку дня острые экологические вопросы и нередко решать их либо добиваться снижения экологических рисков [Цепилова 2002]. Неизбежны были в этом процессе и негативные тенденции, вызванные конкуренцией и борьбой за признание и власть. В борьбе за ресурсы (государственная поддержка, иностранные гранты) создавались псевдоэкологические общественные организации, появлялись экологические лидеры «одного дня». Однако эти негативные тенденции не смогли захватить поле экологического протестного движения. Движение в этот период уже имело устойчивые нравственные императивы и вытесняло инородные ему сущности.

Для общественных движений различной тематической направленности, включая экологические, в эти годы характерными чертами ста-

новятся процессы коммерциализации и профессионализации [Duka et al. 1995; Цепилова 1996]. Например, в Санкт-Петербурге в начале 1990-х на базе профессиональных сообществ возникли экологические группы «Врачи за экологию», «Юристы за экологию», «Ученые за экологию». Еще с советских времен профессиональные сообщества обладали экспертным капиталом и определенными организационными и финансовыми ресурсами. В 1990-е годы эти НПО, используя экспертное знание и материально-технический потенциал академических и профессиональных организаций, активно участвовали в решении экологических проблем страны. Отчасти организационно-профессиональный потенциал использовался и в коммерческих сферах деятельности. По большей части это имело позитивное значение для общественного экологического движения, но случалось, что «экологический» бренд служил исключительно личным интересам.

Но этот «золотой» период эффективного институализированного развития российского экологического движения быстро закончился. Успехи зеленого движения не остались незамеченными властью, тем более что к тому времени они существенно мешали бесконтрольной реализации внутренних и внешних инвестиционных проектов. Суды в большинстве своем к 1995–1997 гг. в результате коррупции, с одной стороны, и ужесточения властной вертикали — с другой, перестали быть самостоятельными.

Этот короткий, но яркий этап институционализации экологического движения характеризуется активной законотворческой деятельностью, успешной работой по достижению целей в судебных инстанциях, участием представителей экологических НПО и общественности в парламентской деятельности регионального и местного уровня (особенно эффективной «на местах»), профессионализацией и коммерциализацией экологического движения.

В **1996–2000 гг.** основным направлением деятельности экологической общественности становятся референдумы. Основная тематика референдумов — антиядерная. После чернобыльской катастрофы 1986 г. антиядерное движение приобретает широкий размах и предельно консолидирует зеленое всероссийское движение в целом. Таким образом, мы видим, что движение использует демократически популистские правовые инструменты для получения поддержки и решения экологических проблем. Референдумы помогли привлечь внимание к экологической проблематике, способствовали росту экологического сознания

в обществе и позволили в ряде случаев блокировать инвестиционные проекты, которые, по мнению экологов, могли нанести ущерб окружающей среде. Приведем несколько примеров.

Референдум по строительству Костромской АЭС 1995 г., когда 72 % населения области проголосовали против реализации этого проекта, хотя впоследствии и был признан нелегитимным (вопрос относился к компетенции федеральной власти и окончательно решался именно на этом уровне), в конечном итоге повлиял на то, что власти отказались от строительства, обнаружив массовое недовольство граждан.

В 2000 г. Социально-экологический союз, Центр экологической политики России и ряд других ведущих экологических НПО выступили с инициативой проведения Всероссийского референдума по трем вопросам: 1. Вы за запрет ввоза из других государств на территорию России радиоактивных материалов на хранение, захоронение или переработку? 2. Вы за то, чтобы в России был федеральный государственный орган по охране окружающей среды, отдельный как от органов по использованию, так и от органов по управлению природными ресурсами? 3. Вы за то, чтобы в России была юридически самостоятельная государственная лесная служба? Для проведения референдума необходимо было собрать два миллиона подписей. Собрали два с половиной. Таким образом, экологическая общественность проявила навыки организационно-политической и мобилизационной работы. Все подписи были проверены в областных избирательных комиссиях, но Центральная избирательная комиссия (ЦИК) признала недостаток 55 тысяч подписей, поскольку многие под надуманными предложениями были признаны недействительными. Через три месяца после того, как были поданы подписи, законодательство было изменено. Изменение закона гласило, что собирать подписи можно только в специально отведенных местах.

Легальными оставались только местные референдумы. И примеры успешного проведения таких референдумов даже в последующие годы были: в Сасовском районе Рязанской области (референдум по вопросу строительства цеха по производству фенолформальдегидных смол на Нижнемальцевском химзаводе 2008 г.), Красночикойском районе Забайкальского края (референдум по вопросу предоставления участка недр в пользование для геологического изучения и добычи урана на месторождении «Горное» в Красночикойском районе 2008 г.) жители сумели остановить экологически опасные проекты.

Участие экологических активистов в подготовке и проведении экологических референдумов различного уровня было ключевым для до-

стижения успеха мобилизации. В каждом случае подготовку к референдумам сопровождали прямые акции протеста (митинги, демонстрации, палаточные лагеря). Несмотря на отказ от самого механизма федеральных референдумов на законодательном уровне, следует признать, что общественное экологическое движение России сделало большой шаг вперед в процессе институционализации движения, в том числе были сохранены все выработанные за время проведения референдумов механизмы взаимодействия между НПО, наработаны каналы диалога с официальными структурами власти с гражданскими инициативами. Экологическое протестное движение стало всероссийским.

Однако именно 2000 г. становится концом относительно стабильного развития неформального экологического движения. Это переломный, драматичный год для экологического спектра гражданского общества. По мнению бесспорного лидера всероссийского экологического движения А.В. Яблокова, с 2000 г. начинается процесс неуклонно возрастающей деэкологизации общества и государства:

Всеми возможными способами обеспечиваются увеличение инвестиционной привлекательности (территорий. — О.Ц.) за счет снижения природоохранных требований. То есть обеспечение быстрой прибыли за счет попрания природоохранных законов. Идеологи деэкологизации из команды А. Чубайса, Г. Грефа, А. Кудрина, А. Коха и др. утверждали: «Займемся экологией, когда Россия станет богатой» (из интервью с А.В. Яблоковым, 2013).

В 2000 г. принимается правительственное решение о ликвидации Государственного комитета РФ по охране окружающей среды. Одновременно ликвидируется Комитет лесного хозяйства (Роскомлесхоз), ограничиваются функции Комитета землепользования (Роскомземпользования), ликвидируется экологическая милиция, выходит предписание об изъятии курса экологии из обязательной программы средней школы.

Всероссийское экологическое движение пыталось всеми силами сопротивляться антиэкологическим решениям федеральной власти. НПО выпускали петиции, собирали подписи по всей стране в защиту экологических законов и природоохранных ведомств, выходили на акции протеста (ограниченные митинги и одиночные пикеты). В ответ Генпрокуратура в 2000 г. начала тотальную проверку всех экологических НПО.

Этап референдумов — главное институциональное направление протестного экологического движения 1996–2000 гг. Успешность дей-

ствий экологических активистов в названном направлении с большой вероятностью привела к серьезным официальным ограничениям в реализации механизмов референдумов. 2000 год становится переломным в институциональных практиках экологического движения: на уровне государственной политики начинается отказ от учета экологических требований и стандартов ради быстрого экономического роста.

В 2001–2005 гг. продолжается системное разрушение нормативных основ экологической политики, которые создавались в предыдущие постперестроечные годы. В 2001 г. разрешен ввоз в Российскую Федерацию облученных тепловыделяющих сборок ядерных реакторов на основе международных договоров. В 2002 г. отменено прописанное в законе право граждан требовать отмены решений о размещении, проектировании, строительстве, реконструкции, эксплуатации экологически вредных объектов, права граждан и некоммерческих организаций ставить вопрос о привлечении к ответственности виновных юридических лиц и граждан, права граждан и НКО предъявлять в суд иски о возмещении вреда, причиненного здоровью и имуществу граждан экологическими правонарушениями; изъята норма об исковых требованиях о прекращении экологически вредной деятельности и автоматическом прекращении финансирования такой деятельности; изъяты нормы закона о возмещении ущерба здоровью граждан; обозначена как необязательная общественная экологическая экспертиза. В 2004 г. отменены федеральные программы в области экологического развития России и целевые программы в области охраны окружающей среды субъектов РФ. В 2005 г. органы исполнительной власти лишились права выдавать предписания на приостановление размещения, проектирования, строительства, реконструкции, ввода в эксплуатацию, эксплуатации, консервации и ликвидации зданий, строений, сооружений и иных объектов за нарушение требований в области охраны окружающей среды.

Таким образом, структурные правовые условия выражения экологического протеста меняются, захлопываются окна политических возможностей экологического движения, сокращается диапазон действий в рамках нормативного поля. В этих условиях наступления власти на экологические права граждан зеленое движение прибегает к стратегии активной кооперации с правозащитными организациями. Создаются эколого-правозащитные НПО как на федеральном, так и на региональных уровнях. В 2002 г. была создана Всероссийская экологическая

правозащитная ассоциация юристов-экологов России. Наиболее ярким примером сотрудничества зеленых и правозащитников тех лет была победа по «делу Фадеевой», когда по решению Европейского суда было присуждено 9 тыс. евро гражданке Фадеевой, которую не переселили из санитарно-защитной зоны Череповецкого металлургического комбината. Это был пример того, как экологи использовали рычаги правозащитного движения, для того чтобы решать экологические проблемы.

В эти годы экологическое сообщество окончательно признало безусловным лидером экологического движения России А.В. Яблокова. Яблоков настойчиво начинает продвигать идею внесения экологической проблематики в политическую повестку дня, считая это необходимым условием выживания всего экологического сообщества. Более решительно, чем в прежние годы, лидеры зеленого движения продвигают идею трансформации общественного движения в политическую партию. В 2004 г. 286 ведущих экологических НПО страны подписали Меморандум о необходимости создания независимой зеленой партии в России.

В июне 2005 г. на I Учредительном съезде была создана партия «Союз Зеленых России (Зеленая Россия)». Председателем партии был избран А.В. Яблоков. Однако строительство партии натолкнулось на существенные организационные барьеры. В течение года, предусмотренного Законом о партиях того времени как подготовительного срока к официальной регистрации, «Зелёной России» не удалось выполнить все необходимые требования закона. И самое главное, не удалось договориться с представителями официальной власти о приемлемом для всех сторон существовании легальной независимой зеленой партии, созданной на основе экологических НПО.

На этом этапе развития экологического протестного движения институциональные практики реализуются в основном через международные правозащитные институты и структуры. Одновременно значительная часть всероссийского экологического движения приходит к осознанию необходимости внесения экологической проблематики в политическую повестку.

Противостояние. Контролируемая институционализация

В 2006–2011 гг. резко сокращается количество официально зарегистрированных экологических НПО, что, на наш взгляд, связано с сокращением источников финансирования и преследованием экологических активистов. Крайне ограниченное взаимодействие официальных

структур и экологического спектра гражданского общества в подавляющем большинстве случаев реализуется через механизм конфликта. Для «оперативной необходимости» разрешения таких конфликтов несколько экологов-представителей НПО с 2005 по 2011 г. работали в Общественной палате России. В эти годы настоящие сражения между властными структурами и экологическими НПО развернулись вокруг Федерального закона «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта» (2007). Закон декларировал отмену публичных слушаний для олимпийских объектов, отмену большинства градостроительных норм и правил при строительстве олимпийских объектов, изъятие любых участков под олимпийские объекты. Назначенный премьер-министром ответственным за Олимпиаду «Сочи-2014» Дмитрий Козак был вынужден вступить в переговоры, в частности, с активистами общественной экологической организации «Экологическая вахта по Северному Кавказу». «Эковахта по Северному Кавказу» координировала протесты по всей стране, в том числе в связи с угрозой уничтожения большого количества краснокнижных растений. Экологическим активистам с участием ученых-экологов при широкой массовой поддержке населения страны и международного сообщества удалось внести серьезные природоохранные коррективы в генеральный план строительства олимпийских объектов.

Цивилизованные механизмы взаимодействия «власть — гражданское общество» в экологической сфере возникали на федерально-ведомственном уровне исключительно под воздействием давления снизу, вынуждающего официальные власти к диалогу. Подобные механизмы стали формироваться на федеральном ведомственном уровне на фоне осознания катастрофического характера вставших перед российским обществом глобальных экологических проблем и высоких репутационных ущербов (в т.ч. на международном уровне), являющихся следствием нерешенности указанных проблем в предыдущие десятилетия. В ходе реализации проекта «Достижение общественного согласия при строительстве пунктов захоронения радиоактивных отходов (РАО) в России» в 2006 г. был создан Общественный совет государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» с участием экологических НПО. Целью создания такой структуры стала потребность в посредничестве авторитетных экологов в диалоге «Росатома» с населением. Но диалог про-

двигался трудно. Несмотря на ориентацию большинства крупнейших всероссийских экологических НПО на решение проблемы в диалоге с «Росатомом», представители местных НПО и жители городов, вблизи которых планировалось размещение могильников РАО, выступали против реализации этого проекта.

Еще один пример трудного диалога экологической общественности и власти возник в ходе реализации крупного инвестиционного проекта «Космодром Восточный» (2007 — настоящее время) в Амурской области. Экологические риски проекта были связаны с использованием в разгонных блоках гептила, высокотоксичного топлива 1-го класса опасности. Общественное участие проходило в различных стадиях развития проекта и изменялось в диапазоне от острого конфликта до условного консенсуса. Использование оппонентами проекта конвенциональных форм протеста имели последствиями институционализацию ряда требований протестующих, выразившихся, в частности, в создании Общественной комиссии по контролю за строительством и деятельностью космодрома «Восточный». В 2011 г. был создан Общественный совет по вопросам экологии при губернаторе Амурской области, куда, в частности, вошли и представители названной комиссии.

Важные события в этот период происходили и на политическом зеленом фланге. В мае 2006 г. инициатива по созданию независимой зеленой партии на базе экологических НПО была закрыта на II съезде партии «Зеленая Россия», учрежденной в июне 2005 г. В рядах политизированных зеленых произошел раскол. Группа, состоявшая из подавляющего числа региональных лидеров и возглавляемая председателем «Зеленой России» А.В. Яблоковым, выступила за создание автономной структуры в рамках официально зарегистрированной политической партии с последующим преобразованием в независимую политическую партию. Эта группа политизированных зеленых взяла курс на создание фракции внутри демократической партии «ЯБЛОКО», имеющей отчетливую и реально работающую экологическую повестку (в том числе твердую позицию о неприемлемости экспорта радиоактивных отходов в РФ). В июне 2006 г. на XVI съезде партии «ЯБЛОКО» была создана фракция «Зеленая Россия». В 2007 г. фракция «Зеленая Россия» партии «ЯБЛОКО» была принята в качестве ассоциированного члена в Европейскую зеленую партию (ЕЗП). Другая группа экополитиков, основу которой составляли московские, саратовские и мурманские экосоциалисты, не согласились уйти «под крыло» партии «ЯБЛОКО» и в июне

2006 г. создали Всенародное экологическое общество «Зеленые 3000» [Цепилова 2022: 107–109]. Постепенно конфликт политизированных зеленых смягчился. А.В. Яблоков и его ближайшие соратники сумели наладить диалог между политическим и неполитическим крылом экологического движения, в том числе в ходе конкретной деятельности по снижению экологических рисков в проектах «Олимпиада “Сочи-2014”», «Захоронение РАО», «Космодром “Восточный”».

Названный период характеризуется вынужденной институционализацией экологического движения, когда власти прибегают к помощи экологической общественности только с целью иметь посредников в диалоге с населением в острых конфликтных ситуациях в ходе решения экологических проблем и реализации крупных инвестиционных проектов, а также с целью снижения репутационных рисков. В сложном институциональном развитии продолжался процесс частичной политизации экологического протестного движения.

Деинституционализация

В 2012–2023 гг. продолжается процесс деэкологизации природоохранной политики. На законодательном уровне значительно пострадали особо охраняемые природные территории (ООПТ). В 2013 г. лечебно-оздоровительные местности и курорты лишились статуса ООПТ, государственные заповедники лишились охранных зон с ограниченным режимом природопользования на прилегающих к ним территориях, было разрешено переводить заповедники в статус национальных парков. Государственная Дума VI созыва (2011–2016) приняла не менее 40 законопроектов, способствующих деградации окружающей среды. «Попытки официальной власти заявить важность экологической проблематики (например, 2017 — Год экологии) и поддержать организационно и финансово общественно-экологические инициативы, на деле обернулись лишь декларативностью заявленных целей и задач, созданием фейковых экологических структур, усилением коррупционных процессов в названной сфере общественной деятельности» [Цепилова 2019: 24].

Значительная часть известных экологических НПО в соответствии с Федеральным законом 2012 г. получили статус «иностранных агентов». Экологические активисты, защищавшие общественные интересы, оказались в группе риска. Под надуманными предлогами начались уголовные преследования. Ряд экологических активистов были вынуждены

эмигрировать из-за угроз личной безопасности. Последние «вынужденные» черты институционализации экологических инициатив предыдущего периода были практически искоренены. Решением губернатора Амурской области в 2015 г. прекратил свое существование Общественный совет по вопросам экологии при губернаторе Амурской области. Общественный совет госкорпорации «Росатом» существует в настоящее время формально, не имеет реального представительства экологической общественности и не реализует своих полномочий в диалоге «власть — общественность».

Тем не менее «реально существующие экологические НПО, ядро которых сформировалось в конце 1980-х – начале 1990-х годов, понеся существенные потери с начала нулевых до современного этапа, с учетом огромного потенциала прежних лет развития сохранились как наиболее сильный сектор гражданского общества. Однако современный период их развития в лучшем случае можно характеризовать как “выживание”, а не “развитие”. Отсутствие государственной организационно-финансовой поддержки, нередкие случаи преследования экологических активистов и организаций, тотальные административные и финансовые проверки привели к складыванию двух основных тенденций в развитии неформального экологического движения современного этапа: усилению консолидации “ядра” выживших ключевых организаций и развитию “теневых” форм организационного и финансового существования» [Цепилова 2019: 24].

В поддержании экологического спектра гражданского общества все большую роль играют сетевые медиа. Острая экологическая проблематика сама пробивает себе дорогу в общественный дискурс и на политическую сцену. Наиболее яркий пример — «мусорные бунты» последних лет. Массовый характер приобрели протестные акции, начавшиеся весной 2018 г. в Подмосковье против «мусорной политики» региональных властей. Серьезное противостояние общественности и власти по поводу строительства мусоросжигательного завода (МСЗ) в поселке Осиново Зеленодольского района Республики Татарстан, в непосредственной близости от столицы республики, продолжалось с осени 2018 по 2020 г. Широкую известность получила ситуация в Архангельской области вблизи железнодорожной станции Шиес, где летом 2018 г. началась подготовка к строительству полигона для захоронения миллионов тонн мусора, образующегося в Москве. Всероссийское экологическое движение «Стоп-Шиес» одержало победу. Проект закрыт, договор

о строительстве расторгнут. В 2020–2023 гг. эпицентр антимусорных протестов переместился на юг России. В Краснодарском крае с повышенной туристической нагрузкой проблемы утилизации бытовых отходов десятилетиями отходили на второй план. Следует добавить, что в связи с текущей политической ситуацией наблюдается резкое увеличение рекреационной нагрузки на территорию Краснодарского края. Накопленные проблемы окружающей среды начали вызывать серьезное общественное возмущение.

В ходе мусорных бунтов возникают новые объединения — НПО, протестные группы, объединения, ассоциации. В протестных тактиках в социально-экологических конфликтах активно используются социальные медиа. Обмен опытом, сетевая поддержка, расширение границ конфликтов, самоорганизация граждан свидетельствуют о появлении новых форм институционализации экологических протестных движений.

Политическое крыло экологического движения продолжает существовать в качестве фракции «Зеленая Россия» в партии «ЯБЛОКО». Ряд активистов «Зеленой России» имеют статус депутатов местной и региональной власти.

Взаимодействие политического и неполитического крыла зеленого движения России осуществляется в режиме постоянного диалога в ходе подготовки и проведения всероссийских «Яблоковских чтений» (проводятся ежегодно с 2017 г. после ухода из жизни лидера Всероссийского экологического движения А.В. Яблокова), а также в совместных усилиях по разрешению экологических конфликтов.

Последний временной промежуток развития экологического движения можно характеризовать как этап деинституционализации экологического движения. В то же время в ходе разрешения острых экологических конфликтов возникают новые формы объединений экологического протестного движения. В ограниченных формах развивается политическое участие экологических активистов.

* * *

Возникшее в постперестроечные годы протестное экологическое движение с конца 1980-х годов до настоящего времени прошло несколько этапов развития. Они существенно различались по характеру институционального развития. В первую очередь эти различия были обусловлены постоянно меняющейся структурой политических

возможностей и ролью официальной власти в побуждении и сдерживании протестной общественной активности.

С 2000 г. в связи с изменением политических приоритетов (пренебрежение экологическими требованиями ради получения быстрой прибыли) начинается неуклонный процесс деэкологизации общества, который сопровождается частичной деинституционализацией экологического движения. Важно отметить, что в мировой практике развитие гражданского общества, контроль за бизнесом и властью являются существенными факторами экономического развития.

Между тем активное и поступательное развитие протестного экологического движения на первых этапах развития (1986–2000.), хотя и характеризуется фрагментарными, неукорененными чертами институционализации, позволило сохранить в XXI в. ядро протестного экологического движения, которое, по нашему мнению, является сегодня самым сильным сектором гражданского общества. Протестное экологическое движение находит новые формы развития, использует новые тактики, находится в поиске долговременной эффективной стратегии.

Все более значительную роль в сохранении, расширении и консолидации протестного экологического движения играют социальные медиа.

Гипотетически возможно предположить, что в поиске общественного консенсуса в сложной международной и внутренней ситуации в стране может произойти ослабление давления на общественно-политические экологические структуры внутри страны. Так уже было в конце 1980-х годов, когда именно экологам были открыты пути демократического развития. В этом случае вектор развития экологического движения изменится: политическая повестка окажется для зеленых практически закрыта, но сугубо экологическая деятельность, в том числе в решении острых экологических проблем, будет разрешена.

Литература

Давыдова С.И., Усачева, О.А. Сетевая организация экологических движений России и Европы // Социологические исследования. 2009. № 11. С. 55–64. EDN LKYGAX.

Доусон Д., Цепилова О. Мобилизация экологического движения в Ленинграде // Социология общественных движений: эмпирические наблюдения и исследования / отв. ред. В.В. Костюшев. Кн. 2. М.; СПб.: ИС РАН, 1993. С. 132–154.

Халий И.А. Этапы взаимодействия российского экологического движения с властями // Политическая наука. 2010. № 2. С. 132–157. EDN MTWOUN.

Цепилова О.Д. Общественные движения в районе экологического бедствия: история возникновения, развитие, социальные последствия (на примере г. Кириши) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. 5, № 1. С. 70–100. EDN OPRMCSJ.

Цепилова О.Д. От институционализации к политизации: сравнительный анализ возникновения и развития зеленых партий Западной Европы и политического крыла зеленого движения России // Власть и элиты. 2022. Т. 9, № 2. С. 96–121. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.4>. EDN CGCMVH.

Цепилова О.Д. Политическое и социально-экономическое развитие современной России: экологические ограничения и риски // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2019. № 2. С. 20–27. <https://doi.org/10.33491/telescope2019.203>. EDN ZCFXOH.

Цепилова О.Д. Экологические движения: предпосылки, тенденции, идеологические парадигмы, организационные структуры // Образ мыслей и образ жизни / отв. ред. Я.И. Гишинский. М.: ИС РАН, 1996. С. 62–65.

Цепилова О.Д., Гольбрайх В.Б. Экологический активизм: мобилизация ресурсов «мусорных» протестов в России в 2018–2020 гг. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23, № 4. С. 136–162. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.4.5>. EDN UJPPDG.

Яницкий О.Н. Фазы развития российского экологического движения и его публичной активности // Общественные движения в России: точки роста, камни преткновения / под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. М.: Вариант; ЦСПГИ, 2009. С. 11–27.

Duka A., Kornev N., Voronkov V., Zdravomyslova E. The Protest Cycle of Perestroika: The Case of Leningrad // International Sociology. 1995. Vol. 10, no. 1. P. 83–99. <https://doi.org/10.1177/026858095010001006>. EDN XLZXUP.

Edwards B., McCarthy J., Mataic D. The Resource Context of Social Movements // The Blackwell Companion to Social Movements / ed. by D. Snow, S. Soule, H. Kriesi, H. McCammon. Oxford: Blackwell, 2018. P. 79–97.

Gamson W. From Outsiders to Insiders: The Changing Perception of Emotional Culture and Conscientiousness among Social Movement Scholars // Mobilization An International Quarterly. 2011. Vol. 16, no. 3. P. 405–418.

Henry L. Russian environmentalists and civil society // Russian Civil Society: A Critical Assessment / ed. by A. Evans, L. Henry, L. Sundstrom. London: Routledge, 2014. P. 211–228.

Klandermans B. Promoting or preventing change through political participation: About political actors, movements, and networks // The Oxford handbook of the human essence / ed. by M. van Zomeren, J. Dovidio. New York: Oxford University Press, 2017. P. 207–218. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190247577.013.13>.

McCarthy J., Zald M. Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory // American Journal of Sociology. 1977. Vol. 82, no.6. P. 1212–1241. <https://doi.org/10.1086/226464>.

Offe C. Referendum vs. Institutionalized Deliberation: What Democratic Theorists Can Learn from the 2016 Brexit Decision // *Daedalus*. 2017. Vol. 146, no. 3. P. 14–25. https://doi.org/10.1162/DAED_a_00443.

Rucht D. Studying Social Movements: Some Conceptual Challenges // *The History of Social Movements in Global Perspective* / ed. by S. Berger, H. Nehring. London: Palgrave Macmillan, 2017. P. 39–62. https://doi.org/10.1057/978-1-137-30427-8_2.

Tilly C. Introduction to Part II: Invention, Diffusion, and Transformation of the Social Movement Repertoire // *European Review of History: Revue européenne d'histoire*. 2005. Vol. 12, no. 2. P. 307–320. <https://doi.org/10.1080/13507480500269134>.

Zald M. The Strange Career of an Idea and its Resurrection Social Movements in Organizations // *Journal of Management Inquiry*. 2005. Vol. 14, no. 2. P. 157–166. <https://doi.org/10.1177/1056492605275243>.

Источники

Степаницкий В. Нас водила молодость // Блог Всеволода Степаницкого. 11.02.2019. URL: <https://v-stepanitskiy.livejournal.com/11291.html> (дата обращения: 15.02.2023).

STAGES OF INSTITUTIONALIZATION OF THE ENVIRONMENTAL PROTEST MOVEMENT IN POST-PERESTROIKA RUSSIA

Olga D. Tsepilova

(tsepilova@mail.ru)

Sociological Institute a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Citation: Tsepilova O. Ot institucionalizacii k politizacii: sravnitel'nyj analiz vozniknoveniya i razvitiya zelyonyh partij Zapadnoj Evropy i politicheskogo kryla zelenogo dvizheniya Rossii [Stages of institutionalization of the environmental protest movement in post-perestroika Russia], *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2023, 10 (2): 211–233. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.9>
EDN BCGYBR

Abstract. *Within the framework of the mobilization and institutional approaches, the analysis of the development of the protest environmental movement of post-perestroika Russia is carried out. Special attention is paid to the role of the state structure in encouraging and restraining environmental protest activity. There are six stages in the development of the movement, which have differences in the use of institutional practices. The rootedness and effectiveness of using these practices to achieve the set goals are evaluated. The study revealed that in Russia the process of institutionalization of the environmental protest movement was fragmented, having no stable characteristics. Meanwhile, involvement in various institutional practices at all stages of the movement's development, without exception, from the beginning of Perestroika to the present, contributed to the formation of an ecological protest community into a single whole; strengthened the consolidation of its participants; and ultimately helped the core of the green movement to survive. Today, the protest environmental movement, trying to preserve its identity and basic values, is in search of new forms of existence, effective tactics and a long-term development strategy. At the same time, in the search for public consensus in the difficult international and internal situation in the country, changes in the structure of political opportunities are possible. The vector of development of the protest environmental movement can be changed in two directions: the political agenda will be practically closed to the greens; purely environmental activities in solving acute environmental problems, including in conventional, strictly regulated forms of protest will be allowed.*

Keywords: *Environmental protest movement, mobilization, institutionalization, structure of political opportunities, non-governmental organizations (NGOs), political agenda.*

References

Davydova S.I., Usacheva O.A. *Setevaya organizatsiya ekologicheskikh dvizheniy Rossii i Yevropy* [Networks organization of ecological movements in Russia and Europe], *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 2009, 11, pp. 55–64. EDN LKYGAX. (In Russian)

Dowson D., Tsepilova O. Mobilizatsiya ekologicheskogo dvizheniya v Leningrade [Mobilization of the environmental movement in Leningrad]. In: *Sotsiologiya obshchestvennykh dvizheniy: empiricheskiye nabludeniya i issledovaniya* [Sociology of social movements: empirical observations and research]. Ed. by V.V. Kostyushev. Book. 2. Moscow; St. Petersburg: IS RAN, 1993, pp. 132–154. (In Russian)

Duka A., Kornev N., Voronkov V., Zdravomyslova E. The Protest Cycle of Perestroika: The Case of Leningrad, *International Sociology*, 1995, 10(1), pp. 83–99. <https://doi.org/10.1177/026858095010001006>. EDN XLZXUP. (In Russian)

Edwards B., McCarthy J., Mataic D. The Resource Context of Social Movements. In: *The Blackwell Companion to Social Movements*. Ed. by D. Snow, S. Soule, H. Kriesi, H. McCammon. Oxford: Blackwell, 2018, pp. 79–97.

Gamson W. From Outsiders to Insiders: The Changing Perception of Emotional Culture and Consciousness among Social Movement Scholars. *Mobilization An International Quarterly*, 2011, 16(3), pp. 405–418.

Henry L. Russian environmentalists and civil society. In: *Russian Civil Society: A Critical Assessment*. Ed. by A. Evans, L. Henry, L. Sundstrom. London: Routledge, 2014, pp. 211–228.

Khalii I.A. Etapy vzaimodeystviya rossiyskogo ekologicheskogo dvizheniya s vlastyami [The stages of interaction of Russian environmental movement with authorities], *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2010, 2, pp. 132–157. EDN MTWOUH. (In Russian)

Klandermans B. Promoting or preventing change through political participation: About political actors, movements, and networks. In: *The Oxford handbook of the human essence*. Ed. by M. van Zomeran, J. Dovidio. New York: Oxford University Press, 2017, pp. 207–218. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190247577.013.13>.

McCarthy J., Zald M. Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory. *American Journal of Sociology*, 1977, 82(6), pp. 1212–1241. <https://doi.org/10.1086/226464>.

Offe C. Referendum vs. Institutionalized Deliberation: What Democratic Theorists Can Learn from the 2016 Brexit Decision. *Daedalus*, 2017, 146(3), pp. 14–25. https://doi.org/10.1162/DAED_a_00443.

Rucht D. Studying Social Movements: Some Conceptual Challenges. In: *The History of Social Movements in Global Perspective*. Ed. by S. Berger, H. Nehring. London: Palgrave Macmillan, 2017, pp. 39–62. https://doi.org/10.1057/978-1-137-30427-8_2.

Tilly C. Introduction to Part II: Invention, Diffusion, and Transformation of the Social Movement Repertoire, *European Review of History: Revue européenne d'histoire*, 2005, 12(2), pp. 307–320. <https://doi.org/10.1080/13507480500269134>.

Tsepilova O.D. Politicheskoye i sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye sovremennoy Rossii: ekologicheskoye ogranicheniya i riski [Political and socio-economic development of modern Russia: environmental obstacles and risks], *Teleskop: Zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy* [Telescope: journal of sociological and marketing research], 2019, 2, pp. 20–27. <https://doi.org/10.33491/telescope2019.203>. EDN ZCFXOH. (In Russian)

Tsepilova O.D. Ekologicheskoye dvizheniya: predposylki, tendentsii, ideologicheskoye paradigmy, organizatsionnyye struktury [Ecological movements: prerequisites, trends, ideological paradigms, organizational structures]. In: *Obraz mysley i obraz zhizni* [Image of thoughts and lifestyle]. Ed. by Ya.I. Gilinsky. Moscow: IS RAN, 1996, pp. 62–65. (In Russian)

Tsepilova O.D. Obshchestvennyye dvizheniya v rayone ekologicheskogo bedstviya: istoriya vozniknoveniya, razvitiye, sotsial'nyye posledstviya (na primere g. Kirishi) [Social movements in the region of environmental disaster: rise, development, and social consequences (Kirishi case)]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2002, 5(1), pp. 70–100. EDN OPRMCJ. (In Russian)

Tsepilova O.D. Ot institucionalizatsii k politizatsii: sravnitel'nyy analiz vozniknoveniya i razvitiya zelyonykh partiy Zapadnoy Evropy i politicheskogo kryla zelenogo dvizheniya Rossii [From institutionalization to politicization: a comparative analysis of the emergence and development of Green parties in Western Europe and the political wing of the Green Movement in Russia]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2022, 9(2), pp. 96–121. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.4>. EDN CGCMVH. (In Russian).

Tsepilova O.D., Golbraih V.B. Ekologicheskyy aktivizm: mobilizatsiya resursov «musornykh» protestov v Rossii v 2018–2020 gg. [Environmental activism: resource mobilisation for “garbage” protests in Russia in 2018–2020]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2020, 23(4), pp. 136–162. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.4.5>. EDN UJPPDG. (In Russian)

Yanitsky O.N. Fazy razvitiya rossiyskogo ekologicheskogo dvizheniya i yego publichnoy aktivnosti [Phases of development of the Russian environmental movement and its public activity]. In: *Obshchestvennoye dvizheniye v Rossii: tochki rosta, pretknoveniya kamney* [Social movements in Russia: growth points, stumbling

blocks]. Ed. by P.V. Romanova, E.R. Yarskaya-Smirnova. Moscow: Variant; TsSPGI, 2009, pp. 11–27. (In Russian)

Zald M. The Strange Career of an Idea and its Resurrection Social Movements in Organizations. *Journal of Management Inquiry*, 2005, 14(2), pp. 157–166. <https://doi.org/10.1177/1056492605275243>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ачкасов Валерий Алексеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой этнополитологии факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (val-achkasov@yandex.ru).

Витковская Татьяна Борисовна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований Уральского отделения РАН, Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (vit.tatiana@gmail.com).

Гуторов Владимир Александрович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (gut-50@mail.ru).

Дука Александр Владимирович, кандидат политических наук, заведующий сектором социологии власти и гражданского общества Социологического института — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (alexander-duka@yandex.ru).

Думлер Денис Андреевич, преподаватель-исследователь кафедры политических наук историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета (dumlerden@yandex.ru).

Лапина Наталия Юрьевна, доктор политических наук, главный научный сотрудник, заведующий Отделом глобальных проблем Института научной информации по общественным наукам РАН (lapina_n@mail.ru).

Сафронов Вячеслав Владимирович, старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (vsafonov@list.ru).

Соловьев Дмитрий Анатольевич, аспирант кафедры международных отношений и политологии Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина (dmitry.a.solovlev@yandex.ru).

Фадеева Любовь Александровна, доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета; главный редактор журнала «Вестник Пермского университета. Политология» (lafadeeva2007@yandex.ru).

Цепилова Ольга Дмитриевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (tsepilova@mail.ru).

CONTRIBUTORS

ACHKASOV, Valeriy, Dr. of Sc. (Political Sc.), Prof., Head of the Ethno political studies department, St. Petersburg State University, Faculty of Political Science (valachkasov@yandex.ru).

DUMLER, DENIS, lecturer-researcher, Political Science Department, Perm State University (dumlerden@yandex.ru).

DUKA, Aleksandr, Candidate of Sc. (Political Sc.), Head of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (alexander-duka@yandex.ru).

FADEEVA, Liubov, Dr. of Sc. (History), Professor of Politics, Political Science Department, Perm State University; Chief-editor of journal *Bulletin of Perm University. Political Science* (lafadeeva2007@yandex.ru).

GUTOROV, Vladimir, Dr. of Sc. (Philosophy), Professor, Head of the Department of Theory and Philosophy of Politics, Faculty of Political Science, Saint-Petersburg State University, Russia (gut-50@mail.ru).

LAPINA, Natalia, Dr. of Sc. (Political Sc.), chief scientific officer, Head of the Global Problems department, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (lapina_n@mail.ru).

SAFRONOV, Vyacheslav, senior researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (vsafironov@list.ru).

SOLOVYOV, Dmitriy, postgraduate student of the Department of International Relations and Political Science, Derzhavin Tambov State University (dmitry.a.solovev@yandex.ru).

TSEPILOVA, Olga, Candidate of Sc. (Sociology), senior researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (tsepilova@mail.ru).

VITKOVSKAYA, Tatyana, Candidate of Sc. (Political Sc.), senior researcher of the Institute for Humanitarian Research, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm' Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (vit.tatiana@gmail.com).

Научное издание

Власть и элиты
Том 10
Выпуск 2

Под редакцией А.В. Дуки

Редактор *М.В. Банкович*
Компьютерный макет *Н.И. Пашковской*

Подписано в печать 25.12.2023.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 14. Уч.-изд. 12.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ № .

Издательство «Интерсоцис»
190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

Отпечатано в типографии «Реноме»
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40